

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ»

Среднерусский институт управления – филиал

На правах рукописи

КРЕТОВ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ

**СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ
ПОЛИТИКИ КАК ФАКТОР ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ
ИЗМЕНЕНИЙ И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ**

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:

кандидат экономических наук, доцент

Леонова Оксана Вячеславовна

Орел – 2021

Содержание

Введение	3
1 Теоретико-методологические аспекты исследования новых поколений и становления государственной молодежной политики	27
1.1 Молодежь, молодежная среда, устойчивость и стабильность политических систем: операционализация понятий и категорий исследования	27
1.2 Политика государства по отношению к новым поколениям в контексте проблем институциональных изменений и политического развития	47
1.3 Государственная политика в отношении новых поколений как ориентир в мобилизации ресурсов для достижения целей общества: теоретические подходы и практика реализации....	62
2 Этапы становления, институциональные особенности и проблемы реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации	74
2.1 Основные этапы становления государственной молодежной политики и институциональных изменений новых поколений в современной России	74
2.2 Политико-правовые и социальные механизмы и инструменты институционализации государственной молодежной политики в Российской Федерации	90
2.3 Государственные и негосударственные субъекты молодежной политики в Российской Федерации: взаимодействие, взаимовлияние, противоречия	104
3 Государственно-управленческие цели молодежной политики в контексте политического развития современной России	115
3.1 Основные политические задачи реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации	115
3.2 Политическое участие и особенности политического представительства российской молодежи как стратегический вектор государственной молодежной политики	133
3.3 Государственно-управленческое регулирование в сфере молодежных субкультур и контркультур как фактор обеспечения стабильности политического развития России	150
Заключение.....	167
Библиографический список	172
Приложения	194

Введение

Актуальность темы исследования. Проблематика реализации эффективной государственной молодежной политики в постсоветской России всегда стояла в повестке дня не только органов власти и управления различных уровней, но и в российской экспертной и научной среде. Это объясняется наличием ряда важных причин.

Во-первых, актуальность проблематики экономико-социальной, политической и технологической модернизации, переход к внедрению инноваций в различных отраслях и сферах невозможны без серьезных усилий новых генераций, обладающих знаниями, компетенциями и соответствующей энергетикой. Именно эти качества могут обеспечить модернизационный прорыв и прогресс страны в условиях жесточайшей конкуренции государства на международной арене. Следовательно, молодежь, как социально-возрастная группа, должна быть понимаема различными политическими институтами, в особенности институтом государства, как важнейший ресурс развития. Понимая эту цель, органы власти и управления РФ должны быть настроены на инвестирование средств в развитие новых генераций, которые, в свою очередь, должны прилагать усилия и использовать возможности для развития и прогресса страны. И этот замысел может быть базовой основой государственной молодежной политики в РФ.

Во-вторых, молодежная среда при взаимодействии с политической системой во многом является «вещью в себе», до конца непонятой, не исследованной системно и не востребованной в полной мере в интересах развития общества и государства. Более того, молодежь и различные компоненты молодежной среды могут быть настроены враждебно к самому обществу, иницируя конфликтную деструкцию и ведя себя агрессивно по отношению к политической системе, с возможными вариантами ее демонтажа и разрушения. При этом не исключено, что именно активная часть молодого поколения может стать движущей силой социальных потрясений и

социальных революций. И это происходило со свойственным им негативным эффектом (данный феномен отражен в работе П. Сорокина¹).

Социальная революция в виде молодежных и студенческих выступлений происходила на Западе в конце 1960-х годов. Радикальная молодежь была движущей силой удавшихся «цветных революций» в ряде бывших республик СССР и неудавшихся протестных выступлений в России 2011-2012 гг. Следовательно, молодежь может стать не только ресурсом развития, но и локомотивом разрушения, ведущим к деградации общества и отсталости страны. Поэтому государственная молодежная политика должна учитывать фактор политического представительства молодежи в системе власти, политического участия в принятии решений, внедрять понятные и прозрачные правила социального лифтинга, таргетировать имеющийся эйджизм, как форму дискриминации молодежи как социальной группы, со стороны других возрастных групп.

В-третьих, государственная молодежная политика в РФ будет эффективной лишь в том случае, когда в обществе между различными поколениями будет достигнут консенсус (согласие) в отношении ценностей и норм, политической мифологии и культуры памяти (мемориальной культуры). И данный аспект послужит тому, что молодежная политика государства станет символической и одобряемой большинством населения, что, в свою очередь, приведет к оформлению модели по Т. Парсонсу «равновесия»², способствующей интеграции всех членов общества.

Кроме того, необходимо отметить и тот факт, что в нашей стране актуальность данной проблематики значительно возросла в результате

¹ Сорокин П. Социология революции / Сорокин Питирим. – М.: Книга по требованию, 2015. – С. 183-184. Революция уменьшает количество населения и задерживает его прирост. Революция обычно ведет к повышению кривой смертности. Революция представляет орудие селекции «шиворот-навыворот». Она убивает – «лучшие» по своим наследственным свойствам элементы населения и способствует выживанию «худших» элементов. Революция убивает производителей соответствующего потомства, ухудшает «биологически наследственный фонд положительных свойств народа», способствует деградации и вырождению

² Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М.: Академический проспект, 2002. – 832 с.

практических действий, совместно предпринятых государственной властью и обществом в рамках конституционной реформы 2020 г.

Речь идет о поправке к первой части 72-й статьи Конституции РФ (пункт «е»), впервые показывающей на уровне основного закона наличие в России молодежной политики. Это со всей очевидностью свидетельствует о принципиально новом этапе развития государственной молодежной политики как фактора институциональных изменений и политического развития нашей страны в современных условиях.

Хронологические и географические рамки исследования предполагают исследование молодежи и государственной политики по отношению к новым поколениям в пространственно-временном континууме с 1992 по 2020 гг. всех субъектов РФ, включая Крым и Севастополь с 2014 года.

Степень научной разработанности проблемы. Проблематика государственной молодежной политики в РФ в ракурсе институциональных изменений и политического развития является слабо изученной и недостаточно исследованной темой в российской политической науке. Вместе с тем, стоит признать, что ряд аспектов деятельности органов власти и управления РФ в период с 1992 по 2019 гг. нашел свое отражение в ряде монографий и научных статей отечественных политологов, социологов и ювенологов (к некоторым из них автор будет обращаться в своем исследовании).

Вне всякого сомнения, рассмотрение проблематики молодежи, молодежной среды и молодежной политики будет происходить в рамках понятия политического (по К. Шмитту политические действия и мотивы и то, как соединяются и разделяются между собой «желающие себя утвердить силы и власти»³) и функционирующих в политической науке политологических концептов. При этом логично, что политическую науку

³Шмитт К. Понятие политического /К. Шмитт /Пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. – СПб.: «Наука», 2016. – 568 с. – С. 281, 301

нельзя представить «вне взаимосвязи с другими социальными науками»⁴, в которых исследуется проблематика новых генераций в их взаимосвязи с государством, структурами власти и государственного управления.

Важно также подчеркнуть, что для нашей диссертационной работы по государственной молодежной политике важны основные теоретические и прикладные исследования отечественных и зарубежных авторов, которые логично разделить на пять основных групп. Многоаспектность и важность заявленной проблемы диссертации потребовали также комплексного метода и анализа научных изысканий в области политической теории.

Поэтому первая группа исследований представляет собой научные работы, посвященные теориям молодежи, молодежной среды и политическим системам. Это исследования Д. Менхейма, Ч. Бидуэлла, Н. Смелзера, Т. Парсонса, Д. Истона, С.Н. Иконниковой, В.Н. Боряза, И. Кона, В. Лисовского, И.М. Ильинского, В.В. Павловского и других ученых.⁵ Данные работы представляют, на наш взгляд, основу в формировании ключевых подходов гуманитарного знания к исследованию феномена молодежи в фокусе политического управления.

Вторая группа исследований связана с управлением процессами в молодежной среде, ролью государства во взаимодействии с различными

⁴Доган М. Политическая наука и другие социальные науки /М. Доган //Политическая наука: новые направления: Под ред. Р. Рудина и Х.-Д. Клингеманна, науч. ред. русского издания Е.Б. Шестопа. – М.: Вече, 1999. – С. 113-146. – С.113.

⁵Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени / Карл Манхейм; пер. с нем. и англ. – М.: Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. – С.571; Бидуэлл Ч. Молодежь в современном обществе / Ч. Бидуэлл // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М.: Прогресс, 1972. – С. 297-314; Смелзер Н. Социология /Нейл Смелзер / Пер. с англ. З.П. Вольской; науч. ред. В.А. Ядов. – М.: Феникс, 1998. – 688 с.; Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М.: Академический проспект, 2002. – 832 с.; Easton D. The analysis of political structure/by David Easton. – New York. London. Routledge, ChapmanandHall, Inc. 1990. – 336 p.; Иконникова С.Н. Молодежь: социологический и социально-психологический анализ. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. – 166 с.; Кон И. Психология молодежной аудитории / И. Кон // Наука убеждать. – М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1969. – С. 284-313; Боряз В.Н. Молодежь: методологические проблемы исследования. – Ленинград: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1973. – 155 с.; Лисовский В. Воспитание убежденности / В. Лисовский // Наука убеждать. – М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1969. – С. 318-347; Ильинский И.М. Между Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего. – М.: Изд-во Моск. Гуманит. Ун-та, 2006. – 664 с.; Меркулов П.А. Исторический опыт разработки и реализации государственной молодежной политики в России (вторая половина XIX в. – начало XXIV.). – Орел: Издательство ОФ РАНХиГС, 2014. – 488 с.; Павловский В.В. Ювенология: проект интегративной науки о молодежи. – М.: Академический Проект, 2001. – 304 с.

социальными группами, с новыми поколениями, моделями и практиками государственного управления, спецификой отраслевых государственных политик. Это работы Н. Винера, У. Росс Эшби, Р. Арона, Б. Джессопа, А.И. Соловьева, Г.Л. Купряшина и др.⁶ Для автора диссертационного исследования они были важны с точки зрения методологии, позволившей выявить системные и универсальные подходы к эффективному управлению. Кроме того, это дало основание переложить данные системы координат на управленческие процессы в молодежной среде РФ, выявить как успешные практики, так и серьезные ошибки и просчеты в реализации государственной молодежной политики.

Третья группа исследований связана с ролью институтов в жизни поколений, их взаимодействием и взаимовлиянием на процесс институциональных изменений. Это работы Т.Б. Веблена, Дж. Р. Комонса, Б. Родстайна, Д.Г. Марча и И.П. Олсена, Д. Норта, М. Грановеттера, Л. Пая, В.Г. Федоровой, С.В. Чугрова, П.В. Панова, Б. Куприянова, Р.В. Литвака, Ю.С. Моздоквой, В.А. Мясоедовой, А.А. Сивакова и др.⁷ Таким образом, сочетание классических работ западных авторов по институционализму и

⁶ Винер Н. Кибернетика и общество / Норберт Винер; пер с англ. В. Желнинова. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 288 с; Эшби У. Росс Введение в кибернетику: / У. Росс Эшби; Пер. с англ. / Под ред. В.А. Успенского; Предисл. А.Н. Колмогорова. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017. – 430 с; Арон Р. Избранное: Измерение исторического сознания. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 528 с; Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее. / Боб Джессоп; пер. с англ. С. Моисеева; под науч. Ред. Д. Карасева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 504 с; Купряшин Л.Г. Государственное управление посредством институциональных изменений / Г.Л. Купряшин // Политические исследования. – 2012. – №6. – С. 112-125.

⁷ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с; Веблен Т. Теория праздного класса: Пер. с англ. / Вступ. ст. и примеч. С.Г. Сорокиной; Общ. ред. В.В. Мотылева. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2018. – 368 с; Коммонс Дж. Р. Правовые основания капитализма / пер. с англ. А. Апполонова, А. Маркова; под ред. М. Одинцовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 416 с; Ротстайн. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. Научный редактор Е.Б. Шестопал. – М.: Вече, 1999. – С. 149-181; Пай Л. Незападный политический процесс /Л. Пай // Политическая наука. – 2003. – №2. – С. 66-85; March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life / The American Political Science Review, – Vol. 78, – No 3 (Sep., 1984), 734-749; Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема ускоренности /М. Грановеттер // Классика новой экономической социологии / сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин; пер. с англ. и с фр.; под науч. ред. В.В. Радаева, Г.Б. Юдина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 381 с; Мясоедова В.А. Формирование института молодежных политических элит в контексте политических преобразований в Российской Федерации / В.А. Мясоедова // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. – 2016. – № 4. – С. 19-28.

неоинституционализму, с одной стороны, и работ отечественных авторов по конкретным институтам в молодежной среде России, с другой стороны, дало системный взгляд на институциональный дизайн государственной молодежной политики РФ.

К четвертой группе исследований можно отнести работы, связанные с концептом и процессом развития, проблематикой политического развития, политического представительства и политического участия. Это научные исследования Р. Нисбета, М. Липсета, А. Лейпхарта, Р.А. Даля, Листера У. Милбрайта, Ю. Шевченко, Б.А. Ручкина, Н.А. Фофоновой, А.А. Шмелева и др.⁸ В итоге появилась логическая цепочка взаимосвязи «молодежь – институты – управление – развитие», позволившая проследить, как целеполагание молодежной политики, так и ее эффективность.

К пятой группе автор относит работы отечественных авторов, связанные с исследованием различных аспектов становления и реализации государственной молодежной политики в РФ (с 1992 по 2019 годы). Это работы Б.Б. Гусева, в которых делается акцент на стратегии государственной молодежной политики (ГМП). Другие исследования российских авторов посвящены следующим темам: социализация молодежи (Ю.А. Зубок), исторические аспекты реализации ГМП на различных этапах развития постсоветской России (И.М. Ильинский, П.А Меркулов), молодежная политика в сфере досуга молодежи (В.А. Бурлуцкая), нормативная база ГМП (В. Головенко), государственная поддержка молодежных и детских объединений (А.Ю. Докшина), приоритеты ГМП (А.Р. Макаева), проблемы в реализации ГМП (С.Н. Чирун) и др.⁹

⁸ Нисбет Р. Прогресс: история идеи / Р. Нисбет; пер с англ. Под ред. Ю. Кузнецова и Гр. Сапова. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 557 с; Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / А. Лейпхарт; Пер. с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с; Липсет М. Политический человек: социальные основания политики / М. Липсет; пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. – М.: Мысль, 2016. – 612 с.; Фофонова Н.А. Современные подходы к деятельности детских и молодежных общественных объединений / Н.А. Фофонова // Педагогика и современность. – 2013. – № 1 (3). – С. 24–27.

⁹ Государственная молодежная политика в России: социально-психологические основания и технологии реализации / Под общ. ред. С.Ю. Поповой. – М.: Аквилон, 2019. – 448 с; Зубок Ю.А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества. – М.: Социум, 1998. – 142 с.; Ильинский И.М.

Проведенный анализ научных трудов в сфере исследования позволил заключить, что многие научные работы, посвященные государственной молодежной политике, имеют описательный характер, в них отмечаются попытки сформулировать комплексную характеристику механизмов стратегии поддержки молодежи. Однако вопросы о совершенствовании ключевых механизмов, определяющих эффективность молодежной политики: нормативно-правовых, институциональных, информационно-коммуникативных, – требуют постоянных обобщений и корректировок в контексте состояния политического процесса в Российской Федерации и тенденций развития молодежной среды. Противоречивость и социальная значимость процесса реализации молодежной политики государства обуславливают предметную область настоящей научной работы.

Объектом исследования являются политико-институциональные изменения в современной России в контексте научного осмысления политики государства по отношению к новым поколениям.

Предметом диссертационного исследования является государственная молодежная политика в РФ, ориентированная на продуктивные институциональные изменения в молодежной среде, которые предполагают устойчивое социально-экономическое и последовательное политическое развитие российского общества.

Цель исследования – раскрыть и проанализировать в рамках диссертационной работы смыслопроизводство, основные этапы и содержание государственной молодежной политики РФ в период с 1992 по 2020 гг. для выявления различных аспектов ее влияния на характер протекания процесса политико-институциональных изменений в

Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория / И.М. Ильинский. – М.: Голос, 2011. – 696 с.; Бурлуцкая В.А. Особенности реализации государственной молодежной политики в сфере досуга молодежи в современной России / В.С. Тимошенко // Colloquium-journal. – 2019. – № 1-8 (25). – С. 8–13.; Головоненко Д.В. Нормативно-правовые аспекты государственной молодежной политики / Д.В. Головоненко // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2013. – № 4 (14). – С. 48–52.; Чирун С.Н. Государственная молодежная политика Российской Федерации: проблемы реализации и противоречия методологии / С.Н. Чирун // Политика и общество. – 2017. – № 1 (145). – С. 16–32.

современной России. Намеченная цель диссертационной работы предполагает решение научных **задач**:

- провести операционализацию понятий «молодежь», «молодежная среда», «молодежная политика», «политика государства в отношении новых поколений» для выявления места и роли молодежи РФ в институциональных изменениях и политическом развитии российского общества в 1990–2000 гг.;
- рассмотреть особенности формирования и реализации политики государства по отношению к новым поколениям в контексте проблем институциональных изменений и политического развития общества;
- проанализировать проблемы практической реализации государственной молодежной политики как ориентира в мобилизации ресурсов достижения целей общества, в контексте научного осмысления имеющихся теоретических подходов и концепций;
- обозначить в рамках авторской периодизации основные этапы становления государственной молодежной политики и институциональных изменений новых поколений в современной России;
- предложить научному и экспертному сообществу авторское понимание политико-правовых и социальных механизмов институционализации государственной молодежной политики в Российской Федерации;
- выявить особенности взаимодействия, взаимовлияния и противоречия между государственными и негосударственными субъектами молодежной политики в современной России;
- проанализировать основные политические задачи органов власти и управления РФ при реализации государственной молодежной политики;
- рассмотреть политическое участие и политическое представительство российской молодежи как стратегический вектор государственной молодежной политики;

– обосновать авторское предположение о том, что государственно-управленческое регулирование в сфере молодежных субкультур и контркультур должно рассматриваться в качестве одного из основных факторов обеспечения стабильности политического развития современной России.

В качестве **научной гипотезы диссертационного исследования** выступает предположение о том, что, с одной стороны, процесс становления государственной молодежной политики в РФ, выступая фактором позитивных институциональных изменений, а также устойчивого, стабильного и постепенного инновационного развития страны, предполагает реализацию модели равновесия и согласия в обществе без эйджизма в отношении новых генераций; при этом, с другой стороны, сама молодежь, обладая ресурсом развития, содержит в себе потенциал дестабилизации и разрушения в рамках возможных социальных потрясений.

Научные результаты диссертационного исследования нашли отражение в положениях, выносимых на защиту:

1. Проведенная в диссертационной работе операционализация понятий и категорий позволила выявить место и роль новых генераций в институциональных изменениях и политическом развитии российского общества, что оказалось востребованным для анализа поведения молодежи в Российской Федерации, вставшей в 1992 году на путь построения рыночной экономики и либеральной демократии. Это дало части молодых граждан в новых генерациях ряд конкурентных преимуществ (бизнес, статус, положение). Для остальных представителей молодого поколения это оформилось в виде рисков и издержек (наркомания, алкоголизм, суициды, безработица, уход в секты и неформальные объединения, включая криминальные).

Кроме того, проведенная операционализация понятий и категорий позволила сделать вывод о том, что с 1992 по 2020 гг. молодежный период

прошли три новых поколения, для которых автор сформулировал следующие политико-оценочные характеристики: «отвергнутое», «потерянное» и «пробуждающееся». Данные характеристики, во многом, обусловлены следующими подходами государства к проведению своей политики по отношению к новым генерациям:

- 1) от ущемления в правах до создания сверхпривилегий;
- 2) от задействования ресурса молодежи в интересах развития общества до игнорирования и таргетирования данного ресурса;
- 3) от ставки на особую роль молодежи в перспективе национального развития до скептического отношения к данной социальной группе в контексте развития общества.

Осуществленная на основе анализа имеющихся научных подходов и теорий новых генераций операционализация понятий позволяет дать уточненное политологическое определение молодежи, под которой стоит понимать символическую общность со следующими характерными критериями. Во-первых, это идеал-типический оценочный социальный феномен, который логично рассматривать в виде юности, чувственности и романтизма. Во-вторых, это стадийный формат в биографии индивида, сопряженный с особенностями политического времени. В-третьих, это энергетическая когорта, которая характеризуется определенным поведением в широком диапазоне от «бунта», «протеста» и «мятежа» к политическому конформизму, с наличием срединного положения в виде апатии, депрессии и ухода в себя. В-четвертых, это переходный возрастной статус с профессиональными и социально-политическими притязаниями.

2. Проведенное в рамках диссертации исследование позволяет говорить о том, что при формировании и реализации политики государства по отношению к новым генерациям в Российской Федерации проявились следующие особенности. Во-первых, молодежь постсоветской России как социальная возрастная группа, являющаяся ресурсом социально-

экономического и политического развития, далеко не в полной мере была интегрирована институтом государства в процесс созидания в стране российского общества и в его прогресс. Это относится в большей мере к периоду 1990-х годов, в меньшей мере – к периоду 2000-х годов. Во-вторых, при наличии различных моделей государственной молодежной политики РФ вклад молодежи в социально-экономическое и политическое развитие страны оказался невысоким. Последнее объясняется тем, что предметное поле молодежной политики в современной России определяется не только стратегическими замыслами государственной власти, но и контекстом тенденций социально-политического развития молодежной среды. В-третьих, политическая активность российской молодежи на деле приобретала и приобретает противоречивый и ситуативный характер, предопределяя усиление/ослабление обратной связи молодежного сегмента российского гражданского общества и государства.

Кроме того, уточненное понятие «государственная молодежная политика» позволяет рассматривать политику государства по отношению к новым поколениям:

- 1) как систему институтов работы с молодежью, как набор ресурсов для социального развития новых поколений;
- 2) как иерархию смыслов в гражданском и политическом развитии молодых граждан;
- 3) как форму контроля над новыми поколениями.

Кроме того, государственная молодежная политика имеет два важных ориентира. Во-первых, учет потенциала и ресурсов новых поколений для достижения поставленных обществом и государством целей национального развития. Это мобилизация ресурсов новых поколений: а) для внедрения инноваций; б) для модернизации экономики и социальной сферы; в) для защиты от потенциальной внешней опасности. Во-вторых, внедрение для

вступающих в жизнь новых поколений традиционных ценностей общества, их воспроизводство и обеспечение тем самым преемственности поколений.

3. Осуществленный в контексте имеющихся теоретических подходов анализ проблем практической реализации государственной молодежной политики как ориентира в мобилизации ресурсов достижения целей общества, позволил сделать следующие выводы:

1) молодежная политика в РФ доказала свою необходимость и важность с точки зрения агрегирования и артикулирования интересов молодежи, ее политической социализации и политического участия;

2) среди имеющихся отраслевых политик государства, молодежную политику нельзя отнести к разряду высокоэффективных;

3) для повышения эффективности молодежной политики в РФ представляется необходимым формирование ее действенной нормативной основы в части поддержки молодежи в форме федерального закона;

4) особое внимание со стороны государства должно быть уделено созданию механизма продвижения принципов данного закона в практику политического управления (например, в форме новой редакции федеральной целевой программы «Молодежь России»). Таким образом, имеющиеся проблемы российской молодежи (безработица, социальное неравенство, криминальные проявления, молодежные субкультуры, экстремизм и политическая нелояльность режиму) представляют собой угрозы и вызовы политической системе РФ, затрудняющие политическое развитие страны.

4. Научное осмысление проблем постсоветской молодежи с 1992 по 2020 гг. позволяет сделать вывод, что три новых генерации («отвергнутое» поколение периода 90-х годов XX века; «потерянное» поколение «нулевых» годов; «пробуждающееся» поколение 2010-х годов) формировались и развивались в соответствии с социально-политическими реалиями соответствующих периодов становления молодежной политики в Российской Федерации. В связи с этим в диссертации предлагается авторская

периодизация государственной молодежной политики в России в хронологических рамках 1992 – 2020 гг.

Первый период ГМП очерчен временными границами с 1992 по 2004 годы и характеризуется стрессовой политикой становления равенства шансов для молодежи в контуре других социальных слоев и групп.

Второй период государственной молодежной политики логично вписывается в рамки 2005 – 2017 годов и может рассматриваться как политика исправления ошибок и возвращения утраченного.

Третий период государственной молодежной политики логично отсчитывать с 2018 года, когда был дан старт реализации 12 национальным проектам для выполнения целей национального развития.

Данная авторская периодизация позволяет рассматривать государственную молодежную политику РФ в контексте научного анализа моделей социальной политики. Так, в первый период (1992 – 2004 гг.) – молодежная политика (как часть социальной политики) была ориентирована преимущественно на рынок (в том варианте, в котором он складывался в стране). В рамках второго периода (2005 – 2017 гг.) – это политика с небольшими расходами государства, ориентированными на поддержание некоего, относительно невысокого уровня жизни, с микроскопическим уровнем безработицы. В третий период (с 2018 по н/в) начинает развиваться компенсаторная модель социальной политики (вместе с молодежной), которая ориентирована на построение «мягкого» государства благосостояния. Таким образом, государственная молодежная политика в Российской Федерации в своем становлении прошла несколько этапов. При этом на каждом из них решались вопросы, связанные с социализацией подрастающего поколения, адаптацией его в политической сфере. В дальнейшем приоритеты государственной молодежной политики расширяются и начинают включать в себя вопросы, связанные с патриотическим воспитанием подрастающего поколения.

5. Государственная молодежная политика базируется на четких политико-правовых механизмах. В рамках современного политического процесса характерно наличие двух противоречивых тенденций в отношении институциональных изменений, которые исходят от государственных и негосударственных субъектов молодежной политики. Государственная молодежная политика РФ не отличалась интенсивностью в строительстве новых институтов в молодежной среде. К примеру, в стране так и не сформировались массовые молодежные организации, ориентированные на производство и воспроизводство гражданственности и патриотизма. Более того, политическое поведение государственных институций не предполагало активной роли в социальном контроле новых институтов в молодежной среде: общественно-политических, религиозных организаций, молодежных субкультур, неформальных объединений.

6. Проведенное в рамках диссертации исследование позволяет говорить о том, что при формировании и реализации политики государства по отношению к новым поколениям в РФ проявились особенности взаимодействия и взаимовлияния, а также противоречия между государственными и негосударственными субъектами молодежной политики. Так, во-первых, молодежь постсоветской России, как социальная возрастная группа, являющаяся ресурсом социально-экономического и политического развития, далеко не в полной мере была интегрирована институтом государства в процесс созидания в стране российского общества и в его прогресс. Это относится в большей мере к периоду 1990-х годов, в меньшей мере – к периоду 2000-х годов. Во-вторых, при наличии различных моделей государственной молодежной политики РФ вклад молодежи в социально-экономическое и политическое развитие страны оказался невысоким. Последнее объясняется тем, что предметное поле молодежной политики в современной России определяется не только стратегическими замыслами государственной власти, но и контекстом тенденций социально-

политического развития молодежной среды. В-третьих, политическая активность российской молодежи на деле приобретала и приобретает противоречивый и ситуативный характер, предопределяя усиление/ослабление обратной связи молодежного сегмента российского гражданского общества и государства. Кроме того, взаимовлияние и взаимодействие между государственными и негосударственными субъектами молодежной политики повысило бы эффективность усилий общества и государства в решении молодежных проблем в мобилизации потенциала молодого поколения в приращении коллективных благ.

7. Проведенный анализ государственной молодежной политики в РФ позволил определить и рассмотреть следующие основные политические задачи органов власти РФ при ее реализации.

Первой из данных задач является социализация молодежи в условиях трансформации общества. Поскольку молодежь – самая активная группа населения, которая легко встраивается в экономику страны, органам власти и управления необходимо выстроить такую систему государственной молодежной политики, которая бы могла остановить процессы десоциализации молодых людей. В том случае если данная задача будет выполнена, молодые люди будут понимать законы политической системы, агрегировать и артикулировать определенные требования, активно участвовать в выборах и принимать соответствующие решения. Важно, чтобы при реализации государственной молодежной политики учитывалось противоречие между иерархизацией и деиерархизацией, возникающее в ходе социализации. Еще одной задачей должно стать формирование гражданской идентичности (как приоритета политического развития) у представителей молодого поколения. В рамках реализации данной задачи важно учитывать вопрос о неотделимости от нее процесса формирования в молодежной среде этнической, региональной, локальной идентичностей, совместимых с гражданской идентичностью. Третья важнейшая политическая задача – это

сохранение исторической и социальной памяти. Учитывая, что в настоящее время со стороны ряда акторов предпринимаются попытки к переосмыслению истории, предложению новых подходов к итогам Великой отечественной войны, а также к роли страны на мировой арене, органы власти, отвечающие за реализацию молодежной политики, должны уделять данному направлению особое внимание. Следует отметить, что задача сохранения исторической памяти неразрывно связана с проблемой патриотического воспитания молодежи, ибо в ценностной и символической основе государственная молодежная политика должна иметь историческую память и, кроме того, политическую мифологию, как идеологически маркированное повествование о прошлом, настоящем и будущем, выражающем пространственное и временное самоощущение того или иного социума. Таким образом, при отсутствии системного гражданско-патриотического воспитания, представители новых генераций не смогут пройти процесс формирования гражданской идентичности и, соответственно, стать патриотами. Поэтому четвертой существенной политической задачей является гражданско-патриотическое воспитание, на котором должен строиться образовательный процесс как в общеобразовательных школах, так и в системе среднего специального и высшего образования.

8. Рассмотрение и научное осмысление форм политического участия и политического представительства российской молодежи как стратегического вектора государственной молодежной политики позволил автору прийти к следующим выводам.

Во-первых, для ГМП в современной России характерна слабая ценностная и символическая основа, наличие институциональных дефицитов (увеличивающееся социальное неравенство, таргетирование со стороны негосударственных акторов ряда старых и новых институтов). Также, для политического участия молодежи сохраняет свою актуальность необходимость последовательного разрешения ряда кризисных явлений: 1) в

управлении молодежной средой (слабость государственных органов по делам молодежи и отсутствие доверия молодежи к формальным молодежным организациям); 2) в непосредственно политическом участии молодежи (власть, парламентские политические партии не задействуют потенциал политически активных представителей молодежи в подготовке и принятии политических решений).

Во-вторых, индифферентный подход государства и институтов гражданского общества к появлению в молодежной среде как негативных, так и конструктивных явлений социального, политического, социокультурного порядка снижает эффективность механизмов молодежной политики. Нарращивание же взаимодействия между государством и молодежными общественными объединениями и активистами должно быть избрано приоритетной технологией государственной поддержки политического участия молодых поколений в Российской Федерации. Таким образом, основные политические задачи органов власти РФ при реализации государственной молодежной политики должны предусматривать совершенствование ключевых механизмов, основанных на интеграции технологий и инструментов ее государственного и общественного/публичного компонентов на основе конструктивного государственно-гражданского диалога.

В-третьих, политическое участие российской молодежи показывает, что активная ее часть использует все пять идеально-типических форм представительства Б. Джессопа (клиентелизм, корпоративизм, парламентаризм, плюрализм и *raison d'état*¹⁰), а основными направлениями работы молодежных структур могут быть признаны: 1) представление интересов перед органами государственной и муниципальной власти; 2) участие в законодательном обеспечении государственной молодежной политики; 3) выдвижение резерва кадров для органов государственной и

¹⁰ Вмешательство без формальных каналов представительства.

муниципальной власти; 4) просветительно-пропагандистская деятельность в своей социальной среде.

Наконец, в-четвертых, следует констатировать, что в современной России система политического участия молодежи и встраивания ее в политическую систему находятся на стадии становления.

9. В рамках проведенного исследования автор выдвинул предположение, что государственно-управленческое регулирование в сфере молодежных субкультур и контркультур должно рассматриваться в качестве одного из основных факторов обеспечения стабильности политического развития современной России. Данное предположение обосновывается следующими выводами.

Во-первых, трансформация ценностных ориентаций молодых поколений постсоветской России, произошедшая из-за влияния общего кризиса общественного сознания, привела к отказу молодых людей от прежних гражданских идеалов социалистического коллективизма. Это, однако, не привело к глубокому усвоению ценностных установок либеральной демократии. Для значительной части российской молодежи характерен прагматичный подход, выраженный в ориентации на материальное благополучие, активное потребление, социальное иждивенчество, при очевидной криминализации ценностных ориентиров. Такая социальная среда, получая ценностное и поведенческое оформление в виде различных субкультур и контркультур, оказывается основой для развития деструктивных общественных процессов, в которые различные политические силы вовлекают те или иные группы молодежи.

Во-вторых, контроль деятельности неформальных объединений, являющихся институциональным проявлением молодежных субкультур и контркультур, осуществляется в большинстве случаев представителями органов правопорядка, прокуратурой и иными надзорными ведомствами, деятельность которых оказывается малоэффективной в решении задач

профилактики правонарушений в молодежной сфере, т.к. основные профилактические мероприятия заключаются в проведении круглых столов, открытых семинаров и т.п. с участие школьников, студентов ссузов и вузов. Однако подобные мероприятия оказываются низкоэффективными, т.к. интерес молодежи к деструктивным субкультурам год от года только увеличивается.

И, наконец, в-третьих, необходимо отметить, что государственно-управленческое регулирование в сфере молодежных субкультур и контркультур, а также профилактика правонарушений в молодежной среде могут быть эффективны при соблюдении условия трансформирования всей системы государственной молодежной политики, неинституционализированность которой на фоне усиления центробежных тенденций в обществе, социального расслоения и нерешенности проблем межэтнического взаимодействия через определенный промежуток времени может стать фактором дестабилизации всей политической системы государства.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

- осуществлена авторская операционализация понятий «молодежь», «молодежная среда», «молодежная политика», «политика государства в отношении новых поколений», в результате которой даны новые научные оценки месту и роли молодежи РФ в институциональных изменениях и политическом развитии российского общества в 1990-х – 2000-х гг.;

- в диссертации по-новому (в контексте проблем институциональных изменений и политического развития общества) рассмотрены особенности формирования и реализации политики государства по отношению к новым поколениям, что позволило (в рамках авторского уточнения понятия «государственная молодежная политика») расширить научно-теоретический формат рассмотрения политики государства по отношению к новым поколениям;

– в контексте авторского научного толкования имеющихся теоретических подходов и концепций в диссертации представлен новый взгляд (с соответствующими оригинальными выводами) на проблемы практической реализации государственной молодежной политики как мобилизационного ориентира в достижении значимых общественно-политических целей;

– диссертантом представлена и обоснована новая научная позиция, утверждающая постулат о наличии в постсоветской России трех сменяющих друг друга поколений, а также предложена комплексно-вариативная авторская периодизация становления молодежной политики в Российской Федерации, в основу которой диссертант заложил новые критерии: социокультурные особенности новых генераций; политический курс государства; модели социальной политики;

– научному и экспертному сообществу предложено новое (авторское) понимание политико-правовых и социальных механизмов институционализации государственной молодежной политики в Российской Федерации;

– диссертантом выявлены особенности взаимодействия, взаимовлияния и противоречия между государственными и негосударственными субъектами молодежной политики в современной России;

– в новом общественно-политическом (а не только государственно-управленческом) контексте осуществлен научно-теоретический практикоориентированный анализ основных задач органов власти и управления РФ при реализации государственной молодежной политики;

– политическое участие и политическое представительство российской молодежи в диссертации рассматривается в новом политико-управленческом контексте – как стратегический вектор государственной молодежной политики;

– выдвинут и обоснован авторский концепт о том, что государственно-управленческое регулирование в сфере молодежных субкультур и контркультур должно рассматриваться в качестве одного из основных факторов обеспечения стабильности политического развития современной России.

Область диссертационного исследования соответствует п. 2 «Политическая система, ее структура и функции. Функции политической системы. Типология политических систем. Государство и гражданское общество. **Государственная политика и управление. Виды государственной политики.** Типы и формы. Эволюция государственной политики Российской Федерации в постсоветский период, ее основные характеристики. «Паспорта специальности 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»».

Методологическая база исследования обусловлена специфическими особенностями политики государства в отношении новых генераций, представляющей совокупность ряда исторических, общественно-политических, административно-правовых условий и механизмов (например, трех базовых составляющих политики государства в отношении новых генераций, проявляющих определенную специфику в зависимости от конкретного исторического этапа). Данный методологический постулат предопределил необходимость использования в диссертационном исследовании следующих методов: 1) общенаучных (логико-эвристических (индукции, дедукции, анализа, синтеза, сравнения, аналогии) и философско-аксиологических (диалектического, системного); 2) социально-гуманитарных (сравнительно-исторического и анализа документов); 3) специально-научных (институционального, деятельностного, бихевиорального, ситуативного).

Таким образом, методологическая база диссертации, представляющая собой совокупность теоретических принципов, подходов и парадигм, была

направлена на решение намеченной цели и поставленных в диссертации исследовательских задач.

Эмпирическую базу исследования логично разделить на четыре группы. Первая группа представляет собой нормативную основу: Конституцию РФ, федеральные законы, подзаконные нормативные акты, имеющие отношение к молодежи и молодежной среде, объективная ценность в плане достоверности чрезвычайно высока. Вторая группа – это данные органов государственной статистики, массивы официальных документов органов исполнительной государственной и муниципальной власти по вопросам реализации молодежной политики (высокая степень достоверности и надежности).

Третья группа – программные документы общественных молодежных и детских объединений, негосударственных экспертных групп и консалтинговых структур, данные статистических опросов, достоверность которых требуют уточнения и перепроверки. Четвертая группа – материалы СМИ и публикации Интернет-порталов, фиксирующие проблематику и событийный ряд реализации механизмов государственной политики в отношении российской молодежи. Данная группа источников требует особой осторожности в их использовании, поскольку опубликованная информация в данных медиа может быть объектом манипулирования властей и широкого общественного мнения России.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что в рамках осуществленной систематизации и обобщения множества вопросов, связанных с проблемами молодежной политики, автор вносит научно-теоретический вклад в политологическое осмысление проблемы становления и осуществления государственной молодежной политики в контексте институциональных изменений и политического развития современной России. Диссертант дает научно-теоретическое обоснование возможностей совершенствования механизмов

молодежной политики в Российской Федерации. Кроме того, результаты исследования позволили автору сформулировать научно-теоретические выводы относительно функционирования институционального, нормативно-правового и информационно-коммуникативного механизмов государственной молодежной политики, дополнить исследовательское поле в сфере анализа проблем реализации государственной молодежной политики и практик участия молодежи в политическом процессе современной России.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что результаты проведенного исследования могут быть использованы при решении актуальных проблем государственной молодежной политики в сфере государственного и муниципального управления. Положения и научные разработки диссертационной работы могут найти применение при преподавании курсов общей и прикладной политологии, государственной политики, политического управления, организации работы с молодежью в заведениях высшего образования, учреждениях дополнительного образования и повышения квалификации для государственных и муниципальных служащих, а также в программах подготовки и переподготовки молодежных лидеров и активистов, представителей общественных объединений и волонтерских организаций.

Достоверность научных результатов обеспечивается использованием верифицируемых данных, научной логикой формулирования исследовательских выводов, широким составом научных и прикладных источников информации, обращением к общепризнанным теориям и методологии исследования молодежной политики государства.

Апробация работы. Материалы исследования апробировались на всероссийских и международных научных и научно-практических конференциях: круглый стол «Роль и значение воссоединения Крыма с Россией» (г. Орел, 2015 г.), «Государственная молодежная политика: история и современность» (г. Орел, 2015 г.), «Государственная молодежная политика:

история и современность» (г. Орел, 2016 г.), «Развитие института государственной и муниципальной службы в регионах» (г. Орел, 2016 г.), Международная научно-практическая конференция «Тенденции развития молодежной добровольческой деятельности в современном мире» (г. Санкт-Петербург, 2016 г), VIII Орловские социологические чтения «Трансформация современного общества: вызовы и перспективы» (г. Орел, 2016 год). Основные положения исследования отражены в 10 научных публикациях, включая 4 статьи в изданиях, включенных в перечень ВАК при Минобрнауки РФ.

Структура диссертации. Представленное исследование состоит из введения, трех глав, девяти параграфов, заключения, списка использованной литературы, приложений.

1 Теоретико-методологические аспекты исследования новых генераций и становления государственной молодежной политики

Молодежь как социально-возрастная группа изначально выступает в пространственно-временном континууме как фактор, важность которого трудно переоценить в рамках концептов «развития» и «прогресса». Не менее важен фактор новых генераций и в вопросах стабилизации и дестабилизации политических систем. Причем, вне зависимости от имеющихся государственных институций и складывающихся социальных отношений в обществе. Вопрос лишь в том, будет ли молодежь и молодежная среда источником разрушений и хаоса или фактором продуктивных социальных изменений и устойчивого политического развития.

1.1 Молодежь, молодежная среда, устойчивость и стабильность политических систем: операционализация понятий и категорий исследования

Важно иметь в виду, что правительственные структуры как на глобальном уровне, так и на национальном уровне, включая современную Россию, уделяют большое внимание вступающим в жизнь новым поколениям. По данным ООН, содержащимся в «Международном докладе о молодежи», опубликованном в 2015 году, к новым генерациям стоит относить «1,2 миллиарда молодых людей, которые в настоящее время составляют 16 процентов мирового населения»¹¹. И к 2030 году их численность уже будет составлять 1,3 миллиарда индивидов (распределение молодежи по регионам мира приведены в Приложении 1).

¹¹ World Youth Report. [Electronic resource] //United Nations: [website]. — Режим доступа: <https://www.un.org/development/desa/youth/wp-content/uploads/sites/21/2018/12/WorldYouthReport-2030Agenda.pdf> (Дата обращения: 05.01.2020 г.)

Однако рост молодежи наблюдается не во всех регионах мира, в ряде стран Европы, включая Россию, показатели рождаемости, как правило, снижались в течение последних десятилетий. При этом, молодежь составляла и составляет относительно небольшую долю от общей численности населения (данные по РФ в 1990-е и в 2000-е годы приведены в Приложении 2 диссертационного исследования). Вместе с тем, важно иметь в виду ее потенциал и энергетику, которая может быть направлена, как на конфликтную деструкцию (разрушение), так и на развитие (созидание). И вопрос состоит лишь в том, какая государственная политика будет проводится в отношении этой социальной и возрастной группы.

При рассмотрении основных понятий и категорий настоящего диссертационного исследования нами будут использованы следующие дефиниции: «молодежь», «молодежная среда», «молодое поколение», «новые генерации» (об этом системно и основательно будет идти речь в п. 1.2). Кроме того, в диссертационной работе автором будут задействованы такие категории, как «становление молодежной политики», «молодежная политика», «институциональные изменения», «политическое развитие», «политика государства по отношению к новым генерациям» (более подробно в п. 1.3).

В современной научной мысли методологический анализ дефиниции «молодежь» осуществляется в рамках следующих научных направлений и подходов. Это биологическое (антропологическое) направление, при котором основными критериями идентификации молодежи как особой группы является половое взросление и приобщение к трудовой деятельности, психоаналитическое направление (факторы и этапы психического развития молодых людей), социологическое направление (молодежь как социальная группа со «статусом», «ролью», «конфликтом поколений», проблемой молодежной контркультуры). В последнее время активно развивается и политологическое направление (институциональные изменения в

молодежной среде, молодежь и политическое развитие, включая политическое участие).

В рамках исследования становления государственной молодежной политики РФ как факторе продуктивных институциональных изменений в молодежной среде и в политическом развитии, имеет смысл обратить внимание на наличие трех групп теорий социализации молодежи. Во-первых, это теории становления поколения, социальных и институциональных изменений, разработанных К. Мангеймом¹², Х. Шельски¹³, С.Н. Айзенштадтом¹⁴. Во-вторых, это структурно-функциональные теории, включая теории ролей, восходящие к Т. Парсонсу и Ч. Бидуэллу¹⁵, Й. Калу¹⁶, В. Шеферсу¹⁷. В-третьих, это социально-психологическая теория (М. Мид¹⁸, В. Яйде¹⁹) и принцип К. Левина, при помощи которого можно объяснить изменения психологического поля для анализа поведения молодежи, функционирования особой молодежной среды, тем более что, как отмечал сам К. Левин, теоретиков поля «больше всего интересуют проблемы развития²⁰».

Остановимся подробнее на некоторых подходах и теориях, важных для понимания сущности, эффективности и прогнозных характеристиках российской молодежи и государственной молодежной политики в РФ. В

¹² Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени / Карл Манхейм; пер. с нем. и англ. – М. Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. – 744 с.

¹³ Shelsky H. Die skeptische Generation. Eine Soziologie der deutschen Jugend / Helmut Shelsky. – Dusseldorf-Koln: Eugen Diederichs Verlag, 1958. – 520 p.

¹⁴ Eisenstadt S.N. From Generation to generation. Age groups and social structure /S.N. Eisenstadt. – Glencoe, Illinois: The free press, 1956. – 360 p.

¹⁵ Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М.: Академический проспект, 2002. – 832 с; Бидуэлл Ч. Молодежь в современном обществе / Ч. Бидуэлл // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М.: Прогресс, 1972. – С. 297-314.

¹⁶ Kahl J. Positivismus als Konservatismus. Eine philosophische Studie zu Struktur und Funktion der positivistischen Denkweise am Beispiel Ernst Topitsch / J. Kahl. – Koln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1976. – 302 p.

¹⁷ Shefers B. Soziologie des Jugendalters: Eine Einfürung / 4 überarb. und aktualisierte Auflage / B. Shefers. – Opladen: Leske und Budrich, 1989. – 216 p.

¹⁸ Mead M. Der Konflikt der Generationen. Jugendohne Vorbild / Margaret Mead, Übersetzt von Thomas M. Hopfner. – Frankfurt am Main: Verlag Dietmar Klotz GmbH, 2000. – 140 p.

¹⁹ Jaide W. Das Verhältnis der Jugend zur Politik/ Empirische Untersuchungen zur politishen Anteilnahme und Meinungsbildung junger Menschen der Geburtsjargange 1940 – 1946. /W. Jaide. – Berlin-Spandau: Hermann Luchterhand Verlag GmbH, 1963. – 180 p.

²⁰ Левин К. Теория поля в социальных науках / К. Левин / Пер. с нем. Е.А. Сурпиной. – М.: Академический проект, 2018. – С. 55.

рамках теории поколений К. Мангейм подчеркивал, что молодежь и общество нужно рассматривать во взаимодействии, утверждая, что возникновение поколений, связей и конфликтов между поколениями имеет конкретные историко-политические и социальные причины. Кроме того, К. Манхейм, отвечая на вопрос, чему и как учить новые поколения, полагал, что в большей мере это зависит от того вклада, который делает и ожидает от молодежи общество. И именно это общество в рамках функционирующих институтов должно сформулировать не абстрактные потребности новых генераций, а конкретные, с «учетом нужд и потребностей данного общества²¹».

Важность научного вклада Т. Парсонса в разработку теорий о молодежи огромна, именно он создал в структурном функционализме «модель равновесия или согласия» для общества и его социальных систем. Данный исследователь полагал, что группы сверстников могут действовать только через своих членов, к примеру, тех, кто играет в этих группах ответственные роли. И она, эта социально-возрастная группа, сама не питает никаких «чувств» по отношению к членам, она может только «символизировать общие «чувства» этих членов»²². В данном случае, общество в ракурсе «модели равновесия и согласия» должно приводить к интеграции всех ее членов с помощью достижения консенсуса относительно общих ценностей, символов и норм.

Кроме того, функционирующие в обществе институты могут исключать деструктивную социальную, политическую активность, которая нарушает это равновесие консенсуса, интересов и форматов поведения, поскольку такая активность логически являет собой девиантное поведение, формирующее риски и угрозы системе, при этом являясь «дисфункциональным». Таким образом, по Т. Парсонсу, формирующийся и

²¹ Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени / Карл Манхейм; пер. с нем. и англ. – М. Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. – С. 570.

²² Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М.: Академический проспект, 2002. – С. 158.

развивающийся в обществе конфликт, который может инициировать молодежная среда, априори представляет собой дисфункциональность в социальных системах. При этом, общество, государство, экспертное и научное сообщество должны подвергаться сомнению не социальное согласие, к которому стремятся все институты, а стратегии, которые должны способствовать разрешению кризисных явлений.

Биологическое, или культурно-антропологическое, направление исследований о молодежи представлено в работах Дж. Г. Мида, Б. Малиновского и др. В частности, Дж. Герберт Мид как представитель данного направления, один из столпов американского прагматизма, научные разработки которого легли в основу символического интеракционизма, подчеркивал следующее. Мир, полагал данный исследователь, пребывающий во «взаимосвязи с организмом и формирующий объективные условия для приспособления организма²³», меняется под воздействием данного организма. Пример исследований о молодежи в рамках социологического направления представлен в работах Р. Бейлса и А.Э. Коэна²⁴, посвященных институционализации молодежных субкультур или антикультур, малых групп и отклоняющегося поведения среди новых генераций.

Представители конфликтологического направления исследований молодежной среды предпринимали и предпринимаяют попытки объяснить конфликты в обществе, инициатором которых выступают, в том числе и новые генерации, поставить под контроль их воздействия на систему, трансформировать их в воздействия, позитивно влияющие на политическую систему. К примеру, ученый из США Р. Парк²⁵ при анализе конфликтов

²³ Мид Дж. Г. *Философия настоящего* / Дж. Г. Мид / под ред. А. И. Мерфи; Предисл., введ. А. И. Мерфи; вступит. Слово Дж. Дьюи; пер. с англ. В. Г. Николаева, В. Я. Кузминова. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 47.

²⁴ Бейлз Р. *Теория и исследование малых групп* / Р. Бейлз // *Социология сегодня: Проблемы и перспективы*. – М.: Прогресс, 1965. – С. 323-343; Коэн А. К. *Отклоняющееся поведение и контроль над ним* / Альберт К. Коэн // *Американская социология: перспективы, проблемы, методы*. – М.: Прогресс, 1972. – С. 282-296.

²⁵ Парк Р. *Организация сообщества и романтический характер* / Роберт Парк // *Социологическая теория: История, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение»*. – СПб. «Владимир Даль», 2008. – С. 44-53.

исходит из приоритета действия (action-centered). Другой исследователь Р. Дарендорф²⁶ в исследовании конфликтов исходит из мотивации (motive-centered). Теоретиков конфликта особенно интересует диагноз и лечение социальных конфликтов и гораздо меньше – профилактика, так как в принципе конфликты неизбежны и считаются одной из форм движения социального организма, который в них нуждается, чтобы вновь и вновь освобождаться от «дисфункциональностей».

В рамках нашего диссертационного исследования государственной молодежной политики РФ чрезвычайно важна операционализация понятия «молодежь», к которому обращено пристальное внимание как в России, так и за рубежом. К примеру, американский ученый Ч. Бидуэлл в рамках политологического подхода полагал, что совокупность особенностей характера и норм поведения, которые, по понятным причинам, вызывают опасения у представителей старшего поколения, отличаются в разные отрезки времени. Эти различия, как пишет Ч. Бидуэлл, зачастую выражают только один из двух способов поведения молодежи. Проявлений подобного поведения достаточно: это и бунт (выражающийся, к примеру, в поддержке радикальных и экстремистских течений), приверженность преступным течениям или поддержка образа жизни так называемой «золотой молодежи». Другой крайностью такого поведения является политический нигилизм или полная апатия в отношении политической жизни в стране.

Причем, эти противоречивые действия могут быть проявлениями по отношению к принятым взрослыми поколениями в качестве нормы ценностям, морали, религиозности и даже школьной успеваемости. Другой западный исследователь молодежной среды Нейл Смейлзер полагает, что возрастным статусом (ребенка, подростка, «молодого взрослого») называется

²⁶ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 288 с.

его статус и положение в обществе, которое человек занимает в зависимости от «своего возраста, т.е. количества лет, прожитых со дня рождения»²⁷.

Уже цитируемый нами Карл Манхейм педалирует в своих исследованиях проблематику молодежи как важного ресурса. Проблема состоит в том, отмечает немецкий ученый, что в обществе всегда присутствуют подрастающие генерации, возрастные группы, только вступающие в пору зрелости, однако проблема их приобщения к политической жизни и в интересах общего (публичного) блага зависит каждый раз от характера и социальной структуры конкретного общества и в определенный период времени. Молодежь, по оценке К. Манхейма, это «один из скрытых ресурсов, которые имеются в каждом обществе и «от мобилизации которых зависит его жизнеспособность»²⁸.

Выше упомянутый ученый в своих работах дал ряд важных представлений об особенностях стратификационных процессов в молодежной среде, принципах взаимоотношений молодежи с государством и институтами гражданского общества. Данный исследователь выявлял и оборотную сторону молодежи. Он полагал, что молодежь следует относить к фактически маргинальным социальным группам, пребывающим, наряду с другими группами-аутсайдерами, на краю общества. При этом молодежи присуще отсутствие узаконенных экономических и ценностных интересов, стимулирующее ее моральную готовность поддержать практически любое социально-политическое начинание и определяющее открытость и склонность к изменениям.

Политологический взгляд на социальные страты дает и М. Липсет. Он считает, что разные возрастные подгруппы характеризуются серьезными различиями в политических предпочтениях. Так называемые возрастные диапазоны неявно предполагают «вариабельность жизненного опыта и

²⁷Смелзер Н. Социология / Нейл Смелзер / Пер. с англ. З.П. Вольской; науч. ред. В.А. Ядов. – М.: Феникс, 1998. – С. 367.

²⁸Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени / Карл Манхейм; пер. с нем. и англ. – М. Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. – С. 571.

пережитых событий²⁹», а потому возраст, в том числе молодежный, существенно влияет на «левые» и «правые» политические симпатии. Это происходит посредством поколенческих различий и через разный социальный опыт, привязанный к жизненным этапам. Определенное место тема общественно-политического потенциала молодежи занимает в работах П. Штомпки³⁰, в которых анализируется потенциал социальных движений в периоды политико-экономических трансформаций через призму доверия.

Существенный вклад в разработку понимания молодежи как социально-возрастной группы внесли и отечественные авторы, как в советский период (в рамках марксистского подхода), так и в постсоветский период. Ленинградский ученый (ныне петербургский) С.Н. Иконникова в своих работах, во-первых, определила возрастные рамки понятия «молодежь», ограничив ее возрастом от 16 до 30 лет (диссертант согласен с таким подходом и в дальнейшем будет придерживаться его в исследовании молодежной среды и молодежной политики). Во-вторых, она обосновала, что новые генерации это классово-дифференцированные, социально-демографические группы общества. Следовательно, их роль и статус в обществе, поведение, интересы, деятельность связаны с целями того общества, в котором они живут. А ценности, нормы, потребности в политическом участии обусловлены «социально-политическим строем, общественными отношениями, исторической ситуацией³¹».

Другой советский исследователь В.Н. Боряз отмечал, что становление молодежи проходит через три ключевых этапа. В рамках первого этапа новые поколения являются объектом общественного воздействия. Второй этап становления молодежи приходится на стадию профессиональной деятельности («элемент производительных сил и носитель производственных

²⁹ Липсет М. Политический человек: социальные основания политики / М. Липсет: пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. – М.: Мысль, 2016. – С. 279.

³⁰ Штомпка П. Доверие – основа общества /Петр Штомпка: пер с польского Н.В. Морозовой. – М.: Логос, 2016. – 440 с.

³¹ Иконникова С.Н. Молодежь: социологический и социально-психологический анализ. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. – С. 53.

отношений»³²). В этом случае молодежь приобретает навыки субъекта политического процесса. На третьем этапе ее развития новые генерации воплощают в себе все современное ей общество, отрицая уже себя как молодежь. В рамках аналогичного марксистского подхода В. Лисовский подчеркивает важность убежденности для молодежи, которая вытекает «из знания, прошедшего проверку чувством и опытом»³³.

В постсоветский период марксистский подход к пониманию сущности молодежи перестал быть единственным. Оценки новых генераций стали более объективными, критическими, предлагаемые в рамках различных научных подходов и теорий молодежи. В частности, коллектив ученых под руководством Е.Б. Шестопал, исследовавших воздействие политической среды на личность через систему организованных общественных институтов и ценностей, считает молодежь одним из агентов политической социализации (наибольшее внимание исследователей было уделено двум агентам – семье и группе сверстников). При этом определяющими факторами в процессе социализации Е.Б. Шестопал и ее коллеги признали следующие: самоидентификация молодых с родителями, собственная самооценка, психологические (беспокойство, тревожность) и социально-экономические факторы, связанные со «снижением уровня жизни и отрицательными тенденциями в системе социального обеспечения»³⁴.

Другой коллектив российских исследователей (Зиненко В.Е., Карпова В.В., Орлова Н.В., Плешаков В.А., Попова С.Ю) в системном исследовании дает определение политического поколения, под которым они понимают общность людей определенного возраста, имеющих сходные представления о политике и власти, сформированные в процессе первичной

³² Боряз В. Н. Молодежь: методологические проблемы исследования. – Ленинград: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1973. – С. 117.

³³ Лисовский В. Воспитание убежденности / В. Лисовский // Наука убеждать. – М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1969. – С. 322.

³⁴ Политическая социализация российских граждан в период трансформации / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Некоммерческое партнерство «Новый хронограф», 2008. – С.60.

политической социализации³⁵. На политическое поколение, по мнению отечественных исследователей, оказывает влияние историко-политический и социокультурный контекст, поколенческое сознание каждой молодежной когорты, ценности, политические символы, нормы.

Анализ имеющихся научных подходов и теорий позволил диссертанту предложить авторское политологическое определение молодежи, под которой стоит понимать символическую общность, для которой характерны следующие критерии. Во-первых, это идеал-типическое оценочное понятие, которое логично рассматривать в виде юности, чувственности и романтизма. Во-вторых, это стадийный формат в биографии индивида, сопряженный с особенностями политического времени. В-третьих, это энергетическая когорта, которая характеризуется определенным поведением в широком диапазоне от «бунта», «протеста» и «мятежа» к политическому конформизму, с наличием срединного положения в виде апатии, депрессии и ухода в себя. В-четвертых, это переходный возрастной статус с профессиональными и социально-политическими притязаниями.

Стоит также иметь в виду, что вступающим в жизнь новым поколениям, под которые вырабатывается государственная молодежная политика, приходится иметь дело с рядом объективных условий. Речь идет о социально-экономических условиях в конкретной стране, находящейся на стадии отставания, кризиса или развития. Кроме того, стоит вести разговор о компонентах политического процесса, включая то, что пространственно-временной континуум является стабильным или находящимся в режиме болезненных трансформаций. Важно также иметь в виду: типы политического режима в государстве (авторитарный, демократический, гибридный), типы политической культуры (подданнической, участнической).

³⁵ Государственная молодежная политика в России: социально-психологические основания и технологии реализации / Авт.: Зиненко В.Е., Карпова В.В., Орлова Н.В., Плешаков В.А., Попова С.Ю., Прокошина М.И., Пронина А.А., Пронина Е.В., Селезнева А.В., Чуев С.В., Шилина И.Б. / Под общей редакцией С.Ю. Поповой. – М.: Аквилон, 2019. – С. 40.

Ведь, как отмечал советский исследователь И. Кон, общественные отношения, в которых происходит жизнь молодежи (профессионально-деловые, юридические, морально-этические) не являются производным ее собственной деятельности. В этих отношениях объективированы жизненные практики иных поколений, с которыми молодым людям «приходится считаться как с чем-то уже данным, от их воли не зависящим»³⁶. Большое значение для решения задач настоящей диссертационной работы имеют воззрения З. Баумана, оценивающего последствия системного морального и идейного кризиса современного общества постмодернистского типа. По его мнению, такие категории, как «целостность» и «преемственность», в развитых странах становятся одинаково чуждыми как для молодых людей, так и для взрослых.

А ведь это в текущем современном воплощении способствует возникновению взрывоопасных, по выражению З. Баумана, сообществ («гардеробных» и «карнавальных»), которые благодаря массовому конформизму и разовым непродуктивным выхлопам рассеивают, а не собирают воедино «неиспользованную энергию социальных побуждений»³⁷ для согласованных и гармоничных коллективных дел. В этом случае, молодые люди могут приобретать, по выражению Х. Ортега-и-Гассета, черты массового человека. Таким образом, условия задают тональность ориентиров и стандартов, включая беспрепятственный рост жизненных запросов, безудержную экспансию собственной натуры. И, как следствие, врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить жизнь молодого (массового)

³⁶ Кон И. Психология молодежной аудитории / И. Кон // Наука убеждать. – М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1969. – С. 293.

³⁷ Бауман З. Текущая современность / З. Бауман / Пер. с англ. Под ред. Ю.С. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – С. 216. («Гардеробное» сообщество – образное сравнение людей с теми, кто приходит на спектакль, одеваясь для данного случая по-особому, соблюдая принципы моды, отличные от тех принципов, которым следуют ежедневно. «Карнавальные» сообщества – образ жизни людей, выпускающих пар, при котором легче переносить рутину, подобно карнавальным событиям).

человека. Обе эти черты «рисуют весьма знакомый душевный склад – избалованного ребенка»³⁸.

В последние десятилетия молодежь живет в «обществе риска», понятия, разработанного и внедренного в научный оборот профессором Мюнхенского университета У. Беком. Данное общество риска существует как в глобальном понимании, так и в национальных государствах. В рамках исследуемого общества У. Бек выделил три вида опасностей. Первая опасность – это конфликты, связанные с «пороками, которые являются оборотной стороной выгод»³⁹ (иная, не лучшая сторона прогресса, к примеру, последствия генной инженерии). Вторая и третья опасности – это технико-индустриальные негативные последствия, обусловленные бедностью, экстерналии и военные конфликты. И именно молодежь, согласно аргументации У. Бека, в наибольшей степени оказывается подвержена воздействиям со стороны «общества риска», что требует совершенствования теории и практики государственной политики в отношении данной социальной группы.

Весьма аргументированными представляются выводы И.А. Сверткова, согласно которым именно молодежь оказывается наиболее уязвимой социальной группой в процессах социально-политических трансформаций. В целях совершенствования процесса политической социализации российским государственным институтам необходимо осуществлять системную политику в сфере решения экономических проблем молодежи, поддержки легальных политических движений, созданных при ее участии. Однако система государственной молодежной политики в постсоветской России по-прежнему ориентирована на решение конъюнктурных проблем, что актуализирует потребность в гармонизации процесса политической

³⁸ Ортега-и-Гассет Хосе Восстание масс / Хосе Ортега-и-Гассет; [пер. с исп. А. Гелескула]. – Москва: Издательство АСТ, 2018. – С.56.

³⁹ Бек У. Что такое глобализация? /Пер. с нем. А. Григорьева и В. Сидельника: Общая ред. и послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 76, 80.

социализации в контексте молодежной политики за счет учета объективных потребностей молодежи⁴⁰.

Помимо объективных условий, в которых находятся новые поколения, важно принимать во внимание еще два аспекта: негативные проявления в молодежной среде и негативизм по отношению к самой молодежи. В последнем случае речь идет об особом явлении «эйджизма», которое западный исследователь Н. Смейлзер обозначает как дискриминацию, проводимую одной или несколькими возрастными группами по отношению к другим возрастным группам⁴¹. Негативизм в молодежной среде также важен для нашей работы в понимании особенности молодежной среды. Более того, как считает И.М. Ильинский, его игнорирование в научных исследованиях и прикладных политических практиках столь же опасно, как и лакировка действительности (достаточно напомнить, что во времена СССР функционировал политический миф о том, что молодежь – это будущее страны в его позитивной коннотации). Это определенная крайность, некая политическая мифология, опасная тем, что порождает заблуждения в «общественном мнении, в молодежной политике, в осознании молодежи самой себя»⁴².

Еще в период 60-х годов XX века Ч. Бидуэлл прогнозировал напряженное состояние вокруг молодежи в постиндустриальных западных обществах (парадокс – жить стали лучше, молодежные движения протестов усиливались). Более того, именно в этой среде получило широкое распространение конфликтная деструкция, либо «в формате бунта, либо в формате пассивного ухода»⁴³, что позволило ряду ученых обратить внимание на ее отклоняющееся поведение (девиантность). Характеризуя молодежь как

⁴⁰ Свертков И.А. Политическая социализация молодежи в условиях трансформации России: конец XX - начало XXI века, диссерт...канд полит наук. – Воронеж, 2010. – С 9-10.

⁴¹ Смейлзер Н. Социология / Нейл Смейлзер / Пер. с англ. З.П. Вольской; науч. ред. В.А. Ядов. – М.: Феникс, 1998. – С. 387.

⁴² Ильинский И.М. Между Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего. – М.: Изд-во Моск. Гуманит. Ун-та, 2006. – С. 469.

⁴³ Бидуэлл Ч. Молодежь в современном обществе / Ч. Бидуэлл // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М.: Прогресс, 1972. – С. 308.

социально-возрастную группу, важно отметить свойственную ей девиантность, что, по мнению Т. Парсонса, представляет собой мотивированную линию «актора вести себя вопреки «одному или нескольким институционализированным стандартам⁴⁴». При этом, на эту девиацию, как некий вызов, институт государства с учетом механизмов социального контроля должен быть дан ответ. Причем, в системе «вызов-ответ» Арнольда Тойнби («вызовы, которые делала среда и ответы на них»⁴⁵), противодействуя этой девиантности.

Как особым форматом противодействия обществу со стороны молодежи приобретают важность неформальные объединения (НОМы), молодежные субкультуры, что также стало особым явлением девиантности. Западный исследователь Р. Бейлс, рассматривая это как серьезную проблему, препарировал ее в ракурсе прогнозирования в поведении государственных институций. Исследуя малые группы, этот автор ставил в повестку дня следующие сопоставления. Это степень отклонения в малых группах от традиционных норм и реакция институтов, отношение малых групп к нормам и возможность коррекции данного отношения, идентификация, репертуар ролей индивидов в малых группах и степень их укорененности, степень, глубина эмоций молодежи в этих группах и опыт старших, «его механизмы защиты⁴⁶».

Государство и институты гражданского общества столкнулись с проблематикой НОМов в позднесоветское время и в постсоветский период как с деструктивным явлением, подтачивавшем нациестроительство как направление политического развития страны. Ряд отечественных исследователей, таких, как М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги, М.П. Мchedлов, толерантен к этим явлениям, полагает, что современные развитые общества –

⁴⁴ Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М.: Академический проспект, 2002. – С. 361.

⁴⁵ Тойнби А. Дж. Постигание истории: сборник / А.Дж. Тойнби / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. 2-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2002. – С. 119-120.

⁴⁶ Бейлз Р. Теория и исследование малых групп / Р. Бейлз // Социология сегодня: Проблемы и перспективы. – М.: Прогресс, 1965. – С. 334.

это общества массовой культуры с ее молодежной коммерческой культурой. В то же время, считают они, «молодежная субкультура» имеет другой смысл, и ошибочно не видят в ней рисков для общества. Эту культуру, уточняют ученые, стоит понимать как культуру, создаваемую самими молодыми людьми для себя с целью «самореализации, самоидентификации, выработки социальных ролей и наработки статуса»⁴⁷. НОМы же данные авторы определяют как группы потребностей новых генераций, как пространства для экспериментирования. При этом вне привязки к тому, совпадают или противоречат их интересы интересам всего общества и государства.

Рассмотрение проблематики молодежи, молодежной среды и ее влияния на выработку государственной политики по отношению к различным социальным группам, включая саму молодежь, целесообразно начинать с системного подхода. Именно данный подход позволяет исследовать место и роль во взаимоотношениях молодежной среды и политической системы, поскольку именно политическая система по-особому организует общество и выстраивает взаимосвязь с другими социальными системами. Кроме того, сама дефиниция политической системы в современной политической науке логично вытесняет отождествляемые с ней категории политики, государственной системы и государственного управления. Все это позволит нам объективнее исследовать неформальные объединения, поскольку зачастую понятие «управление» соотносится с формальными институтами.

Связь между системой и управлением основательно проработали Н. Винер и У. Росс Эшби в 40-х и 50-х годах XX века, утверждая, что управление любой системой, будь то биологический организм, техническое устройство, общественная формация, подчинено универсальным законам. В исследовании Н. Винера «Кибернетика и общество», заложившего междисциплинарный характер научных исследований с наличием системных

⁴⁷ Российская молодежь: проблемы и решения. – М.: Центр социального прогнозирования; Институт комплексных социальных исследований РАН, 2005. – С. 465.

теорий и моделей, которые обладают высокой аналитической ценностью в различных областях знания.

По оценке же У. Росс Эшби кибернетика помогает построить модель системы любого типа. Правда, при управлении различными системами управляющие (экспериментаторы) часто сталкиваются с проблемой: наличием, так называемого, универсального «черного ящика». На наш взгляд, для системы государственного управления в ряде государств мира молодежь и молодежная среда может оказаться в определенный период времени именно тем самым черным ящиком.

Н. Винер подчеркивает, что понимание общества (а молодежь и молодежная среда является ее важным компонентом) возможно исключительно посредством изучения сообщений и используемой для их передачи связи. При этом, команды, посредством которых мы осуществляем управление нашей средой, «суть разновидность информации, передаваемой нами указанной среде⁴⁸». При этом исследователь подчеркивает, что менее внятные команды при передаче информации могут приводить к дезорганизации, которая разрушает организованное и разрушает имеющее смысл. На проблемы в управлении различных сред указывал и У. Росс Эшби, когда обилие разнообразной информации, попытка трактовать информацию как вещь, которая может содержаться в другой вещи, обычно «ведет к трудным проблемам, которые не должны были бы возникать⁴⁹».

Система, как правило, представляет собой сложноорганизованную целостность. Один из основателей общей теории систем Л. Фон Берталанфи полагал, что некоторые явления могут быть научно исследованы кибернетикой, другие – с помощью общей теории систем. Ведь, кибернетика, согласно мнению автора, соединяет модели информации и модель обратной связи, модели нервной системы и информации. И это, по оценке

⁴⁸ Винер Н. Кибернетика и общество / Норберт Винер; пер с англ. В Желнинова. – М.: Издательство АСТ, 2019. – С. 18.

⁴⁹ Эшби У. Росс Введение в кибернетику: / У. Росс Эшби: Пер. с англ. / Под ред. В.А. Успенского; Предисл. А.Н. Колмогорова. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017. – С. 216.

Л. Фон Берталанфи, не исключает, а скорее предполагает «возможность последующих синтезов»⁵⁰, в которые могут быть интегрированы исследования целостности и организации. Причем, по разным направлениям, к примеру, по молодежи и государственной молодежной политике.

Французский политический мыслитель Р. Арон, во многом соглашаясь с важностью общей теории систем Л. Фон Берталанфи в научных исследованиях, видит в системе конкретную целостность, более или менее очерченную в действительности. В политической же системе Р. Арон выявляет отношения «определенного числа политических объединений, либо интеллектуальную конструкцию»⁵¹, с помощью которой пытаются определить эти реальные целостности. Таким образом, политическую систему логично рассматривать как совокупность интеракций (взаимодействий), ценности системы в конкретный период времени авторитетным способом привносятся в функционирующее общество. И именно в таком формате политическая система обеспечивает управление обществом, что представляется главной ее функцией и задачей.

Созвучным с Л. Фон Берталанфи и Р. Ароном в определении систем выглядит точка зрения Дж. Клира. При этом, данный исследователь выделяет классы систем с помощью ряда базовых критериев различия. Во-первых, это системы, базирующиеся на определенных типах элементов. Во-вторых, это системы, оформившиеся на определенных типах отношений⁵². К примеру, если рассматривать взгляд Т. Парсонса, то для него система – это сеть отношений взаимодействия. При этом, доминирующими институтами, по

⁵⁰ Берталанфи фон Л. Общая теория систем – критический обзор / Л. фон Берталанфи // Исследования по общей теории систем. Сборник переводов / Общ ред. и вступ. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. – М.: Издательство «Прогресс», 1969. – С. 32.

⁵¹ Арон Р. Избранное: Измерение исторического сознания. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 376.

⁵² Клир Дж. Системология. Автоматизация решения системных задач / Дж. Клир; Пер. с англ. М.А. Зуева; под ред. А.И. Горлина. – М.: «Радио и связь», 1990. – С. 15.

Парсонсу, являются те, которые непосредственно формируют сами эти отношения, «определяя статусы и роли сторон в процессе взаимодействия»⁵³.

Для нашего исследования о молодежи и государственной молодежной политике особое значение имеют системные подходы к политике Дэвида Истона. В продолжение разработок Т. Парсонса, который внес в гуманитарные науки комплексную теорию социентального действия, при этом исследование Д. Истона⁵⁴ было сконцентрировано именно на политике как на принятии решений определенного рода, которые большинство членов общества считают обязательными, и на политической системе, к свойствам которой относится упорядоченность и строгое следование комплексу правил и представлений. Все, что не относится к данным категориям, представляет собой среду, в которой функционирует политическая система. В связи с тем, что политическая система имеет целостный характер, ее обычно противопоставляют среде. Таким образом, если исходить из подхода Д. Истона, молодежь – это среда (далее мы активно будем использовать термин «молодежная среда»). Среда может быть как внешней, так и внутренней. Выявленная из среды некая субстанция (вещь) не обязательно будет понятной и познанной.

Кстати, Д. Истон, в политико-системных исследованиях использовал понятие «черного ящика», заимствованное из системотехники, которое в определенной мере можно соотносить и с молодежной средой. Между элементами политической системы возникают связи и чем больше элементов с разнородными связями, тем сложнее система, требующая учета ее структуры и функций. Кроме того, во взаимодействии со средой, к примеру, молодежной, проявляется поведение политической системы, которое может оформляться в трех вариациях: а) реактивной; б) адаптивной; в) активной.

⁵³ Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М.: Академический проспект, 2002. – С. 125.

⁵⁴ Easton D. The analysis of political structure/by David Easton / D. Easton. – New York, London: Routledge, Chapman and Hall, Inc. 1990. – 336 p.

Поведение и развитие всей системы направляет ее изменение, в том числе институциональных изменений.

В уже цитируемой нами работе Д. Истона «Анализ политической структуры», опубликованной в 1990 году, автор классифицирует элементы, которые необходимо учитывать при любом анализе. Такими элементами являются: политическая структура, политическая культура, политическая личность, человек, в том числе молодой человек, как биологический организм. И еще, Д. Истон выделял особые категории (по оценке автора – центральное явление), которые следует понимать не иначе, как политическое действие, деятельность, поведение или процесс. Похоже, как полагал автор, эти категории стоит рассматривать как «отдельные компоненты политической системы».⁵⁵

Состояние любой политической системы, считал автор, можно представить, как особый продукт взаимодействия между ними (эти интеракции Д. Истон представил на рисунке). Что интересно, в данном взаимодействии участвуют и молодые люди как индивиды, и молодежь как социальная группа. Д. Истон полагал, что развитая политическая теория систематически принимает во внимание ту роль, которую каждый из этих элементов играет в функционировании политической системы. Этот рисунок, хоть и упрощенно, но довольно точно отражает предположения большинства исследований о классах переменных, внутренних по отношению к политическим системам.

Подводя итоги по данному параграфу, опираясь на теоретико-методологическую базу (К. Манхейм, Х. Шельски, Т. Парсонс, Ч. Бидуэлл, С. Иконникова, В. Боряз, Е. Шестопап и др.), диссертант предлагает следующее понимание понятий «молодежь» и «новые генерации». Представленные дефиниции, по оценке автора, означают: идеало-типическое оценочное понятие, несовершенный статус в обществе, когорта

⁵⁵ Easton D. The analysis of political structure / David Easton. – New York, London: Routledge, Chapman and Hall, Inc., 1990. – P. 36.

(определенная сила или ресурс), фаза в жизни каждого индивида. В этом отношении «молодежь», «новые генерации» осуществляют интеракции с политической системой и государством.

Исследуя «молодежную среду» (еще одно понятие), взаимодействующую с политической системой (ПС), важно выделить следующие функции ПС. В отношении молодежи политическая система обладает функцией целеполагания, мобилизуя молодежный ресурс в интересах политического развития общества, принимает решения по развитию молодежи в рамках молодежной политики (к примеру, в России иницируется волонтерство и добровольчество, воссоздаются студенческие строительные отряды, сделана ставка на массовые молодежные организации: «Союз школьников», движение «Юнармия»). Политическая система обладает также функцией интеграции молодежи, для чего ей нужны институты социального контроля за девиантным поведением новых генераций и отдельных акторов. Политическая система в национальных государствах включает в себя и функцию политической социализации молодежи, представляющей собой ценностный и символический уровень, подсистемы гражданского и патриотического воспитания, приобщения к культурному коду. При этом упомянутые подсистемы ПС взаимосвязаны «средствами обмена» в виде финансового ресурса, властных полномочий и обязательств.

Институт государства проводит политику по отношению к новым генерациям в разрезе трех научно-теоретических и прикладных подходов. Первый подход: от ущемления новых генераций в возможностях своей реализации до создания институциональных привилегий и конкурентных преимуществ для ряда молодежных структур и групп. Второй подход: от игнорирования и таргетирования ресурса новых генераций до задействования ресурса молодежи в интересах политического развития общества. Третий подход: от неафишируемого скептического отношения к данной социальной группе общества до ставки на особую роль молодежи в ракурсе

национального развития страны (понятия и категории «молодежная политика», «государственная молодежная политика» будут детально представлены в следующих параграфах).

1.2. Политика государства по отношению к новым поколениям в контексте проблем институциональных изменений и политического развития

Проблематика молодежи находилась и находится в поле зрения правительств, профильных государственных министерств и ведомств многих стран мира. К примеру, в ФРГ во второй половине XX века оформилась наука о молодежи, которая широко и системно институционализована. Например, через Немецкий институт молодежи в Мюнхене проходят глубокие исследования по проблематике занятости и безработицы, образования молодежи, добровольчеству, подростковой преступности и молодежным субкультурам, СМИ, гендерным различиям, молодежному и детскому движению. Данную линию на системные исследования поддерживает министерство по делам семьи, работающее на федеральном уровне, пожилых людей, женщин и молодежи правительства страны.

В России в период 90-х годов XX века существовал аналогичный исследовательский центр – Институт молодежи⁵⁶, преобразованный в июне 1990 года из Высшей комсомольской школы (ВКШ) ЦК ВЛКСМ. Однако по масштабам исследований, государственной поддержке он не сопоставим с его немецким аналогом. Вместе с тем, работа его специалистов, ученых из

⁵⁶ В 2000 году Институт молодежи стал одним из вузов РФ, получил сначала название Московской гуманитарно-социальной академии, а в 2003 году статус Московского гуманитарного университета (негосударственный ВУЗ).

других научных учреждений и вузов РФ способствовала становлению ювенологии, «интегративной целостной науки о молодежи⁵⁷».

Возникает естественный вопрос: а всегда ли научная мысль, поддерживаемая государственными структурами и экспертным сообществом, своими исследованиями и выводами предвосхищает социальные потрясения в обществе, будь то молодежные бунты, массовые протесты или социальные революции? Нет, не всегда. Например, оформившаяся в странах Запада наука о молодежи (политическое, социологическое, психологическое направления), бунт молодежи в конце 1960-х годов не был предугадан. Западная ювенология, как полагали ученые-марксисты, вообще не поняла его сущность и направленность. В качестве же оснований «сексуальной революции» «шестидесятых» годов были объявлены следующие причины: конфликт между поколениями и «психологический Эдипов комплекс враждебности детей к отцам». ⁵⁸

Данные неудачи, в виде просчетов ученых, привели к Мангемской дискуссии 1972 года (ФРГ), участники которой находились под впечатлением прошедших волнений молодежи в формате коллективных девиаций от традиционных западных ценностей. Эти ценности: порядок, закон, семья, протестантская этика и др. И проблема состояла не только в факте социальных потрясений в государствах «всеобщего благоденствия», но и в демонтаже доверия между государственными институтами и молодежной средой. Вследствие этого, к примеру, в США в среде студенчества, примыкавшего к «новым левым», институционализировался лозунг: «Не верь никому старше тридцати», а в среде правоконсервативных

⁵⁷ Павловский В.В. Ювентология: проект интегративной науки о молодежи. – М.: Академический Проект, 2001. – С. 4.

⁵⁸ Грачев А. Поражение или урок?: об опыте и последствиях молодежных и студенческих выступлений 60-70 годов на Западе / А. Грачев. – М.: Молодая гвардия, 1977. – С. 9.

партий ФРГ и их политических симпатизантов оформился лозунг: «Не доверяй никому моложе тридцати».⁵⁹

Таким образом, отклоняющееся поведение молодежной среды от институционализировавшихся ранее традиционных норм свидетельствовал о системных провалах в реализации политики государства по отношению к новым поколениям. При этом, государство (как тысячелетний институт политической системы) применительно к пространственно-временному континууму не всегда оказывается готово к вызовам молодежи. А ведь государство, как считал Гегель, есть господство и подчинение, начинающееся с того, что семьи входят в общность, и первый способ, «каким они входят в общность, есть насилие».⁶⁰

Как мы полагаем, методологический фундамент исследования политики государства по отношению к молодежи может быть сформирован благодаря обращению к трудам О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма⁶¹, обосновывавших наличие взаимосвязи между политическим развитием и процессом смены поколений как фактором политических изменений. Поскольку в современных исследованиях, к примеру, у Б. Джессопа, государство и его управление понимается как «партнёрство» государственных и негосударственных акторов, то государство представляет собой некую систему, включающую в себя относительно унитарный ансамбль укоренённых в обществе, социально регулируемых и стратегически селективных институтов и организаций.

При этом, по оценке того же Б. Джессопа, основной функцией данного государства является внесение и приведение в жизнь решений, обязательных

⁵⁹ Критика буржуазных теорий молодежи. Под руководством проф. В. Фридриха. Пер. с нем. Г.С. Черновой; общ. ред. и предисл. Б.К. Лисина. – М.: Прогресс, 1982. – С. 157.

⁶⁰ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии духа. Берлин 1827/1828. В записи Иоганна Эдуарда Эрдмана и Фердинанда Вальтера / Георг Вильгельм Фридрих Гегель; пер. с нем. Кирилла Александрова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – С. 187.

⁶¹ Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении. Пер. с фр. / Пердисл. М.М. Ковалевского. Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 80 с.; Спенсер Г. Политические сочинения: в 5 т. Т. 1: Личность и государство: опыты о государстве, обществе и свободе. / Г. Спенсер. – М.: Челябинск: Социум, 2014. – 464 с.; Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Гофмана. – М.: Канон, 1995. – 352 с.

для всех социальных групп слоев населения, включая молодежь, «во имя всеобщего интереса или общей воли воображаемого политического сообщества, отождествляемого с этой территорией».⁶² Не стоит также снимать с повестки дня в каждом национальном государстве и её политику по отношению к новым поколениям в разрезе их политической социализации.

По мнению Н. Смейлзера, социализация предполагает усвоение социальных ролей посредством коммуникаций, обеспечивающих сохранение общества. Социализация как процесс базируется на трех основах: ожидания, изменение поведения и стремление к конформизму. Данный западный исследователь в числе важных институтов социализации называет школу, как государственное учреждение, полагая также, что социализация может быть успешной и неуспешной. При этом, под политической социализацией Н. Смейлзер понимает процесс усвоения молодежью «идей, жизненных позиций и образцов поведения, характерных для окружающей их политической среды».⁶³

Еще один ракурс проблемы: анализируя сущность молодежной среды и политики государства по отношению к новым поколениям, важно понимать, что данная политика реализуется государством через уровни и ветви власти, органы государственного управления, местного самоуправления. В современной России на этот счет имеются три уровня управления: федеральный, региональный и местный. В целом же, вне зависимости от государства центральная власть, по оценке Э. Шилза, фактически формирует общество, устанавливая социальный контроль над любыми конкретными акциями (действиями) индивидом и групп. Остаточное же действие, по Э. Шилзу, слагается «из убеждения в правомочности власти действовать так,

⁶² Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии духа. Берлин 1827/1828. В записи Иоганна Эдуарда Эрсмана и Фердинанда Вальтера / Георг Вильгельм Фридрих Гегель; пер. с нем. Кирилла Александрова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – С. 187.

⁶³ Смелзер Н. Социология / Нейл Смелзер / Пер. с англ. З.П. Вольской; науч. ред. В.А. Ядов. – М.: Феникс, 1998. – С. 545.

как она действует».⁶⁴ Такая линия поведения входит в культуру, то есть в убеждения и символы членов общества.

Таким образом, власть как исполнительная, так и законодательная имеет цель – формирование, как полагают М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги, гражданской идентичности молодого поколения, которая включает в себя совокупность социальных ролей и норм поведения. Такая деятельность органов власти и управления направлена на нациестроительство, как на основной приоритет политического развития. Это, в свою очередь, стимулирует «прогресс общества и устойчивость политической системы»⁶⁵.

Следует учесть, что отсутствие результатов в деятельности органов власти и управления в формировании гражданской идентичности молодежи ведет к конфликтности социального поведения молодежи. При этом, согласно оценке С. Льюкса, власть, если она считает себя эффективной властью в вопросах нациестроительства, должна иметь не просто результаты, а значимые результаты. Более того, С. Льюкс уверен, что если рассматривать власть как господство, то власть будет присутствовать только там и тогда, когда она «служит интересам власть имущих или не наносит им ущерба».⁶⁶ Пожалуй, в этом кроется один из ответов низкой эффективности государственной молодежной политики большинства бывших республик СССР в 1992-2020 гг.

Не менее значимым направлением деятельности для органов власти и управления при решении проблем молодежи являются институциональные изменения как следствие либо строительства новых институтов, либо модернизации старых институтов. Н. Смелзер под институтом понимал: 1) совокупность ролей и статусов, 2) организацию, которая соответствует «социальной потребности». Люди, в особенности молодые, видимо, не могут

⁶⁴ Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход /Э. Шилз // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М.: Прогресс, 1972. – С. 346.

⁶⁵ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. – С. 67

⁶⁶ Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд / пер. с англ. А. И. Кырлежева; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – С. 126.

обходиться без коллективных структур – «общностей и обществ, которые сохраняются в течение длительного времени»⁶⁷.

Основатели неoinституционализма Джеймс Дж. Марч и Йохан П. Олсен полагали, что институт – это относительно устойчивая совокупность «правил и организованных практик, встраиваемая в структуру смыслов и ресурсов общества»⁶⁸. Институты, по мнению данных исследователей, расширяют возможности акторов в разных направлениях. Они делают их способными действовать в соответствии с предписывающими правилами, которые в итоге обеспечивают продуктивные институциональные изменения в обществе. Институты также обеспечивают соблюдение правил и наказание за их несоблюдение, в том числе в отношении третьей стороны (к примеру, бизнеса), которая может игнорировать интересы приращения общего блага.

Для нас представляет особый интерес взгляд на проблематику институтов и институциональных изменений Т. Парсонса. В своей классической работе «О социальных системах» он выделил несколько типов институтов, помогающих развитию молодежи, воплощающих модели ориентаций и интегрирующих ее в сложившееся общество. Это реляциональные (институты отношений), регулятивные, культурные институты. Реляциональные институты формируют ролевые ожидания молодежи, регулятивные институты устанавливают «красные флажки», за которые не стоит переходить, культурные институты оформляют в молодежной среде модели и коды, основанные на убеждениях, системах символов, этике и моральных обязательствах⁶⁹.

⁶⁷ Смелзер Н. Социология / Нейл Смелзер / Пер. с англ. З.П. Вольской; науч. ред. В.А. Ядов. – М.: Феникс, 1998. – С. 79.

⁶⁸ James G. March & Johan P. Olsen. New Institutionalism. / James G. March & Johan P. Olsen // Political institutions / R.A.W. Rhodes, Sarah A. Binder, Bert A. Rockman-New York. Oxford University press. 2006. – P.16.

⁶⁹ Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М.: Академический проспект, 2002. – С. 133.

Вместе с тем, нельзя считать, что все институты и институциональные изменения в обществе связаны с позитивной коннотацией, одинаково авторитетны для молодежи, формальных и неформальных молодежных групп. Так, например, Б. Джессоп справедливо полагает, что институты, формально зафиксированные в конституциях национальных государств, могут не быть самыми важными механизмами для новых генераций. Некоторые могут быть более символическими или «почетными», некоторые более «действенными», даже если они неформальные⁷⁰.

Ему вторит М. Грановеттер, уверенный, что функция поддержания порядка в обществе как одной из целей политического развития определяется скорее сетью отношений индивидов, а не моралью или институциональными образованиями, как считалось общепринятым. Эти сети пронизывают различные секторы хозяйственной жизни, а социальные отношения во многом являются необходимым условием возникновения доверия и доверительного поведения⁷¹. Правда, эта точка зрения не совпадает с мнением Д. Белла, который вычленяет сильную зависимость интеллектуальной сферы, в которую интегрирована часть продвинутой молодежи, в первую очередь от системы образования, от правительства⁷².

Так что в итоге мы имеем соперничество институтов в постиндустриальном обществе за новые генерации, которые дают различный эффект в разрезе институциональных изменений. Фактически, мы имеем дело с институциональными изменениями, которые обеспечивают приращение общего блага, и институциональными изменениями, которые не дают обществу ничего или даже формируют антиблага. И именно это является водоразделом таких изменений. Кстати, само понятие

⁷⁰ Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее. / Боб Джессоп; пер. с англ. С. Моисеева; под науч. Ред. Д. Карасева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – С. 132.

⁷¹ Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности / Грановеттер М. // Классика новой экономической социологии / сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин; пер. с англ. и с фр; под науч. ред. В.В. Радаева, Г.Б. Юдина; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 357.

⁷² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл / Пер. с англ., под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 330.

общественные блага было сформулировано в середине 1950-х годов Полом Э. Самуэльсоном. Под ними он понимал коллективные блага, которыми пользуются сообща⁷³. Дж. Дж. Стиглер, специалист по проблематике государственного регулирования ресурсов и благ, видел в общественном благом любой товар или услугу, которые одни социальные группы используют без того, чтобы это «мешало использованию того же товара или услуги другими»⁷⁴ социальными группами.

Стоит также подчеркнуть, что органы государственной власти и управления не всегда могут справедливо распределять ресурсы и блага, быть эффективным в реализации государственной политики вообще и отраслевых политик в частности. Государства и правительства достаточно часто могут терпеть неудачи и провалы, полагает западный исследователь В. Долфсма. В значительной мере этот довод основывается автором на неминуемой их неэффективности. Хотя роль государства в обществе должна состоять: 1) в установлении «правил, которым следовали бы игроки»⁷⁵, 2) в выработке и реализации стратегии развития, в том числе политического.

В свое время, выявляя связь между стабильностью, демократией и экономическим развитием, М. Липсет подчеркивал роль социальных групп, в том числе молодежи, в данном процессе. При этом, экономическое развитие и легитимность, как две важнейшие характеристики общества, автор представлял в виде причин для существенного влияния «на проблему стабильной демократии»⁷⁶. Американский политолог Р.А. Даль также считал, что существует важнейшая связь между социально-экономическим уровнем, на котором находится национальное государство, и его «политическим

⁷³ Самуэльсон П.Э. Общественные кривые безразличия // Пол. Э. Самуэльсон // Вехи экономической мысли. Том 4. Экономика благосостояния и общественный выбор / Под общ. ред. А.П. Заостровцева. – СПб: Экономическая школа. 2004. – С. 135.

⁷⁴ Стиглер Дж.Дж. Гражданин и государство. Эссе о регулировании / пер. с англ. Н.В. Автономовой; науч. ред. перевода В.С. Автономов, Е.В. Худько (гл. 6, 10, 11). – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – С. 186.

⁷⁵ Долфсма В. Провалы государства. Общество, рынки и правила / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. Кадочникова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – С. 10-11.

⁷⁶ Липсет М. Политический человек: социальные основания политики / М. Липсет: пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. – М.: Мысль, 2016. – С. 52.

развитием». Исследователь полагал, что чем выше уровень социально-экономического развития, тем выше вероятность того, что в стране будет оформляться конкурентный политический режим, и наоборот. Обосновывал свою гипотезу автор так: чем более конкурентным является политический режим в стране, тем выше шансы того, что ее уровень социально-экономического развития «будет относительно высоким»⁷⁷.

Приступая к более системному и более детальному анализу концепта «развития», автор счел необходимым выделить два несинонимичных понятия: «развитие молодежи» и «политическое развитие», в котором принимают участие новые поколения. В рамках первого понятия речь идет о социальном развитии молодежи как об одной из важных целей любого общества. Ряд отечественных исследователей, к примеру, Ю.А. Зубок, понимает под этим не только выполнение ею воспроизводственной, инновационной и трансляционной функций, но и воспроизводство ключевых элементов социальной структуры общества и социально-политических отношений, передачу «обновленного совокупного общественного опыта от одного поколения к другому»⁷⁸.

Таким образом, специалисты-ювенологи проводят четкую логическую связь между необходимостью социального развития молодежи, в котором участвуют государственные институты и институты гражданского общества, и ролью молодежи в последующем развитии национальных государств. Тем более что, по данным ООН, содержащихся в «Международном докладе о молодежи», рост молодежного населения имеет принципиальное значение в контексте устойчивого развития, что приводит к росту рабочей силы, экономики. И наоборот, нерешение данной проблемы приводит к большому количеству безработной молодежи, которая является

⁷⁷ Даль Р.А. Полиархия: участие и оппозиция / Р.А. Даль: пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова. – М.: Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – С. 77.

⁷⁸ Зубок Ю.А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества / Ю.А. Зубок. – М.: Социум, 1998. – С. 15.

потенциальной базой «политической нестабильности и гражданских беспорядков»⁷⁹.

Возвращаясь к категории «политического развития», важно иметь в виду ее взаимосвязь и взаимозависимость с развитием молодежи. И в этом отношении логично представлять молодежь как ресурс развития. Кстати, ранее, до американского политолога А. Лейпхарта, политическое развитие рассматривалась, во-первых, с точки зрения демократизации и нациестроительства (создания нации-государства), во-вторых, в рамках сопоставления понятий «политическое развитие» и «модернизация» в рамках некоего синонимичного ряда. И это обедняло имеющуюся научную политическую теорию. Поэтому в опубликованной в 1977 году А. Лейпхартом работе «Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование» автор предложил теорию консоциальной (сообщественной) демократии, где он скорректировал и существенно дополнил понимание концепта политического развития.

Прежде всего, политолог из США предложил гипотезу о том, что большинство современных обществ являются многосоставными, с большими различиями в имеющихся сегментах (сегментарный плюрализм). Различия в них наблюдаются в полиэтнической, поликонфессиональной, половозрастной сферах, в идеологических предпочтениях. Кстати, этот подход очень важен для понимания трендов политического развития в России, и он в большей мере должен был учитываться в реализации государственной молодежной политики в РФ. И именно для них должна быть предопределена общественная демократия плюс демократия согласия.

В краткосрочной перспективе, полагал А. Лейпхарт, общественная демократия, как правило, лишь создает дополнительные проблемы и усугубляет неоднородность общества. Вместе с тем, в среднесрочной и

⁷⁹ World Youth Report. [Electronic resource] // United Nations: [website]. – Режим доступа: <https://www.un.org/development/desa/youth/wp-content/uploads/sites/21/2018/12/WorldYouthReport-2030Agenda.pdf> (Дата обращения: 05.01.2020 г.)

долгосрочной перспективе она может разрешить ряд наиболее острых противоречий между сегментами и тем самым «лишить межсегментную рознь политического характера».⁸⁰ Специалист по незападным политическим процессам Л. Пай⁸¹ в политическом развитии осознавал острейшую необходимость сочетания процессов структурной дифференциации, актуальности выравнивания различных видов неравенства в обществе, в том числе и социального (актуально для современного российского общества).

В становлении новых концепций политического развития весомую роль сыграли и работы американского ученого А. Хиршмана. Автор полагал, что политическое развитие заложено и в экономике, к сфере экономики относится «выход», а к сфере политики – «голос». При этом, А. Хиршман был уверен, что во всей совокупности человеческих институтов, от государства до семьи, «голос» (пусть самый нескладный) – это все, чем люди обычно могут оперировать⁸². Кроме того, автор видел следующие соотношения на пути политического развития, в которые могут быть интегрированы новые генерации. Это соотношения между институциональными ресурсами системы, интересами и потребностями молодежи, политическим участием молодых граждан в принятии политических решений.

Учет такого баланса будет увеличивать возможности системы по удовлетворению потребности новых поколений. В ином случае, благодаря такой неудовлетворенности в обществе логично могут усиливаться негативные политические настроения. Не исключены и кризисы политического участия (кризисы распределения, идентичности, легитимности, участия, управления). Не менее важным каналом участия молодежи в политическом развитии страны является канал политической

⁸⁰ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / Пер. с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. – М.: Аспект Пресс, 1997. – С. 265.

⁸¹ Пай Л. Незападный политический процесс / Л. Пай // Политическая наука. – 2003. – №2. – С. 66-85.

⁸² Хиршман А.О. Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств / А.О. Хиршман / Пер. с англ. Б. Пинскера. – М.: Новое издательство, 2009. – С. 24-25.

репрезентации или представительства молодежи в системе власти, что как считает Ф. Анкерсмит, должно ориентировать наследников политики не только к участию в решении политических проблем, но и осознании важности компромисса, не исключая, как полагал данный автор, и готовности «поступиться политическими принципами (например, в выборе между *ancient regime* и революцией)»⁸³.

И еще один ракурс исследования: о близости понятий «развитие» (об этом речь шла выше) и «прогресс». Ряд отечественных (советских) исследователей, к примеру, В.И. Скурлатов, видели четкую взаимосвязь между молодежью и прогрессом. Правда, в рамках марксистского подхода эта связь была возможна только для молодежи социалистических стран. Для «потерянного поколения» стран Запада, с рыночным капитализмом, прогресс («человечество улучшало свое состояние в прошлом, улучшает сейчас и будет двигаться в обозримой перспективе»⁸⁴) не был важен. Поскольку, по мнению В.И. Скурлатова, молодые поколения в этих странах Запада бросались «в наркотики, в бунт, в секс, в оккультизм и магию, в поп-музыку, в коммуны, в добровольный уход из прогнившего мира потребления»⁸⁵.

Кстати, о парадоксе истории. Именно молодежь социалистических стран, включая СССР, была движущей силой политических трансформаций в конце 80-х, начале 90-х годов XX века, предопределив переход своих стран от государственной плановой экономики к рыночной, капиталистической, от власти руководящей и направляющей силы общества (коммунистических, рабочих партий) к либеральной демократии. С точки зрения большинства политологов Запада, этот процесс представлял собой политическое развитие этих стран, включая постсоветскую Россию.

⁸³ Анкерсмит Ф.Р. Политическая репрезентация /Ф. Анкерсмит/ Пер. с англ. А. Глухова. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 125.

⁸⁴ Нисбет Р. Прогресс: история идеи / Р. Нисбет; пер с англ. Под ред. Ю. Кузнецова и Гр. Сапова. – М.: ИРИСЭН, 2007. – С. 35.

⁸⁵ Скурлатов В.И. Молодежь и прогресс. Философские размышления о драме Свободы, Любви и Измены в истории / В.И. Скурлатов. – М.: Мол. Гвардия, 1980. – С. 173.

Возникает вопрос. А можно ли назвать прогрессом произошедшие трансформации молодежной политики КПСС (как руководящей и направляющей силы общества) в СССР в сравнении с молодежной политикой, реализуемой в постсоветской России в 1990-е и 2000-е годы? В СССР молодежная политика – это бесплатное образование и медицина, гарантированная профессия и работа, перспектива в получении бесплатного жилья, высокий материальный достаток, уважение каждого социального статуса в обществе. При этом стоит отметить, что побочным эффектом политического транзита и новыми социальными явлениями в обществе новой России стали именно те проблемы молодежи капитализма, на которые указывал В.И. Скурлатов. Разумеется, в такой постановке вопроса речь идет об определенном регрессе, который существенно и негативно повлиял на большие социальные группы в РФ, включая молодежь. И здесь не обойтись без ряда сравнений.

В этой связи, по мнению автора, не стоит игнорировать наличие ряда позитивных преимуществ для молодежи РФ в сравнении с советским периодом развития страны. Это появившееся потребительское изобилие, но при невысоком качестве значительной части товаров и услуг. Это большие возможности для молодых людей реализовать свои навыки в бизнесе, но с наличием в стране административных барьеров и коррупционных проявлений при реализации стартапов. Это возможность участия молодых людей в конкурентных политических выборах, в деятельности различных партий и общественных структур (вертикальная мобильность), но с определенными неформальными ограничениями периода 2000-х годов.

Все это, при анализе положения новых поколений в России, ориентировало отечественных исследователей на ряд контурных выводов. К примеру, объективным фактором оптимизма молодежи является лишь ее место в структуре общества. Опять же, в силу молодости, а значит невысокой интегрированности в повседневные бытовые тяготы жизни, молодые люди

практически не обращают внимания на увеличение цен, качество предоставления услуг в учреждениях здравоохранения, изменение экологической ситуации в худшую сторону и т.д.⁸⁶. Молодость как возраст и статус во многом нивелируют тяготы и сложности жизни.

Вместе с тем, опираясь на дефиниции «государство», «пространственно-временной континуум», «институты», «институциональные изменения», «развитие», дихотомию «советский-постсоветский», логично представить ряд выводов по данному параграфу. Во-первых, страна (СССР-РСФСР) и молодежь на рубеже 1990-годов нуждались в переменах («мы ждем перемен»), в том числе и в институциональных изменениях. Однако правильная стратегия перемен в виде социально-экономических и политических реформ на практике не совпала с тактикой их осуществления. Вместо последовательных и эволюционных изменений постсоветская Россия пошла по пути радикальных (шоковых) реформ, которые затронули и молодежь. Это позволило ряду отечественных и зарубежных ученых, к примеру, С. Хедлунду, назвать реализованные реформы в РФ системным провалом, когда запланированное не всегда осуществляется и когда «политические меры часто влекут за собой непредвиденные последствия».⁸⁷

Во-вторых, если рассматривать процесс демократизации в РФ, в котором участвуют и новые генерации как компонент политического развития, то в данном разрезе стоит обратить внимание на точку зрения Ф. Шмиттера и Т.Л. Карла, что «демократия не всегда эффективнее других форм правления»⁸⁸, в том числе и в управлении отраслями и сферами. В разрезе же операционализации двух несинонимичных понятий «развитие

⁸⁶ Трофимова И.Н. Политические ориентации современной российской молодежи / И.Н. Трофимова // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. Ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2017. – С. 307.

⁸⁷ Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала / пер. с англ. Н.В. Автономовой; под науч. ред. В.С. Автономова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 23.

⁸⁸ Карл Т.Л., ШмиттерФ. Что есть демократия? / Т.Л. Карл, Ф. Шмиттер // Вся политика: хрестоматия / сост.: В.Д. Нечаев, А.В. Филиппов. – М.: Европа, 2006. – С. 146.

молодежи» и «политическое развитие», в котором принимают участие новые генерации, стоит отметить следующее. В период 1990-х годов социальное развитие отразилось лишь на «золотой молодежи», основных групп новых генераций оно, как правило, не коснулось.

Результатами радикальных реформ воспользовались новые поколения деловых людей в разрезе потенциальной «потребности российской экономики в высококлассных управленцах»⁸⁹, имевших элитарное образование и доступ к политической элите. Другая часть молодежи не имела таких шансов. Далее появившееся в постсоветском периоде для молодежи РФ равенство возможностей не компенсировало из общего блага имевшееся ранее равенство результатов. И в данном случае, значительная часть молодежи также оказалась в проигрыше.

В-третьих, состояние молодежи в постсоветской России в результате смены молодежных отраслевых политик с советской на постсоветскую модель представляет собой комбинацию противоречий, элементов прогресса и регресса одновременно. Процесс же становления молодежной политики в РФ в части участия государства в судьбах новых генераций представлял собой конфигурацию «поколенческого маятника», от игнорирования ресурса молодежи (1990-х гг.) до создания определенных условий для расширенного воспроизводства новых поколений (2006 – 2020 гг.). И еще, лишь с середины «нулевых» годов XXI века государственные ресурсы стали направлять на более широкие страты общества, включая молодежь и молодые семьи, были приоткрыты для новых генераций и социальные лифты.

⁸⁹Заславская Т.И., Крылатых Э.Н., Шабанова М.А. Новое поколение деловых людей России /Т.И. Заславская, Э.Н. Крылатых, М.А. Шабанова. – М.: Издательство «Дело» АНХ, 2007. 320 с. С. 8.

1.3. Государственная политика в отношении новых генераций как ориентир в мобилизации ресурсов в достижении целей общества

В современном научном дискурсе, как среди отечественных авторов, так и среди зарубежных исследователей, встречаются различные определения понятия «молодежная политика», «политика государства по отношению к молодежи», «государственная молодежная политика». Сразу стоит отметить, что данные дефиниции не тождественны и не синонимичны. Хотя по ряду элементов могут пересекаться. Причем, обоснование ее методологических принципов чаще всего реализуется через призму осмысления управленческих процессов. Как только государственное управление рассматривается как проявление чисто политических устремлений, отмечает. Д.Х. Розенблум, тогда логично актуализируются ценности, которые радикальным образом отличаются от тех, что «присущи менеджеристскому подходу»⁹⁰.

Исходя из такой позиции и решающей роли государственных институтов, формирование и реализацию молодежной политики стоит рассматривать как субъектно-объектную деятельность. Ее первым элементом является сфера компетенции государственных и общественных субъектов – властных органов и учреждений, гражданских объединений, их ассоциаций, общественных активистов. Все они руководствуются социальным запросом, в основе которого лежит объективная потребность в эффективной государственной политике, позволяющей адекватно воплощать потребности и интересы молодежи. Объективная сторона молодежной политики, на которую направлена управленческая деятельность государственных институций и негосударственных субъектов, представляется в научных работах в виде совокупности характеристик молодежи.

⁹⁰ Розенблум Д.Х. Теория государственного управления и принцип разделения властей / Д.Х. Розенблум // Классики теории государственного управления: американская школа / Под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 575.

Сущность политики государства в отношении молодежи, для которой характерна переходность социального статуса, лабильность, экстремальность, трангрессивность сознания, нарастающая глобализованность и новая форма стандартизации⁹¹, проецируется на поддержку самостоятельных инициатив данной социальной группы и возникающих на ее основе молодежных объединений. Таким образом, управление формированием и практическим воплощением молодежной политики рассматривается, во-первых, как процесс субъектно-объектного порядка. К его субъективной составляющей относится деятельность государственных и муниципальных органов, молодежных объединений, их ассоциаций, молодежных активистов.

Во-вторых, в научном дискурсе популярна трактовка молодежной политики как компонента государственной или муниципальной, социально-экономической политики⁹². По мнению В.А. Лукова, за молодежной политикой признается двусторонний диалектический характер. В обобщенном, широком смысле под ней понимается отношение общества, его институтов и групп к молодежи как социальной группе, а также обратное отношение молодежи к социуму и его агрегациям, институтам и ценностям. В более узком смысле под молодежной политикой предлагается понимать «направление государственной деятельности, а также усилий иных социальных субъектов по социализации и социальному развитию молодежи»⁹³.

В-третьих, многими российскими авторами государственная молодежная политика рассматривается как перераспределительный

⁹¹ Зубок Ю.А. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. Ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2017. – С. 12-49

⁹² Кибанов А.Я., Ловчева М.В., Лукьянова Т.В. Социальная политика государства в отношении молодежи: модели, классификация, актуальные проблемы // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2013. – Том 2. – № 6. – С. 21-28.

⁹³ Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений / под общ.ред. Вал. А. Лукова. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. – С. 264.

механизм. Сторонники данного подхода зачастую склоняются к объяснению политики государства по отношению к молодежи как меры по предотвращению попадания ее различных групп и категорий «в ущемленное положение по сравнению с другими социальными группами»⁹⁴. В работах же О.Г. Шениной она раскрывается как систематическая деятельность по поддержанию статуса молодежи как общественной группы⁹⁵. В рамках означенного подхода политика поддержки и развития молодежи трактуется в качестве отдельного институализированного направления деятельности государства через функции органов по делам молодежи и реализацию молодежных проблем в специальных управленческих программах.

В политической науке при изучении существующих политических систем вовлеченность их в структуру политики представлена в целом ряде классификаций. Так, политолог А. Смитт подробно рассматривал более десяти вариантов противостояний, основанных на политике, проводимой в странах Запада. Это позволило выделить четыре основных типа политического курса. Также он дал определение государственной политике как совокупности правительственных решений, основанных на проблемах.

А. Смитт не только описал сущность государственной политики, но и дифференцировал политические курсы, которые основаны на сравнении влияния ключевых лиц, принимающих решения, и процессе их принятия. В результате данный исследователь выделил четыре основных типа публичной политики, которые важны для нас при анализе государственной молодежной политики в РФ. Это «1) распределительная политика, 2) секторально фрагментированная политика, 3) эмоциональная политика, 4) перераспределительная политика»⁹⁶.

⁹⁴ Крикунова В.А. Молодежная политика в современной России: понятие, субъекты, факторы формирования // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – №101. – С. 279.

⁹⁵ Щенина О.Г. Приоритеты государственной молодежной политики // Молодежь России: Сборник рефератов статей из периодических изданий за 2011 г. – М.: Российская государственная библиотека для молодежи, 2012. – С. 59.

⁹⁶ Smith T. Alexander. The comparative policy process/ T. Alexander Smith. - Santa Barbara, California: American Bibliographical Center – Clio Press, Inc, 1975. – P. 34.

Распределительную политику отличают небольшие конфликты, которые характеризуются малой вовлеченностью участников, так как «люди, организации, департаменты правительства в значительной степени не конкурируют с интересами других акторов при обращении за помощью к правительству. Секторально фрагментированная политика отличается от распределительной, главным образом, своей способностью вовлекать большее число людей, которые, в свою очередь, разделены в основном из-за разногласий, связанных с секторами. Секторально фрагментированная политика проявляется в умеренном уровне конфликтов.

Эмоциональная политика является наиболее демократичной из всех видов, если под демократией понимать широкомасштабное участие и вовлеченность, а также контроль над последствиями. Важную роль в политическом процессе играет не политический лидер, а обычные агенты, поддерживаемые высоко моралистическими группами интересов. Политика перераспределения характеризует крупномасштабный конфликт, в котором основные участники более или менее следуют традиционным классовым линиям. Подобно эмоциональному, этот тип также включает большое количество участников, но конфликт более структурирован и его границы более предсказуемы, «менее разбросаны по разным социально-экономическим слоям». Основными участниками являются высшие политические руководители, с одной стороны, и лидеры ассоциаций, представляющие интересы работающих, с другой.

В реализации государственной молодежной политики особое место отводится бюрократическим структурам, государственным чиновникам, которые в большей мере располагают ресурсами для решения молодежных проблем, обеспечивают социальное развитие молодежи и политическое развитие общества. Государственные чиновники, как отмечает специалист по государственной бюрократии А. Смитт, сталкиваются с другим набором личных стимулов, чем частные руководители. Руководитель коммерческой

фирмы оценивается и вознаграждается на основе прибыли фирмы – итоговой суммы.

Руководитель же государственного учреждения оценивается и вознаграждается на основе видимости успеха, когда успех может означать репутацию, влияние, обаяние, отсутствие критики, личную идеологию или победу в политических дебатах. Вследствие этого, государственные бюрократические структуры во многих случаях не только не заинтересованы в качественном результате своей работы, но и «препятствуют внедрению инноваций»⁹⁷. И этот аспект не только имеет место в реализации государственной молодежной политики, но и является универсальным для деятельности государственных структур, и его необходимо учитывать.

Вместе с тем, создание и развитие системы специализированных государственных структур в зарубежных управленческих практиках служит закономерным результатом процесса институционализации молодежной политики в специфическое направление деятельности государственной власти. И это происходит тогда, когда, как отмечает Е.П. Херринг, на плечи государственных структур, госслужащих возлагается согласование различий между группами и «достижение эффективных и приемлемых компромиссов»⁹⁸. Практически во всех рассмотренных моделях молодежной политики различных государств государственные и общественные институты выступают в качестве субъектов молодежной политики.

Определяющей тенденцией в реализации политики поддержки молодежи для демократических систем является сотрудничество между неправительственными организациями и государственными институтами в решении проблем различных категорий молодежи. При этом именно молодежным движениям и организациям отводится ключевая роль в

⁹⁷ Wilson James Q. Bureaucracy: What government Agencies Do and Why They Do It. /Wilson James Q. – United States of America. Basic Books, Inc. 1989. – P.222.

⁹⁸ Херринг Пендлтон Е. Государственное управление и общественные интересы / Е. Пендлтон Херринг // Классики теории государственного управления: американская школа / Под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 99.

политической социализации молодежи на всех управленческих уровнях. Общественные объединения, созданные по инициативе молодежных лидеров и активистов, рассматриваются в качестве опорного механизма привлечения молодых людей к государственной политике. Отметим, что их реальный статус в обществе в той или иной степени зависит от уровня развитости гражданского общества и традиций национальной государственности в определенной стране.

Что касается Российской Федерации, то, на наш взгляд, предметное поле молодежной политики государства в Российской Федерации определяется проблемным характером развития молодежи как специфической социальной группы. Проблемные тенденции становления и институционализации молодежи в качестве субъекта социальных отношений детерминированы противоречивыми факторами. В российских условиях особенное значение имеет субъективный фактор, обусловленный радикальной трансформацией политической системы и социальной структуры общества. Несбалансированность ключевых социальных институтов и перманентное реформирование сферы политического управления снижает эффективность государственной политики в отношении молодежи.

Несмотря на влияние на молодежные настроения кризисных явлений демографического, экономического, социального характера, различные категории молодых граждан проявляют стремление к включению в политические отношения, формируют собственные идейные установки, канализированные в различные формы политического участия и политической активности. Проведенный в диссертационном исследовании анализ зачастую выявляет несовпадение векторов развития механизмов государственной молодежной политики и прогрессирующих новых потребностей и интересов молодежной среды в современной России. Как экзотико-радикальные примеры такого несовпадения стоит выделить

политические резонансы вокруг студентов МГУ и ВШЭ: В. Карауловой и Е. Жукова. Кстати, на такие примеры пророчески указывал Ш. Эйзенштадт. И в них ныне угадываются тенденции «подвижки в ориентациях протеста в самых крайних выражениях»⁹⁹.

Таким образом, учитывая, что молодежная политика является фактором институциональных изменений (конструктивного и деструктивного характера) в молодежной среде, необходимо остановиться на наиболее популярных трактовках молодежной политики и ее различных вариантов. Один из признанных классиков ювенологии И.М. Ильинский критично воспринимает объяснение молодежной политики как одного из компонентов социальной политики. Широко известна гуманистическая концепция И.М. Ильинского¹⁰⁰, в рамках которой молодежь воспринимается не как объект политики государства, а как его высшая ценность, включающая в себя демографическое, политическое, социокультурное и экономическое измерения. В то же время принципиальное положение концепта И.М. Ильинского заключается в выделении двух видов молодежной политики: государственной и общественной.

Стоит отметить, что значительная часть российских исследователей является сторонниками расширенного толкования понятия молодежной политики. Политики как государственной деятельности по обеспечению инкорпорации молодежи в социальную жизнь. Исходя из этого, политика государства по отношению к молодежи рассматривается ими как функциональная задача публичной власти, где обращается внимание на необходимость создания условий для саморазвития и самореализации молодых людей. Расширенное толкование молодежной политики присутствует в работах А.Ю. Гайдина, который, к примеру, понимает ее в трех ракурсах. Первый – в качестве деятельности, нацеленной на обеспечение

⁹⁹ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт; Пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 371.

¹⁰⁰ Луков В.А. Молодежная политика: концепция И.М. Ильинского / В.А. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 2. – С. 15.

интересов молодежи. Второй – в качестве работы органов власти в области молодежной проблематики. Третий – в качестве образовательной политики среди молодежи¹⁰¹.

Следует признать обоснованность подхода российского автора С.Н. Чируна, который предлагает воспринимать молодежную политику в трех измерениях: политологическом, социологическом и нормативно-правовом. Исследователь отмечает, что политологический подход способен преодолеть узость и противоречивость других научных концептов гуманитарного знания, обусловленных незавершенностью формирования нормативно-правовой базы молодежной политики государства в современной России и противоречивостью в формировании социальной структуры российского общества¹⁰².

Наряду с абсолютизацией возможностей и полномочий государства в сфере развития потенциала молодежи для политологического подхода характерно выделение и обоснование всего комплекса отношений и проблем, связанных с влиянием на молодежную среду системы властных отношений. Ряд авторов, проводящих политологические исследования молодежи в контексте особенностей политического процесса в постсоветской России, выделяет такие черты молодежной политики. Это сокращение сферы ответственности государства по отношению к молодым гражданам¹⁰³, ситуационно-манипулятивный характер государственных стратегий в данной области¹⁰⁴, нарастание тенденций децентрализации и регионализации рассматриваемого процесса, конъюнктурные интересы власти в ее намерениях относительно различных категорий молодежи.

¹⁰¹ Гайдин А.Ю. Региональная молодежная политика: социокультурные аспекты: дис. ... канд. полит.наук. Саратов: 2002. 24 с.

¹⁰² Чирун С.Н. Государственная молодежная политика Российской Федерации: проблемы реализации и противоречия методологии / С.Н. Чирун // Политика и общество. – 2017. – № 1 (145). – С. 16–32.

¹⁰³ Маяцкий Д.А. Политическая социализация российской молодежи в контексте государственной молодежной политики: дис.... канд. полит. наук. – М., 2007. – С. 24.

¹⁰⁴ Елишев С.О. Молодежь как объект социализации и манипуляций. – М: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. – 320 с.

Таким образом, в понятие государственная молодежная политика имеет смысл включать все направления деятельности государственных институтов в конкретном обращении к интересам и потребностям жизнедеятельности молодежи, охватывая такие области как формирование личности и воспитания молодежи, процессы ее социализации, а также совокупность идейных и научных воззрений о месте и роли молодежи в социальном развитии и политическом процессе.

Особое место в научных подходах принадлежит концепту отрицания, признания иллюзорности самого понятия «молодежная политика», включая ее государственную вариацию. Подчеркивается отсутствие практической необходимости дифференцировать молодежь, молодежную политику в общегосударственной политике. Определенный скепсис проявляется к молодежи как монолитному субъекту, в отношении которого государство способно проводить самостоятельную политическую стратегию¹⁰⁵. Будучи озвученным, прежде всего, рядом экспертов и публичных политиков, отмеченный подход имеет определенное распространение в сфере практической реализации политики в отношении молодежи.

Рассматривая многие трактовки понятия «государственная молодежная политика» и подводя итоги по третьему параграфу главы диссертационного исследования, имеет смысл дать авторское определение такой политики. Государственная молодежная политика (ГМП), на наш взгляд, представляет собой систему, набор ресурсов, иерархию смыслов и форму контроля над новыми генерациями. Таким образом, ГМП – это система в деятельности государственных органов в решении проблем молодежного социума. Кроме того, ГМП – это и набор ресурсов, процедур и операций для политической социализации новых генераций. С точки зрения политического развития, ГМП – это иерархия ценностей и символов в нациестроительстве. И наконец,

¹⁰⁵ Алещенок С.В. К проблеме новой концептуализации молодежи / С.В. Алещенок // Методологические проблемы исследования молодежи (материалы дискуссии). – М.: Социум, 1998. – С. 34-37.

при наличии девиантного поведения части молодежи, ГМП – это форма контроля в отношении девиаций социально-возрастных групп.

Кроме того, государственная молодежная политика имеет два важных ориентира. Во-первых, учет потенциала и ресурсов новых поколений для достижения, поставленных обществом и государством целей национального развития (к примеру, 12 национальных проектов в РФ направлены на эти цели и в них предусмотрена особая ставка на молодежь). В практической части государственной молодежной политики происходит мобилизация ресурсов новых генераций: а) для внедрения инноваций; б) модернизации экономики и социальной сферы; в) для защиты от потенциальной внешней опасности. Во-вторых, внедрение во вступающие в жизнь новые поколения традиционных ценностей общества, их воспроизводство и обеспечение тем самым преемственности поколений.

Подводя итоги в целом по первой главе диссертационного исследования, стоит выделить следующие выводы.

Во-первых, молодежь (в данной главе дано авторское определение дефиниции) нуждается и нуждается в социальном развитии для того, чтобы в последующем новые поколения обеспечили развитие всего общества. И, соответственно, институт государства РФ заинтересован в том, чтобы найти в своей политике социологические, психологические, политологические объяснения и оправдания для своего эффективного воздействия на новые генерации. Стратегии и практики государственной молодежной политики в РФ при этом учитывали два основополагающих подхода к пониманию сущности молодежи. Первый, сама молодежь как социально-возрастная группа уже содержит в себе потенциал дестабилизации и разрушения. Поэтому политика государства, деятельность органов власти и управления ориентирована на деблокирование молодежных деструкций. Это формирует тренд от хаотичной политики в отношении новых генераций к традиционной (стандартной) молодежной политике. Второй подход по мере становления

самого института государства (от «слабого» к «сильному») осознает важность молодежи как фактора позитивных институциональных изменений, устойчивого политического развития страны. Вследствие этого государственная молодежная политика может приобретать черты инновационной.

Во-вторых, политическая система государства в качестве целеполагания имеет ориентир на формирование гражданской (государственной) идентичности новых поколений молодежи. Поэтому вся система государственных институций и лояльных политическому режиму акторов настроена на поиск идеалов, мифов, чтобы направить молодежь на стабилизацию системы и ее устойчивость. Так, реляционные институты формируют определенные ожидания молодежи, которые связаны с поиском своего места в жизни – получение профессии, карьерные устремления. В свою очередь, регулятивные институты устанавливают с помощью законов и актов границы, которые молодые люди не должны переступать, если имеют определенные жизненные устремления на успех и самореализацию. И наконец, культурные институты формируют у молодежи определенные модели и коды, которые основываются на убеждениях, исторической памяти, и реализуются, в том числе через систему гражданско-патриотического воспитания.

В-третьих, молодежная политика в национальном государстве делится на государственную и общественную. Взаимосвязь этих политик дает синергетический эффект. Государственная молодежная политика (ГМП) в своих управленческих практиках учитывает политическое поведение молодежи, стремясь сформировать конструктивно-созидательную позицию в отношении молодежного ресурса, способствующего политическому развитию. Поскольку политическое развитие предполагает, в первую очередь, демократизацию и нациестроительство, политика государства по отношению к новым поколениям направлена на мотивацию молодежи

(причем, наиболее активной) посредством каналов политической репрезентации или в представительстве молодежи в системе власти. Этот процесс помогает не только избежать конфликта поколений, но и обеспечить реализацию принципа преемственности поколений в обществе, в том числе и в органах власти и управления. Диссертант представляет понятие «государственная молодежная политика» как систему институтов работы с молодежью, как набор ресурсов для социального развития новых генераций, как иерархию смыслов в гражданском и политическом развитии молодых граждан и как форму контроля над новыми генерациями.

2 Этапы становления, институциональные особенности и проблемы реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации

На государственном уровне в постсоветской России принятие политических решений применительно к новым поколениям, ретранслируемым в государственную молодежную политику, всегда представляло большую сложность. Причем, вне зависимости от субъективных и объективных факторов. Ведь диапазон такой политики государства по отношению к молодежи мог основательно варьироваться от создания социальных сверхпривилегий для этой социально-возрастной категории до ущемления молодых граждан в правах, выраженного социального неравенства и эйджизма. Рассматривались и промежуточные варианты такой политики, при которых молодежь является одной из социальных групп, не хуже и не лучше других, а оппозиционные молодежные настроения, и даже, в известной мере, молодежные движения протеста не стоит считать обязательно вредными для политической системы.

2.1 Основные этапы становления государственной молодежной политики и институциональных изменений новых поколений в современной России

В период 1990-х и 2000-х годов в современной России значительное место в научных дискуссиях и прикладных практиках занимала проблематика публичного управления как «системы координации государственных, муниципальных, некоммерческих и смешанных структур для удовлетворения общественных интересов и решение коллективных

проблем¹⁰⁶», поиска эффективных механизмов реализации молодежной политики. Представляется, что именно выбор и адаптация конкретных механизмов реализации стратегий политики в отношении молодежи способны определить ее направленность и уровень эффективности.

В политической теории дефиниция «механизм» рассматривается в рамках одного подхода как понятие, близкое к понятию «система». В рамках другого подхода это формат акций (действий) и интеракций (к примеру, механизм взаимодействия общества и государства с двумя системами¹⁰⁷). Российский исследователь О.С. Щербина, используя инструментарий структурно-функционального метода, отождествляет понятия «механизм» и «система». Она обосновывает наличие следующих подсистем механизма государственной молодежной политики: институциональной, информационно-коммуникативной и нормативной¹⁰⁸. И для них, как полагает данный автор, взаимосвязь основана на принципах координации и взаимного контроля, благодаря чему они в совокупности выполняют предписанные социально-полезные функции.

Фундаментом структуры механизма государственной молодежной политики признается ее институциональный элемент или подсистема. Российский исследователь П.В. Панов понятие «институты» четко коррелирует с понятием институционального порядка: наличие объективных структур, взаимодействие рациональных индивидов и продукт социального конструирования¹⁰⁹. Таким образом, институциональную подсистему молодежной политики государства образуют политические институты,

¹⁰⁶ Купряшин Г.Л. Публичное управление / Г.Л. Купряшин // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии: Научное издание / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. – С. 194.

¹⁰⁷ Перегудов С.П. Политическая система России в мировом контексте: институты и механизмы взаимодействия / С.П. Перегудов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 27.

¹⁰⁸ Щербина О.С. Механизм государственной молодежной политики в Российской Федерации: современное состояние и тенденции развития, автореферат дисс. канд. полит. наук. – Черкесск, 2006. – 24 с.

¹⁰⁹ Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка / П.В. Панов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 18-19.

управленческие организации, обладающие «определенными административными ресурсами учреждений»¹¹⁰.

И данные структуры в институциональной подсистеме призваны обеспечивать разработку нормативных актов, в которых воплощаются интересы молодежи, а также определяется возможность исполнения социально значимых функций молодого поколения в общественно-политических отношениях. В соответствии с выделением государственного и общественного сегментов государственной молодежной политики следует указать на наличие в составе первого из них институтов государственной власти национального и субнационального (регионального) уровней. Общественный компонент институционального механизма формируют организованные субъекты гражданского общества, которые привлекаются публичной властью в процессе разработки приоритетов и направлений государственной молодежной политики или же имеет возможность воздействовать на последний.

Коммуникативный элемент механизма государственной молодежной политики, согласно аргументации, предлагаемой О.С. Щербиной, определяется характером устойчивых связей и контактов между составными частями, который определяет характер и порядок их взаимодействия. Его значение состоит в информировании (как посредством «традиционных медиа, так и в рамках «новых медиа»¹¹¹) всех структурных элементов механизма молодежной политики о принципах, формах, каналах и технологиях его функционирования, а также установления регулярной коммуникации между системой государственного управления, гражданским обществом и молодежью.

¹¹⁰ Власенко Л.В. Роль молодежи в процессах преобразования общества / Л.В. Власенко // Научный диалог. – 2014. – № 5 (29): История. Социология. – С. 133.

¹¹¹ Сулимов К.А. Идентичность и новые коммуникации / К.А. Сулимов // Борьба за идентичность и новые институты коммуникации / Под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 257.

Нормативный механизм государственной молодежной политики включает в себя законодательства всех уровней – от федеральных нормативных актов Российской Федерации и законодательства субъектов Российской Федерации до актов муниципального и корпоративного права, традиционных установлений общественной морали, воплощенных в обычном праве. Отмеченный механизм обуславливает степень легальности содержания, форм, методов, практикуемых институциональным и коммуникативным механизмами политики государства в отношении молодежи.

Для полной объективности диссертационного исследования важно подчеркнуть следующее. Государственная молодежная политика в РФ институционализировалась в период 1990-х годов не на пустом месте. Ее становлению предшествовала радикальная трансформация всей системы работы с молодежью в СССР и РСФСР, приведшая к фактическому демонтажу всех институтов, работающих в молодежной среде, замене идеологических (ценностных) основ воспитания новых поколений. Правда, в отношении молодежи такие трансформации государственных институций в 1991 – 1992 гг. были менее радикально волюнтаристскими. Нежели, к примеру, в экономике (экономические реформы в формате «шоковой терапии»), в партийной системе (запрет КПСС и КП РСФСР), в идеологии и смыслопроизводстве (замена государственной идеологии социализма на либеральную демократию, которая лишь формально не являлась государственной).

В итоге, становление государственной молодежной политики в РФ, одной из целей которой являлось социальное развитие новых генераций, потенциально имевших значительный социальный потенциал, который мог бы быть реализован в политическом процессе «преемственности и смены

поколений»¹¹², предполагало следующее. Во-первых, постепенное и эволюционное оформление общественно-государственной системы по работе с молодежью (образование комитетов по делам молодежи в системе исполнительной власти на федеральном, региональном и местном уровне, при плюрализме молодежных и детских организаций).

Один из основателей общественно-государственной системы работы с молодежью в РФ П.А. Меркулов (в 1990-е годы – заместитель председателя комитета по делам молодежи в структуре правительства России), автор монографического исследования, посвященного историческому опыту разработки и реализации государственной молодежной политики в стране, отмечает в своей научной работе сложность временного отрезка 1991-1993 годов. Данный исследователь полагает, что институционализации государственной молодежной политики (ГМП) в России исторически совпала с периодическими кризисами политической системы, «несоответствием правового регулирования реально формирующимся общественным отношениям»¹¹³.

Во-вторых, формирование молодежного законодательства, включая разработку Закона о молодежи (он так и не был принят) и государственных молодежных программ. В-третьих, выстраивание интеракций органов власти и управления с политически активными представителями новых генераций. В-четвертых, установление контроля по трансформации ЛКСМ РСФСР в Российский союз молодежи (РСМ) и Всесоюзной пионерской организации в Союз детских организаций, в неполитические молодежные и детские объединения, неподконтрольные динамично оформлявшимся в период 1990-х годов организациям коммунистов, включая КПРФ.

¹¹² Жаданов А.Ю. Социальное развитие молодежи в современной России / А.Ю. Жаданов // Общество и право. – 2013. – № 2 (44). – С. 269.

¹¹³ Меркулов П.А. Исторический опыт разработки и реализации государственной молодежной политики в России (вторая половина XIX в. – начало XXI в.) / П.А. Меркулов. – Орел: Издательство ОФ РАНХиГС, 2014. – С. 436.

Что значимо, Институт молодежи в 1992 году в лице коллектива авторов понимал государственную молодежную политику как политику в отношении молодежи в двух главных измерениях: социально-экономическом и политическом. В качестве приоритета ГМП рассматривалась социализация личности (институты образования и воспитания, СМИ, общественно-политические организации), способные обеспечить внесение определенных ценностных установок и регулировать баланс политических сил в молодежном движении путем поощрения желательных идейно-политических тенденций и сдерживания оппозиционных сил. При этом, государственная политика в сфере взаимодействия с молодежью должна была решать целый комплекс задач, к которым можно отнести оптимизацию увеличения количества рабочей силы в стране, а также существенно поменять механизм социализации молодежи на более эффективный. Спустя время И.М. Ильинский, ведущий ученый данного учреждения подчеркивал, что в главных своих чертах молодежная политика должна быть «неподвластна переменам, политической конъюнктуре»¹¹⁴.

Для того, чтобы представить в научный дискурс выводы о направленности, особенностях и эффективности государственной молодежной политики в РФ в 1990-е и в 2000-е годы, важно исследовать сущность, состояние и проблемы российской молодежной сферы в данном пространственно-временном континууме. Поскольку объектом молодежной политики государства официально декларируется социально-демографическая группа, структурированная по возрастному критерию, нужно определить пороговые возрастные значения. На наш взгляд, возрастные границы молодежи охватывают население страны в возрастной категории от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях – до 35 лет.

Кстати, данный подход в оценке границ молодежи, вне зависимости от привязки к конкретному национальному государству, совпадает с оценками

¹¹⁴ Ильинский И.М. Образование, молодежь, человек (статьи, интервью, выступления). Книга. 2. – М.: Изд-во Моск. Гуманит. Ун-та, 2009. – 532 с.

ряда отечественных политологов. К примеру, российский исследователь Д.Н. Нечаев также определяет возрастные рамки молодого поколения. То есть с 14 лет, когда подросток приобщается к оформившимся общественным отношениям (первичная социализация) и до 30 лет, «своеобразной верхней планки среднестатистического молодого взрослого»¹¹⁵.

Как очень тревожный тренд, свидетельствующий о значимости разработки и реализации более эффективной модели государственной молодежной политики, свидетельствуют данные Росстата о радикальном снижении численности молодежи с 2010-х годов. Для сравнения, в 1997 году доля молодежи (взяты когорты: 15-19 лет, 20-24 лет, 25-29 лет) составляла 31 млн 42 тыс. молодых людей, в 2000-м – 32 млн 718 тыс., в 2009-м – 33 млн 706 тыс., а уже в 2013 – 30 млн 557 тыс., в 2016 – 27 млн 588 тыс., в 2019-м – 24 млн 283 тыс. молодых людей¹¹⁶. Сокращение численности новых поколений, по нашему мнению, главная социальная проблема общества и государства, затрудняющая процесс демографического воспроизводства и увеличения инновационного ресурса, который сконцентрирован именно в молодежи.

Еще одна социальная проблема состоит в том, что самый высокий уровень безработицы отмечается именно среди молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет. Тем более, что именно молодежь – это перспективная, но «рискованная и низко производительная группа персонала»¹¹⁷. Согласно статистическим данным, на которые опирается исследователь рынка труда П.М. Козырева, с декабря 2013 по декабрь 2015 гг. уровень безработицы 15-19-летних россиян вырос с 28,4% до 35,4%, т.е. на 7 п.п.; среди 20-24-летних

¹¹⁵ Нечаев Д.Н. Молодежные организации в политической системы ФРГ (80-х – начала 90-х годов XX века). – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2002. – С. 29.

¹¹⁶ Цит. по: Российский статистический ежегодник: Стат. Сб. – М.: Госкомстат России, 2000. – 642 с.; Российский статистический ежегодник. 2010: Стат.сб. / Росстат. – М.: Росстат, 2010. – 813 с.; Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту: Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://gks.ru/compendium/document/13284> (Дата обращения 04.01.2020)

¹¹⁷ Вишневская Н.Г. Молодежный рынок труда в условиях кризиса / Н.Г. Вишневская // Актуальные проблемы молодежи в условиях изменяющейся России: матер. Всерос. (заоч.) науч.- практич. конф. г. Балашов, 20-21 сентября 2010 г. / под ред. Т.А. Юмашевой. – Балашов: Николаев, 2010. – С. 31.

– с 12,2% до 14,1%, т.е. на 1,9 п.п.¹¹⁸ Еще один ракурс – по данным Всеобщей конфедерации профсоюзов (ВКП) на 2013 год «около 38 процентов молодых людей, окончивших вуз, числились безработными»¹¹⁹. И такая негативная динамика была характерна и в 2016-2019 годах.

Характерен разрез молодежных проблем в плане отраслей и регионов РФ. Достаточно показательным в данном аспекте является следующий факт, отмеченный в докладе правительства РФ «О реализации госполитики в сфере образования за 2017 год». С 2000 по 2017 год число школьников в стране «сократилось более чем на 21,7 процента»¹²⁰. Согласно исследованиям ученых Высшей школы экономики, российские регионы столкнулись с молодежной проблемой, которая с годами будет только увеличиваться в масштабе. В ряде субъектов РФ (Тамбовской, Воронежской, Рязанской, Орловской областях, в республиках Мордовии, Татарстане, Дагестане и др.) «уменьшается число 18-летних жителей¹²¹». После школы, полагают эксперты, они уезжают на учебу в вузы и в свои территории не возвращаются.

Серьезной угрозой количественному и качественному молодежному ресурсу, работающему на институциональные изменения и политическое развитие страны, являются такие социальные беды, как суициды, наркомания, алкоголизм, табакокурение. К примеру, в период 2000-х Россия стала «лидером в Европе по числу самоубийств среди подростков»¹²². Генеральная прокуратура и МВД РФ на начало 2016 года констатировали, что ежегодно сводят счеты с жизнью 1,5 тыс. российских детей и еще 4 тыс.

¹¹⁸ Козырева П.М. Российская молодежь на рынке труда в условиях экономического кризиса / П.М. Козырева, А.И. Смирнов // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. Ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2017. – С. 49-72.

¹¹⁹ Потерянное поколение бродило по Европе. Молодежная безработица достигла тревожных масштабов, предупреждает МОТ // Российская газета. – 2013. – 16 апреля. – С. 1.

¹²⁰ Ставка на детей. Почему сокращается число школьников и студентов? // Российская газета. – 2018. – 4 июня. – С. 7.

¹²¹ Пора домой. Почему после учебы молодежь не спешит в свои регионы? // Российская газета. – 2019. – 5 декабря. – С. 1.

¹²² Генпрокуратура и МВД займутся сообществами самоубийств // Известия. – 2016. – 15 января. – С. 3.

совершают попытку самоубийства. Одной из причин данного негативного явления стали институциональные изменения, связанные с появлением специализированных интернет-сообществ в социальных сетях.

Не менее сложную социальную и медицинскую проблему в виде наркомании выделяют государственные структуры и экспертные сообщества. Так, например, по данным МВД РФ, на начало 2018 года в России «более двух миллионов граждан употребляли наркотические вещества»¹²³, в основном это подростки и молодежь до 24 лет. При этом, в плане противодействия росту наркомании и медицинской реабилитации наркоманов на начало 2010 года практически не сложилась цельная государственная система. К примеру, в 18 субъектах РФ отсутствовали государственные реабилитационные учреждения, еще в шести имелись только немедицинские учреждения. А в «государственных наркологических учреждениях развернуты 1264 койки»¹²⁴.

Серьезной проблемой оставалась и алкоголизация и табакокурение населения, ведущие к высокой смертности, прежде всего среди молодежи. По итогам 2017 года, согласно данным министерства здравоохранения РФ, потребление алкоголя на душу населения в расчете на чистый спирт в этот год составляло 10 литров. В 2016 – 10,3 литра, а в 2004 году объем выпитого равнялся 20,3 литра на человека¹²⁵. Таким образом, в данной сфере наметился позитивный тренд. А ведь еще в 2009 году Всемирная организация здравоохранения, применительно к России, предоставляла такую информацию. Согласно ей, в период с середины 1990-годов по 2008 год потребление алкоголя приводило к преждевременной смерти 500 тысяч человек. Причем преимущественно среди молодежи¹²⁶. Сдержанный

¹²³ Зона риска. Владимир Колокольцев рассказал о борьбе с наркоманией // Российская газета. – 2018. – 29 марта. – С. 3.

¹²⁴ Нет коек – нет проблем. В России деградирует система лечения наркоманов // Российская газета. – 2010. – 23 августа. – С. 3.

¹²⁵ Спорт против спирта. Потребление алкоголя сократилось на 40% за 10 лет // Известия. – 2018. – 7 февраля. – С. 1.

¹²⁶ Алкогольное вымирание // Известия. – 2009. – 27 мая. – С. 9.

оптимизм вызывает и факт снижения табакокурения, как среди всего населения, так и среди молодежи (доля курящих граждан снизилась с 39,4% до 29%)¹²⁷.

Существует и серьезная проблема в плане политического представительства (репрезентации) молодежи в широкой системе власти. Еще в середине «нулевых годов отечественный исследователь Б. Дубин отмечал, что имеются только «единичные случаи проникновения молодежи в политику»¹²⁸. Причину в этом данный автор видел в отсутствии системных условий для реализации политических потребностей молодежи. Кстати, к середине «нулевых» в РФ была характерна слабая институциональная база, отсутствие самостоятельных импульсов у молодежи к политическому участию. Тот же Б. Дубин выделял факт того, что в России даже нет сильного, организованного студенческого движения, не говоря уже о молодежных общественно-политических организациях (организация «Идущие вместе» не в счет).

Положение носило сложный характер еще и потому, что за более чем двадцать лет в России так и не оформилась массовая неполитическая молодежная организация, которая могла бы взять за основу ценностный конструкт патриотизма, при отсутствии государственной идеологии. Лишь с укреплением роли ряда государственных институций (армия, система школьного образования), церкви (РПЦ), политических партий в обществе, и, как следствие, проявление продуктивных институциональных изменений, стали оформляться и участвовать в социализации молодежи общественные структуры молодого поколения.

Это детско-юношеская организация «Российское движение школьников», Юнармия – всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое движение (ВВПОД), Православное молодежное движение

¹²⁷ Не женская привычка // Известия. – 2018. – 25 апреля. – С. 1.

¹²⁸ Дубин Б. Вверх по лестнице, ведущей вниз / б. Дубин // Независимая газета. – 2003. – 14 апреля. – С. 11.

«Георгиевцы!», «Молодая гвардия Единой России» и др. Таким образом, молодежь, понимаемая экспертами, учеными, государственными структурами в качестве объекта государственной политики, одновременно с этим выступает и субъектом. То есть активной стороной общественных отношений, включая их политическую составляющую. Это означает, что молодые граждане, их группы и общественные объединения способны оказывать существенное воздействие на протекание политического процесса, включая участие в определении приоритетов государственной молодежной политики и их реализации.

Исследуя состояние и проблемы постсоветской молодежи с 1992 по 2020 гг., соискатель обосновывает гипотезу о том, что молодежный период фактически прошли три новых генерации. Для данных генераций автор сформулировал следующие политологические оценки. Это «отвергнутое» поколение периода 90-х годов XX века. В этот период времени российское общество находилось на грани выживания, государство было слабым, государственные структуры, переживающие перманентный процесс трансформации, в лучшем случае были настроены на помощь ветеранам и пожилым людям, отвергая молодежь. Понимая, что в силу возраста она сама может побеспокоиться о себе.

Второе поколение постсоветской России – это «потерянное» поколение «нулевых» годов. Для политической власти этого десятилетия приоритетами во внешней и внутренней политике были следующие, порой тяжело разрешимые трудности: огромный внешний долг и расширение НАТО как угроза национальной безопасности, сепаратизм и терроризм, наполнение бюджета и выплата пенсий и пособий, обуздание региональных «баронов», модернизация изношенной инфраструктуры, оптимизация партийной системы и выборного законодательства, проблематика коррупции. И, молодежь как социально-возрастная группа, «потерялась» на фоне глобальных проблем страны. Третье поколение – это «пробуждающееся»

поколение 2010-х годов, которое в условиях социально-экономической и политической стабильности ощущает свои интересы, стремясь выразить их часть через призму «старых» и новых институтов в общественно-политической деятельности.

Данная характеристика трех поколений молодежи в постсоветской России позволяет автору предложить свою периодизацию государственной молодежной политики в России (1992 – 2020 гг.). Итак, первый период ГМП можно очертить временными рамками с 1992 по 2004 годы, её логично сформулировать как стрессовую политику становления равенства шансов для молодежи в контуре других социальных слоев и групп. Эта молодежная политика государства, даже при наличии специализированных подразделений по делам молодежи в составе правительства РФ (названия органов по делам молодежи приведены в приложении 4 диссертации), была политикой отката от тех социальных завоеваний, которые имели новые поколения в советский период. Особенно негативно эта политика отразилась на одном из главных и традиционных («старых») институтов общества – семье.

В данном разрезе стоит привести следующие цифры из «Белой книги», иллюстрирующие итоги и этой политики, и результатов реформ. Так, например, в 2000 году в России вне брака родилось 28% всех рожденных детей (в 1990 г. 14,6%). В стране в этот период появился особый контингент детей, для которых семья уже не могла «служить надежным источником питания и заботы»¹²⁹.

Если рассматривать тип государственной политики в рамках концепта А. Смитта, то логично представить ее как эмоциональную политику в рамках проводимого тогда либерального политического курса. Срезами этого типа государственной политики (ГМП) в РФ было следующее. В обществе присутствовал интенсивный конфликт по вопросам «образа жизни»,

¹²⁹ Белая книга. Экономические реформы в России. 1991-2001. Науч. рук. С.Ю. Глазьев, С.А. Батчиков. – М.: Алгоритм, 2002. – С. 43-44.

молодежи была дана возможность решать свои проблемы самостоятельно, госполитика не имела внятной стратегии социального развития молодежи и участия молодежи в политическом развитии, системности, серьезного финансового ресурса для решения молодежных проблем.

Второй период государственной молодежной политики логично очертить периодом с 2005 по 2017 годы, обозначив ее как политику исправления ошибок и возвращения утраченного. Начало этого периода совпало со стартом административной реформы в РФ, которая произвела переход к модели нового государственного управления (государство выступает как институт, обеспечивающий «производство и предоставление государственных услуг»¹³⁰) и завершается началом подготовки к реализации 12 национальных проектов, в которых особое место отведено решению разноплановых проблем молодежи.

Именно в этот период была снята острота молодежных и подростковых проблем. В частности, с введением в 2006 году материнского капитала стал выправляться негативный тренд демографической политики. Проблематика наркомании, алкоголизации, табакокурения среди молодежи, подростковых суицидов, насилия в отношении детей стала решаться с помощью государственных стратегий, планов и программ (см. сноску)¹³¹. В 2006-2007 годах стартовали четыре приоритетных национальных проекта: «Образование», «Здравоохранение», «Развитие АПК», «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», которые улучшили положение молодежи в получении качественного образования, медицинских услуг, в приобретении жилья с помощью ипотеки, в развитии сельских территорий.

¹³⁰ Купряшин Г.Л. Модернизация государственного управления: институты и интересы /Г.Л. Купряшин. – М.: Издательство Московского университета, 2012. – С. 56.

¹³¹ Стратегия государственной антинаркотической политики до 2020 года, Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения РФ на период до 2020 г., Концепция государственной политики по противодействию потреблению табака на 2010-2015 годы и план мероприятий по ее реализации, Федеральный Закон «О защите здоровья населения от последствий потребления табака» от 2013 г., Национальная стратегия в интересах детей и др.

В этот период были подписаны специальные Указы Президента РФ по молодежной проблематике. Также были приняты Федеральные законы, нормативные акты. Показывали свою эффективность ряд государственных программ¹³² по поддержке молодежи. А вся система мер реализовывалась не только специализированными органами по делам молодежи (с 2008 года Федеральное агентство по делам молодежи), но и другими государственными структурами, правительством РФ и администрацией Президента РФ. Ценность этого периода состояла в том, что происходила модернизация «старых» институтов и строительство новых, которые дали на выходе позитивные и продуктивные институциональные изменения. И само государство как институт исправляло допущенные ошибки по отношению к молодежной среде и возвращало в управленческие практики формы, методы, традиции работы с молодежью времен СССР.

В рамках данного периода молодежной политики государства, которые отражены в работе С.О. Елишева, речь идет о некоторых ее механизмах, задействованных в процессе реализации этой отраслевой политики. Среди них рассматриваются: механизм нормативно-правового регулирования, механизм создания и совершенствования организационных форм и моделей молодежной политики. Кроме того, был представлен механизм

¹³² Указ Президента Российской Федерации от 06.04.2006 г. № 325 «О мерах государственной поддержки талантливой молодежи», Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», Указ Президента Российской Федерации от 30.07.2008 г. № 1144 «О премии Президента Российской Федерации в области науки и инноваций для молодых ученых», Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2015 г. № 312 «Об утверждении Положения о премии Президента Российской Федерации в области науки и инноваций для молодых ученых», Указ Президента Российской Федерации от 09.02.2009 г. № 146 «О мерах по усилению государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов и докторов наук, Концепция общенациональной системы выявления и развития молодых талантов, утвержденная Президентом Российской Федерации 3.04.2012 г. № Пр-827 и Комплекс мер по ее реализации, утвержденный заместителем Председателя Правительства Российской Федерации О.Ю. Голодец от 26.05.2012 г. № 2405п-П8, Указ Президента Российской Федерации от 21.02.2015 г. № 86 «О Дне российских студенческих отрядов», Постановление Правительства Российской Федерации от 29.10.2014 г. № 1111 «О стипендиях Правительства Российской Федерации для молодых деятелей культуры и искусства», Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.12.2015 г. № 2570-р «О плане мероприятий по реализации Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

осуществления целевых программ и проектов поддержки, механизм информационного воздействия и др.¹³³. Ну а в разрезе типологии политики А. Смитта логично предположить, что это была распределительная политика (небольшие конфликты в обществе, характеризовавшиеся малой вовлеченностью политических акторов).

Третий период государственной молодежной политики логично отсчитывать с 2018 года, когда был дан старт реализации 12 национальных проектов для «выполнения девяти целей национального развития». Разумеется, включая устойчивый рост населения и посредством выполнения нацпроекта «Демография», на который до 2024 года планируется выделить 3,4 трлн рублей (всего же на проекты будет потрачено около 26 трлн рублей)¹³⁴. В рамках этих девяти целей часть решаемых проблем имеет отношение к молодежи. К примеру, решение базовых социальных проблем молодого поколения будет проходить через национальные проекты: «Здравоохранение» (1,7 трлн), «Жилье и городская среда» (1,1 трлн), «Образование», «Наука» и др.

Данный период, который продлится, на наш взгляд, до 2024 года, целесообразно назвать инновационным периодом ГМП, поскольку такая политика предполагает внедрение инноваций в социальное развитие российской молодежи, формируя ее в качестве конкурентного преимущества страны. С началом этого периода государственные институты стали более активно делать ставку на долгосрочную стратегию (стратегия играет «важную роль в производстве социального порядка»¹³⁵).

Происходило и возвращение в систему работы с молодежью ценностей и смыслопроизводства в рамках таких нарративов, как государственность, патриотизм, традиционные семейные ценности и др. По нашей оценке и в

¹³³ Елишев С.О. Молодежь как объект социализации и манипуляций. – М: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. – С. 51-52.

¹³⁴ Потребовались добавки. На нацпроект «Демография» выделяют дополнительно 300 млрд рублей. // Известия. – 2019. – 13 декабря. – С.1.

¹³⁵ Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – С. 225.

рамках типологии А. Смитта, эту политику стоит обозначить как секторально-фрагментированную политику с разногласиями среди секторов и с вовлеченностью больших групп лоббистов в принятие политических решений относительно распределения ресурсов.

И еще, государственная молодежная политика РФ, проходившая период институционализации на первом этапе, изначально была отраслевой государственной политикой, охватывающей отдельную возрастную группу. Эту политику реализовывало специальное ведомство в системе исполнительной власти – комитет РФ по делам молодежи. С течением времени, в силу сложности и масштаба решаемых задач, отраслевая государственная молодежная политика (ГМП) оформлялась как часть государственной социальной политики (в период 2000-х ведомства по делам молодежи находились в структуре крупных министерств и под контролем заместителей председателя правительства РФ). А с началом осуществления 12 национальных проектов, в рамках которых реализуются задачи социального развития молодежи и воспроизводства молодежного ресурса, государственная молодежная политика (ГМП) фактически становится межотраслевой государственной политикой.

Если государственную молодежную политику РФ исследовать с точки зрения моделей социальной политики, к примеру, Й. Тернборна¹³⁶, то в зависимости от выделенных нами трех периодов такой политики, модели выглядят следующим образом. Первый период (1992 – 2004 гг.) – социальная политика как часть молодежной политики была ориентирована преимущественно на рынок (в том варианте, в котором он складывался). В рамках второго периода (2005 – 2017 гг.) это политика с небольшими расходами государства, ориентированными на поддержание некоего, относительно невысокого уровня жизни, с микроскопическим уровнем безработицы. Третий период (с 2018 по н/в) представляет собой модель

¹³⁶ Тернборн Й. Мир: Руководство для начинающих / Й. Тернборн: Пер. с англ. Е.М. Горбуновой, Л.Г. Титаренко; под науч. ред. С.М. Гавриленко. – М.: Изд. Высшей школы экономики, 2015. – 336 с.

социальной, а вместе с ней и молодежной, политики, ориентированную на построение «мягкого» государства благосостояния (компенсаторное содержание политики).

Таким образом, государственная молодежная политика в Российской Федерации в своем развитии прошла несколько этапов. При этом на каждом из них решались вопросы, связанные с социализацией подрастающего поколения, адаптацией в политической сфере. В дальнейшем приоритеты государственной молодежной политики расширяются и начинают включать в себя вопросы, связанные с патриотическим воспитанием подрастающего поколения.

2.2 Политико-правовые и социальные механизмы и инструменты институционализации государственной молодежной политики в РФ

Помимо институционального компонента молодежной политики, активная роль в ее реализации принадлежит нормативно-регулирующему механизму. Он включает в себя свод законов и иных актов в Российской Федерации субъектов РФ, подзаконных актов, изданных органами государственного управления федерального и регионального уровней, местного самоуправления. В настоящее время повышается значение подзаконных нормативно-правовых актов, регулирующих социальные отношения по конкретным направлениям развития молодежи. В связи с этим значительный объем нормативно-правового корпуса приходится на обеспечение отраслевых, целевых программ государственной молодежной политики.

Последние призваны обосновать вектор развития конкретного механизма на среднесрочную перспективу, определяя качественные характеристики их практической деятельности. В то же время формирование

правовых механизмов государственной молодежной политики (ГМП) требует продуктивного взаимодействия с нормативными актами различных отраслей публичного и частного права, нормативными актами регионального и муниципального уровней, а также с предложениями институтов гражданского общества. Последние же в результате таких интеракций (взаимодействия) оформляются как институты с обратной связью на пути движения к «идеальным» – «инклюзивным» институтам¹³⁷.

В рамках становления политико-правового механизма ГМП важно обратиться к истории вопроса. Формирование системы нормативного регулирования молодежной политики началось еще в середине XX века, поскольку органы власти и управления СССР понимали, что именно молодежи предстоит в среднесрочной и долгосрочной перспективе воплощать партийные доктрины КПСС в жизнь (молодежная политика в стране была не только государственной, но и партийной). Так, например, в одном из партийных постановлений рекомендовалось советам всех уровней, министерствам и ведомствам, профсоюзным и другим общественным организациям решать вопросы воспитания, образования, профессиональной подготовки, труда, быта и отдыха молодежи с участием комитетов ВЛКСМ, внимательно относиться к предложениям «комсомольских организаций, оказывать им повседневную практическую помощь»¹³⁸.

Для того чтобы аккумулировать имеющиеся представления о том, какой должна быть молодежная политика в переломный для СССР 1991 г., был подготовлен закон «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР». В нем отмечалось, что государственная молодежная политика должна служить основанием для становления подрастающего поколения, помогать ему в самореализации, а также просвещать об интересах всего общества. Кстати, политические условия принятия этого закона

¹³⁷ Федотова В.Г. Культура, институты, политика / В.Г. Федотова, Н.И. Федотова, С.В. Чугров // Полис. – 2018. – С. 154.

¹³⁸ Документы КПСС о Ленинском комсомоле и пионерии / сост. В.К. Криворученко, Н.В. Трущенко. – М: Молодая гвардия, 1987. – С. 56.

качественно отражены в работе И.М. Ильинского¹³⁹. Вышеупомянутый общесоюзный закон в дальнейшем стал основанием для подготовки и возможного принятия законов о молодежи в регионах Российской Федерации.

В истории современной России первым нормативным документом о молодежной политике был Указ «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики»¹⁴⁰, подписанный в сентябре 1992 г. президентом Б. Ельциным. В этом документе отмечалась необходимость реализации комплексной молодежной политики как одного из наиболее важных путей трансформации государства. В дальнейшем определяющее значение для формирования нормативно-правовой подсистемы государственной молодежной политики РФ имеют федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных организаций» (1995 г.), а также «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (дата принятия – 2014 год).

Попытки решить задачу нормативного обеспечения развития молодежи за счет введения в оборот преимущественно подзаконных актов – Указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства РФ, издаваемых по отдельным направлениям государственной молодежной политики (ГМП), носят характер ситуативного реагирования на первоочередные проблемы, проявляющиеся в молодежной среде. Вместе с тем, регулирование фундаментальных вопросов жизнедеятельности молодежи требует решения проблем стратегического характера, что обосновывает необходимость принятия законодательного акта национального масштаба, которого на начало 2020 года не существует. Российский исследователь А.И. Соловьев причину таких случаев видит в

¹³⁹ Ильинский И.М. Государственная молодежная политика в СССР / И.М. Ильинский. – М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2017. – 432 с.

¹⁴⁰ Указ Президента РФ от 16.09.1992 №1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики».

том, что лишь «базовые политико-управленческие оргструктуры»¹⁴¹ могут побудить к принятию стратегических проектов (у молодежи нет таких лоббистов) и соответствующий институциональный дизайн.

Предпринимаются попытки принятия федерального закона о государственной молодежной политике. Однако предлагаемые законопроекты из года в год не находили поддержки большинства парламентариев или Президента Российской Федерации. В 1999 г. не нашел одобрения проект № 98059899-2; в 2004 г. он был снят с рассмотрения на заседании Государственной Думы. Спустя пять лет не нашел поддержки депутатов проект № 428343-4 «О государственной молодежной политике в Российской Федерации», внесенный группой депутатов в июле 2007 г. Он был отклонен на заседании нижней палаты Федерального Собрания в 2009 г. по причине декларативности формулировок, не подкрепленных конкретными нормативными положениями.

Определенное развитие в российском законодательстве нашли положения Модельного закона о государственной молодежной политике Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, принятого 23 ноября 2012 года Постановлением 38-10 данный акт признавался как носящий рекомендательный характер. Он систематизировал единые для государств-членов СНГ задачи и приоритеты в области молодежной политики. Нормативная терминология указанного акта использовалась при разработке «Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Другим международным нормативным актом, чьи положения активно использовались при формировании нормативно-правовых механизмов ГМП РФ, является «Модельный закон о воспитании детей и молодежи».

¹⁴¹ Соловьев А.И. Институты власти и управления в стратегии российской модернизации: проблемы и перспективы / А.И. Соловьев // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). – 2010. – №3. – С. 5.

При отсутствии единого национального акта определенное значение имеют «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Именно этот документ определяет критерии субсидирования молодежных программ и проектов, поддержки общественных объединений молодежи и развития инфраструктуры молодежной политики государства. Наряду с депутатскими группами нижней палаты парламента попытки внесения законопроектов, относимых к законодательству о молодежи, предпринимались и народными избранниками регионального масштаба, однако на протяжении 2013-2017 гг. профильным комитетом Государственной Думы отклонялись законопроекты, подготовленные депутатами шести областей Поволжья и Орловской области¹⁴².

Отдельно следует отметить, что основным ведомством, которое занимается реализацией молодежной политики на уровне всей страны, является Федеральное агентство по делам молодежи. Его полномочия отражены в положении, которое утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации № 409 от 29.05.2008 г. До 21 мая 2012 года указанный орган государственного правления был подведомствен Министерству спорта, туризма и молодежной политики, после преобразования которого, он оказался в подчинении Министерства образования и науки РФ. После реформирования системы государственного управления образованием в мае 2018 г. и разделения Министерства образования и науки на Министерство просвещения и Министерство науки и высшего образования Федеральное агентство по делам молодежи перешло в непосредственное подчинение правительству РФ.

Рассматривая управление процессами в молодежной среде, важно выделить три вида управленческих отношений в политике, которые

¹⁴² Информация о результатах рассмотрения законопроектов (законов) на заседании Государственной Думы ФС РФ URL//<http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/dd2017-01-18.html/> КонсультантПлюс, 1997-2018. (Дата обращения 11.08.2018 г.).

раскладываются на три компонента: государственное и муниципальное управление, управление в разрезе иерархических структур и политический менеджмент. При этом комбинация данных управленческих моделей может дать «кумулятивный эффект»¹⁴³. Вместе с тем, основным заказчиком по реализации государственных программ и проектов в отношении молодого поколения является Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь), среди которых приоритетными являются следующие:

- государственный проект развития российской молодежи в сфере предпринимательства «Ты - предприниматель»;

- Всероссийский молодежный образовательный форум «Территория смыслов», оказывающий консультативную, методологическую и грантовую поддержку молодым ученым, преподавателям, молодежным лидерам, политикам и активистам, работникам молодежных масс-медиа;

- Программа патриотического воспитания граждан на 2016–2020 годы «Российский патриотический центр», предусматривающая формирование российской гражданственности и патриотизма среди молодых поколений, организацию конструктивного диалога государственных и гражданских институтов по вопросам молодежной политики, продвижение идеологии активного здорового образа жизни, развитие молодежных инициатив для самореализации и поддержку добровольчества в молодежной среде.

- историко-патриотический проект «Дневник Истории России», выполняющий просветительские функции в области судьбоносных событий отечественной истории в сети Интернет. Ключевая роль в реализации проекта принадлежит региональным центрам «Российского центра гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи».

С 2008 по 2019 годы в Федеральном агентстве по делам молодежи сменилось три руководителя, что не лучшим образом повлияло на

¹⁴³ Государственная молодежная политика в России: социально-психологические основания и технологии реализации / Под общ. ред. С.Ю. Поповой. – М.: Аквилон, 2019. – С. 177.

эффективность работы государственного ведомства¹⁴⁴. Структура Росмолодежи включает в себя 4 управления, в каждом из которых имеются специализированные отделы. Реализация же конкретных проектов, направленных на вовлечение молодежи в творческую деятельность, а также поддержка талантов в ее среде возложены также и на ФГБУ «Центр поддержки молодежных творческих инициатив», который кроме всего осуществляет образовательную деятельность по дополнительным образовательным программам детей и молодежи.

Исследуя деятельность государственных органов по делам молодежи в системе федеральной исполнительной власти, как в период 1990-х годов, так и в период 2000-х, стоит подчеркнуть отсутствие серьезной базы для эффективной работы (финансовой, инфраструктурной, нормативной), и политического доверия со стороны руководства страны. К примеру, в 2012 г. бюджет Росмолодежи составлял всего лишь 400 млн рублей¹⁴⁵, увеличенный в 2013 году в два с половиной раза (в 2012 году федеральный бюджет по доходам и расходам составлял порядка 8 трлн рублей).

Что касается проблематики политического доверия к Росмолодёжи, то в 2012 году часть полномочий была отобрана у ведомства и передана специальной комиссии правительства РФ. В эту комиссию «вошли единороссы и представители «Молодой гвардии»¹⁴⁶. Однако и в период с 2012 по 2017 годы работа профильного ведомства как координатора всей работы с молодежью в стране не стала результативной. Это подтвердили парламентские слушания в апреле 2017 года в Государственной Думе РФ с участием депутатов нижней и верхней палат российского парламента, министров, руководителей ведомств, представителей институтов гражданского общества. Поэтому, по оценке председателя Госдумы РФ

¹⁴⁴ Василий Якеменко с 2008 по 2012 гг., Сергей Белоконев с 2012 по 2014 г., Сергей Поспелов с 2014 по 2016 гг., Александр Бугаев с 21 марта 2017 года по настоящее время.

¹⁴⁵ Финансирование Росмолодежи увеличат вдвое // Известия. – 2012. – 21 декабря. – С. 2.

¹⁴⁶ Кремль реформирует молодежную политику // Известия. – 2012. – 18 июня. – С. 2.

В. Володина, необходима более эффективная модель государственной политики¹⁴⁷.

На региональном уровне в постсоветский период была развернута интенсивная работа по формированию нормативно-правовых механизмов молодежной политики государства. Так, к 2015 г. в 73 субъектах Российской Федерации (88%) были приняты законы о молодежной государственной политике. При обращении к наименованиям региональных законов обращает на себя внимание значительное количество употребляемых терминов и дефиниций. В первую очередь, на региональном уровне уделяется внимание таким понятиям, как «молодежная семейная политика», «нравственность», «здоровый образ жизни». Эти компоненты, по мнению региональных законодателей, должны стать ключевыми постулатами молодежной политики.

Представляется, что отмеченное многообразие в наименованиях нормативных актов регионального масштаба усложняет определение предмета законодательного регулирования, инициируя последующие трудности в создании подзаконных актов и выделения сферы их ведения. Всего же количество региональных законов, призванных регулировать развитие молодежной сферы в ЦФО, по подсчетам автора равняется 87. Основное внимание при этом уделено созданию и совершенствованию нормативной основы для деятельности общественных молодежных объединений и движений. Структуру нормативно-правовых механизмов в субъектах федерации составляют законы, региональные программы развития молодежи, подзаконные акты, нацеленные преимущественно на поддержку различных социальных групп детей и молодежи. Например, в регионах Центрального федерального округа эксперты выделяют устойчивость нормативной базы государственной молодежной политики в г. Москве, Белгородской, Владимирской, Ивановской, Московской, Тверской областях.

¹⁴⁷ Дать путевку в жизнь. В Госдуме обсудили подходы к молодежи // Известия. – 2017. – 23 апреля. – С. 2.

При этом в таких областях, как Костромская, Тульская, Тамбовская, Орловская нормативная правовая основа государственной поддержки общественных объединений молодежи в связи с нестабильностью кадрового состава исполнительной власти регионов пребывает в состоянии реформирования.

Обращаясь к структурному наполнению правового механизма молодежной политики, следует выделить такие ее элементы, как акты, непосредственно касающиеся реализации государственной стратегии развития молодежи, а также нормативные документы, регламентирующие различные сферы общественной жизни, которые, так или иначе, затрагивают молодежные интересы. В связи с вышеизложенным представляется необходимой разработка программы поэтапного формирования действенной системы российского законодательства и новых институтов по делам молодежного развития. То есть в политические практики должен быть интегрирован социальный конструктивизм (новое течение в институционализме), при котором создание новых институтов рассматривается как результат социального взаимодействия между акторами»¹⁴⁸.

В качестве первого этапа представляется обоснованным внедрение пилотных проектов законодательных инициатив в тех субъектах федерации, где в течение последних лет реализуются наиболее продуктивные программы развития молодежи. На втором этапе после анализа позитивного опыта необходима разработка модельных законов и программ в сфере молодежной политики в границах федеральных округов для распространения их в нормотворческую практику регионов, которые отличает проблемный характер функционирования нормативных механизмов молодежной политики.

¹⁴⁸ Панов П.В. Институционализм(ы): объяснительные модели и причинность / П.В. Панов // Полис. – 2015. – №3. – С. 49.

По итогам проведенного в рамках настоящего диссертационного исследования анализа в качестве основных приоритетов развития ее нормативно-правовых механизмов целесообразно определить следующие:

- правовое обеспечение повышения эффективности молодежной политики в субъекте Федерации;
- внедрение механизма контроля за соблюдением норм соответствующих федеральных законов на уровне субъектов Федерации;
- уточнение функций и полномочий региональных и муниципальных субъектов реализации молодежной политики, а также определение принципов их взаимодействия.

Основным недостатком функционирования нормативно-правовых механизмов молодежной политики признаем сужение сферы правового регулирования. На деле это оборачивается отсутствием внимания регионального законодателя к некоторым приоритетным направлениям, обозначенным в федеральных концептуальных актах: формированию семейных ценностей в среде молодежи; укреплению правосознания молодых граждан, развитию студенческого самоуправления и т.п. Заслуживает поддержки аргументация Е.С. Аничкиной и К.Е. Коваленко, которые весьма аргументированно обосновали, что региональное законодательство затрагивает минимальное количество направлений развития российской молодежи, предусмотренных в актах федерального уровня¹⁴⁹.

Ученые обращают внимание также на формализм в законотворчестве, недостаточно квалифицированное определение предмета законодательного регулирования, клиширование положений федерального законодательства о молодежи, уклонение депутатов региональных представительных органов от разработки механизмов реализации нормативных актов¹⁵⁰.

¹⁴⁹ Аничкин Е.С., Коваленко К.Е. Законодательство субъектов Российской Федерации в области молодежной политики: состояние и пути совершенствования // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – Том 2. – №2. – С. 91-94.

¹⁵⁰ Тихомиров Ю.А. Последствия правовых актов: оценка и коррекция // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2010. – № 3. – С. 140–148.

При рассмотрении проблем реализации государственной молодежной политики укрепляется убеждение о непосредственной взаимозависимости совершенствования нормативно-правовых и информационно-коммуникативных механизмов, когда именно последние способны придать эффективный и адекватный современным условиям характер процессу нормотворчества. Есть и определенные претензии к системе образования как совокупности «лифтов» со сложной и многообразной организацией входов, выходов, переходов; лифтов, каждый из которых способен поднять или затруднить перемещение «пассажиров» на разные этажи в иерархии образовательных (и стоящих за ними – социальных) позиций¹⁵¹.

Ведущей тенденцией функционирования нормативно-правовых механизмов молодежной политики является сужение сферы правового регулирования, когда отсутствие федерального закона о молодежной политике дезориентирует и федерального, и регионального законодателя, произвольно определяющего приоритеты нормотворческой деятельности в сфере поддержки молодежи. Проявляется недостаточная квалификация при определении предметного поля молодежного развития, требующего нормативно-правового регулирования, а также недостаточность усилий при разработке механизмов реализации нормативных актов общенационального и регионального масштаба.

Несовершенство нормативно-правовых механизмов государственной молодежной политики инициирует неравномерность продуктивности реализуемых программ и проектов поддержки молодежи, осложняет их координацию и возможность распространения зарубежного и отечественного опыта в данной сфере. Как правило, к сфере его ответственности относят управление корпусом статистической отчетности, массивами социологического мониторинга проблем молодежи, проведение

¹⁵¹ Чередниченко Г.А. Система образования и пути молодежи / Г.А. Чередниченко // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. Ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2017. – С. 175-199.

информационно-просветительской работы по популяризации приоритетов молодежной политики через средства массовой информации. Представляется, что в современных условиях повышается значение и коммуникационного элемента рассматриваемого механизма политики государства в отношении российской молодежи.

Для понимания стоящей перед настоящим исследованием задачи определяющее значение имеет понятие «информационно-коммуникативного взаимодействия», как власть коммуникаций, находящихся «в сердце структуры общества»¹⁵², которое понимается исследователями как психологическое взаимодействие субъектов по обмену информацией. Взаимодействие такого рода рассматривается в научной литературе как «информационно-коммуникативный процесс», который трактуется как процесс накопления и обмена информацией в условиях равноправной коммуникации (общения) субъектов информационно-коммуникативного общества. Обязательным условием последнего выступает диалог между различными поколениями российского социума.

К основным причинам сохранения проблем в сфере молодежной политики государства следует отнести:

1. Отсутствие вариативности молодежной политики, ее нацеленность на удовлетворение текущей социально-политической конъюнктуры, нежели на проектирование будущих позитивных изменений в молодежной сфере.

2. Механизмы молодежной политики государства ориентированы преимущественно на оказание помощи, опеку молодежи, не реализуя задач по подготовке ее представителей к самостоятельному управлению своей жизнедеятельностью. На протяжении всего постсоветского периода они функционируют в одностороннем порядке с весьма условной обратной связью с молодежными группами, воспринимаемыми в качестве объекта государственно-управленческих стратегий. Со стороны молодежи, в свою

¹⁵² Кастельс М. Власть коммуникаций/М. Кастельс; пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. – С. 20.

очередь, сохраняются патерналистские ожидания по отношению к государственной власти.

3. Институциональный механизм молодежной политики отличается сочетанием взаимоисключающих принципов организации своей работы. Большое количество государственных органов и подведомственных им федеральных и региональных бюджетных учреждений придает функционированию системы молодежной политики центробежный характер.

Помимо собственно органов по делам молодежи интересы последней реализуются в работе социальных служб, образовательных, здравоохранительных, правоохранительных институтов. Результатом становится несогласованность их действий, несовпадение между собой подходов к оценке потенциала молодежи. В итоге формируются противоречащие друг другу стратегии работы государственных институтов в молодежной среде. Специализированные органы, непосредственно нацеленные на молодежное развитие, зачастую играют вспомогательную роль, ограничиваясь в своей деятельности преимущественно развитием социальной активности молодых граждан и организацией их досуга.

4. Наличие федеральных и региональных проектов и программ переобучения и повышения квалификации государственных и муниципальных служащих до настоящего времени не позволяет преодолеть недостаточно высокое кадровое и технологическое обеспечение механизма политики в отношении молодежи. При этом, принципиально важным аспектом в кадровой подготовке специалистов по работе с молодежью должно быть понимание того, что новые генерации представляют собой «открытую социальную систему»¹⁵³.

Одним из наиболее актуальных направлений совершенствования нормативно-правовой основы молодежной политики выглядит отражение в

¹⁵³ Сайганова Е.В. Трансформация роли молодежи в современном обществе / Е.В. Сайганова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Социология. Политология. – 2015. – Т. 15. Вып. – С. 21.

проекте федерального закона «О молодежи и молодежной политике» задачи поддержки со стороны государства молодежных проектов и инициатив. Предполагается, что таковая отводится к компетенции исполнительной власти федерального и регионального подчинения. Формами государственной поддержки молодежных проектов и программ обозначаются общенациональные государственные программы и программы субъектов Российской Федерации, оказание молодым гражданам организационной, информационной, методической и консультативной поддержки; выделение на конкурсной основе молодым гражданам грантов на реализацию молодежных проектов, предназначенных для решения социально значимых проблем молодежи.

На основании вышеизложенного логично предложить ряд заключений по второму параграфу. К примеру, нормативно-правовой механизм молодежной политики необходимо нацеливать на создание условий для обретения молодежными объединениями, лидерами и активом общественных движений молодежи статуса субъекта совместной с государством деятельности в указанной сфере. Это будет обеспечивать ее политическое участие, которое, как считает Ю. Шевченко, связывает политические «верхи» и «низы»¹⁵⁴, служит для разрешения социальных конфликтов. Для этого требуется нормативно закрепить приоритетные формы участия представителей молодежи в разработке и реализации государственной молодежной политики на разных уровнях.

Кроме того, перечень таких форм и направлений, предлагаемый молодыми парламентариями, содержит в себе ряд типов и вариантов. Предлагается реализация молодежью общественно значимых инициатив. Это направления обращений в органы власти, инициативные действия и подготовка предложений в адрес органов управления, организации и проведении всероссийского форума молодежи и форумов молодежи

¹⁵⁴ Шевченко Ю. Политическое участие в России / Ю. Шевченко // Pro et Contra. – Лето 1998. – Том 3. – №3. – С. 94.

субъектов РФ, организацию молодежных парламентских структур, иных органов молодежного самоуправления, формирование молодежных советов при государственных и муниципальных институтах; развитие системы молодежного добровольчества.

2.3 Государственные и негосударственные субъекты молодежной политики в РФ: взаимодействие, взаимовлияние, противоречия

Спецификой общественной/публичной молодежной политики в отличие от деятельности государственных учреждений в сфере развития молодежи следует назвать широкий круг ее субъектов. К ним относят общественные объединения, коммерческие организации, партийные институты, масс-медиа. Это позволяет ряду отечественных авторов выявить особое явление «негосударственной молодежной политики»¹⁵⁵. Субъекты такой политики стремятся проводить обособленную молодежную политику, исходя из корпоративных ресурсов и целей, но с системой взаимодействия с государственными институтами. Итогом данной общественной активности признается идеальная модель молодежи, которую представляют всему обществу в качестве эталонной¹⁵⁶.

Следует указать, что концепты альтернативной политики в отношении молодежи в ее различных вариациях – негосударственной, общественной, публичной, конфессиональной и других – восходят к раннему постсоветскому периоду, будучи обязаны своим появлением дисфункциям молодежной политики государства и всей системы политического

¹⁵⁵ Сергеев А.С. Негосударственная молодежная политика: тенденции изменения / А.С. Сергеев // Траектории политического развития России: Институты, проекты, акторы: материалы Всероссийской научной конференции РАПН, г. Москва, МПГУ, 6-7 декабря 2019 г. / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунюва, Л.Н. Тимофеевой. – М.: МПГУ, 2019. – С. 359.

¹⁵⁶ Меркулов П.А. Консервативная модернизация государственной молодежной политики – стратегический приоритет современной России.// Государственная молодежная политика: история и современность. Материалы II Международной научно-практической конференции (21 мая 2015 г.) / под редакцией П.А. Меркулова. – Орёл: Изд-во ОФ РАНХиГС, 2015. – С. 20-24.

управления. В данный момент из-за очевидного преодоления системного политического кризиса и укрепления «вертикали власти» имеет смысл интегрировать государственный и общественный/публичный сегменты в рамках единой модели стратегии развития российской молодежи. Ее конституирующим стержнем может быть предоставление ответственным и дееспособным субъектам гражданского общества возможности корректировать официальный курс и политику с учетом общественных интересов.

На основе обобщения рассмотренных концептов определим, что в политической теории принято выделять следующие субъекты различных версий негосударственной молодежной политики, определяющие ее модели и разновидности: политические партии, общественные объединения (организации), религиозные конфессии, бизнес-группы. Каждый из них объективно обладает различным уровнем ресурсного обеспечения и организационных возможностей, в зависимости от которых и формирует альтернативные варианты ее реализации политики поддержки молодежи.

Отметим, что достаточно распространенным является стремление сгруппировать молодежную политику, реализуемую в современной России по двум основным типам – государственную и негосударственную, выделяя в составе последней две разновидности – молодежную политику, реализуемую субъектами рыночной экономики, и политику поддержки молодежи институтов гражданского общества¹⁵⁷.

Относительно новым направлением отечественного научного анализа о молодежи можно назвать выделение такой вариации негосударственной молодежной политики, как конфессиональная молодежная политика¹⁵⁸.

¹⁵⁷ Кибанов И.А., Ловчева М.В., Лукьянова Т.В. Социальная политика государства в отношении молодежи: модели, классификация, актуальные проблемы // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2013. – Том 2. – № 6 (9). – С. 21-28.

¹⁵⁸ Добренкова Е.В., Елишев С.О. Общественная конфессиональная молодежная политика // Вестник Московского университета им. М.Ю.Ломоносова, Серия 18. Социология и политология. – 2010. – № 11. – С. 220-232; Елишев С.О. Молодежная политика Русской Православной Церкви в Российской Федерации // Пространство и время. – 2013. – № 1 (13). – С. 117-124.

Сторонники выдвигаемой концепции понимают под ней общественную политику как традиционных для России религиозных конфессий и возникших на их основе общественных организаций и объединений, так и иных религиозных объединений и организаций. Тем более, как отмечает А. Ситников, связь между религией и «политической формулой», обосновывающей власть»¹⁵⁹, всегда существовала и будет существовать.

Обоснование конфессиональной общественной молодежной политики как особого негосударственного сектора стратегии в отношении молодежи, обосновывается признанием церкви в качестве института гражданского общества, вносящего существенный вклад и оказывающего влияние на жизнедеятельность и функционирование социума и публичной власти. В то же время приверженцы описываемой модели несколько поспешно склонны признавать ее большую эффективность по сравнению с молодежной политикой иных негосударственных субъектов политических отношений.

Если говорить о регионах Центральной России, можно отметить следующую тенденцию: практически при каждом крупном православном храме РПЦ в областных центрах созданы так называемые «Молодежные центры». В них священники ведут просветительские беседы о принципах духовно-нравственного воспитания, об истинных ценностях жизни, а также помогают молодежи общаться на религиозно-философские темы. Кроме того, члены подобных центров ведут активную благотворительную деятельность, помогают нуждающимся едой и одеждой, берут на себя функции социального обслуживания населения в случае возникновения у людей сложных жизненных обстоятельств. Еще одно направление деятельности подобных центров – организация спортивных мероприятий для молодых людей, которые обычно приурочены к важным историческим для страны датам.

¹⁵⁹ Ситников А. Религия и власть в меняющейся России / А. Ситников // Свободная мысль. – 2011. – № 2. – С. 137.

Молодежная политика политических партий. Более конкретен в определении субъектного состава молодежной политики А.П. Скоробов, выделяющий наряду с государственной молодежной политикой деятельность политических партий и общественных организаций в отношении молодежи¹⁶⁰. Лидеры политических партий, понимая, что именно молодежь – их потенциальный электорат, всеми силами привлекают ее в свои ряды. При этом используя разные форматы: с помощью агитации, проведения акций, через общение в социальных сетях и т.д. Именно поэтому при парламентских политических партиях были созданы: «Молодая гвардия «Единой России», «Победа (молодежная организация «справедливой России»), «Соколы Жириновского» (ЛДПР) и РКСМ при КПРФ.

Муниципальная молодежная политика. Взаимодействие органов государственного управления, местного самоуправления и негосударственных объединений, осуществляющих молодежную политику, должно строиться на основе продвижения потребностей различных категорий молодежи в создании условий для творческой или гражданской самореализации, соблюдения конституционных прав и свобод, политической социализации молодых людей.

Оценивая реальные перспективы моделей молодежной политики, предлагаемые неправительственными организациями, религиозными конфессиями, бизнесом и партийными элитами, отметим, что они, как правило, ограничены юридическими, организационными, материальными, кадровыми ресурсами ее негосударственных субъектов. Кроме того, в деле развития молодежи все они руководствуются не только обобщенно понимаемыми национальными интересами, но и утилитарными потребностями и проектами в отношении молодежи. Вместе с тем, государственные институты заинтересованы не только в негосударственной молодежной политике, но и в интеракциях с субъектами такой политики.

¹⁶⁰ Скоробов А.П. О некоторых новых подходах к молодежной политике в условиях реформ // Социально-политический журнал. – 1998. – №3. – С. 132-134.

Причину такого поведения в разнообразии молодежных политик объясняет российский политолог О.Ф. Шабров в категориях «государства» и «гражданского общества». Данный исследователь полагает, что в разнообразии акций негосударственных акторов и их взаимодействии с государственными институтами заложен потенциал развития, а основным носителем развития как раз являются институты гражданского общества. И поскольку в постсоветской России, как он полагает, наблюдается слабость общественной, в том числе молодежной, самоорганизации, то неизбежным следствием для государства становится его (государства) «деградация и неустойчивость»¹⁶¹. А эти беды могут представлять собой следствие неэффективности государственного управления во многих отраслях и сферах.

Исследуя молодежную политику партийных организаций России, прежде всего парламентских партий, стоит отметить следующий парадокс. Даже несмотря на то, что молодежная политика формируется лидерами политических партий, представляя социуму собственную модель молодого человека, с направленностью на реализацию идеологических программ и идейных установок этих партий, государство заинтересовано в такой политике. Ведь способствуя вовлечению молодежи в процесс борьбы за политическую власть или поддерживая властные устремления конкретного субъекта партийно-политической системы страны, партии играют роль институтов политической социализации, вовлекая молодежь в политическое участие.

Более того, государственные институты стимулируют, морально и материально, молодежную политику политических партий (за исключением радикально-оппозиционных политических структур), в том числе и потому, что партии слабы, проигрывая в политическом влиянии «бюрократическим

¹⁶¹ Шабров О.Ф. Государство как пространство принятия решений / О.Ф. Шабров // Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы / Под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. – С. 112.

кланам и лоббистским группировкам¹⁶²». Есть и еще одна причина поддержки молодежной политики партий со стороны государства – лидеры парламентских партий, как правило, являются депутатами всех уровней, принимая участие в создании законодательства государства (законодательная власть). То есть партийные политики в этом смысле являются частью государства, и партийная молодежная политика лишь формально является негосударственной.

Молодежная политика организаций «третьего сектора» также определяется их программами и уставными документами. Причем имеет место реализация ими, прежде всего, социальных задач в отличие от властно-политических целей молодежной политики партийных организаций, стремящихся управлять и во время выборов быть «инструментом, отражающим мнение граждан»¹⁶³. Конфессиональная молодежная политика, опирающаяся на религиозные догматы, сконцентрирована преимущественно на верующей молодежи. Молодежная политика субъектов рыночных отношений, как правило, разрабатывается в отношении молодой части кадрового корпуса, будучи нацелена на формирование корпоративной культуры. В условиях перманентных финансово-экономических кризисов внимание рыночных субъектов к задачам развития молодежи имеет ситуативный и нерегулярный характер.

Указав на конструктивный потенциал негосударственных моделей молодежной политики, следует обратить внимание на наличие негативных особенностей деятельности отдельных молодежных общественных объединений и организаций. Как правило, в их функционировании проявляются те же изъяны, что и в деятельности организаций российского «третьего сектора» в целом: ограниченность в ресурсах, ревизия декларируемых целей, ориентация на эксклюзивную поддержку со стороны

¹⁶² Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России / Ю.Г. Коргунюк. – М.: Фонд ИНДЕМ, Московский городской педагогический университет, 2007. – С. 49.

¹⁶³ Кунев А.В., Любарев А.Е. Партии и выбор в современной России: Эволюция и деволюция / А.В. Кынев, А.Е. Любарев. – М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2011. – С.27.

государства, зарубежных и транснациональных акторов, обслуживание групповых и интересов»¹⁶⁴.

В отечественной и зарубежной научной мысли широко распространено убеждение о наличии системных проблем в процессе формирования российского гражданского общества, осуществляющего взаимодействие с институтом государства. Эти проблемы, по мысли сторонников концептуализации различных моделей альтернативной по отношению к государству молодежной политики, должны последовательно исчезать в процессе роста. Привлекая молодежь к общественно-политическому участию, негосударственные акторы способствуют становлению мониторинговой демократии (авторство принадлежит Дж. Кину), под которым в российских реалиях С.П. Перегудов видит не только контроль, проверку, но и взаимодействие с государством, позитивно влияющее на «характер демократического процесса»¹⁶⁵.

Как антитезу гражданского общества ряд российских ученых исследуют концепт «негражданского общества» с наличием институциональных дефицитов: социального неравенства, политической нестабильности, подрывая тем самым эффективность общественной молодежной политики России. Получил известность концепт «негражданского общества» Л.Е. Бляхера, с его разделением на догражданскую, внегражданскую и псевдогражданскую составляющие¹⁶⁶. Из них наибольшую актуальность имеет последнее, формируемое в стране в качестве идейного противовеса идеологии гражданственности. Поэтому культивирование неинституционализированных форм партнерства общественных и гражданских институтов при ограничении демократических

¹⁶⁴ Молодое поколение России. Проект Доктрины. – М.: Фонд «Русский предприниматель», 2008. – С. 47.

¹⁶⁵ Перегудов С.П. Мониторинговая демократия как новая модель отношений власти и общества: мировой опыт и российские реалии // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 652.

¹⁶⁶ Бляхер Л.Е. Негражданское общество // В поисках гражданского общества. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2008. – С. 47-58.

свобод переводит общественную (публичную) молодежную политику за рамки правового поля.

По мнению автора, сформулированному на страницах научных изданий, молодежная политика в современной России формировалась в условиях радикальных рыночных реформ. По указанной причине гражданское общество, в том числе самодеятельные объединения молодежи, не обладают ресурсами и потенциалом для самостоятельной регулярной деятельности¹⁶⁷. Недостаток последних зачастую превращает молодежные объединения в средство достижения целей акторами политических отношений, молодежь превращается в объект манипулятивного воздействия политических технологий. И это оборотная сторона государственной поддержки молодежных общественных организаций и объединений.

Завершая третий параграф главы, стоит отметить, что 1) государственная власть также постоянно нуждается в общественном признании и поддержке политической государственной стратегии в отношении молодежи. В этом она опирается, в том числе, на общественные инициативы и молодежных активистов¹⁶⁸. Согласно мнению российского исследователя Л.Ю. Грудцыной, в отличие от классических западных образцов в России именно государство выступает в качестве субъекта управления по отношению к институтам гражданского общества как управляемой системе. Однако гражданское общество, несмотря на это, способно проявлять себя в качестве автономной саморегулирующейся системы, в той или иной мере влияя на сущность и характер государственного управления¹⁶⁹. Обосновывается это тем, что между

¹⁶⁷ Кретов А.Ю., Меркулов С.С. Публичный характер формирования и реализации молодежной политики как фактор эффективности государственно-гражданского взаимодействия в современной России // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – Том 11. – № 6. – С. 238.

¹⁶⁸ Кретов А.Ю. Государственная молодежная политика в современной России: формирование приоритетов и механизмов реализации // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Том 12. – №1. – С. 180.

¹⁶⁹ Грудцына Л.Ю., Петров С.М. Гражданское общество, народ и власть: концептуальное понимание и российская специфика // Государство и право. – 2012. – № 6. – С. 5-15.

саморегулированием и управляемостью гражданского общества со стороны государства отсутствует непреодолимое противоречие.

2) известная теоретическая идеализация деятельности ряда субъектов негосударственной молодежной политики является следствием формирования искаженных представлений о реальных результатах и качестве негосударственных политических акторов. Отмеченные пробелы во многом восполняют разработки ученых, выделяющих различные модели и практики деструктивной молодежной политики, по отношению к которым государство осуществляет социальный контроль¹⁷⁰. Это деятельность ряда молодежных субкультур, неформальных объединений молодежи экстремистской и ксенофобской направленности, тоталитарных сект, криминальных групп.

Свою позицию в вопросе институционализации механизмов интеракций государства и молодежных объединений в реализации государственной реализации молодежной политики занимает российский исследователь А. Зеленин. Именно в его работах интеракции объясняются как система взаимодействия, которая является реакцией на социальный запрос со стороны гражданского общества¹⁷¹. Поэтому 3) автор также признает, что механизмы реализации политики государства образуют определенную общую систему, которая способна выполнять регулирующие и конституирующие функции. Им аргументируется наличие нескольких основных механизмов реализации политики в отношении молодежи, среди которых выделяются: законодательно-правовой (формирует правовую основу осуществления молодежной политики и ее регламентации), программно-целевой, организационный (система взаимодействия институтов, реализующих политику в отношении молодежи), финансово-

¹⁷⁰ Чирун С.Н. Молодежная политика России в современном методологическом экскурсе // Вестник Поволжской Академии государственной службы. – № 4 (21). – 2009. – С. 138.

¹⁷¹ Зеленин А. Государственная молодежная политика Российской Федерации: концептуальные основы, стратегические приоритеты, эффективность региональных моделей. Диссертация д-ра полит.наук. – Н.Новгород, 2009. – С. 12.

инвестиционный, нацеленный на ресурсное обеспечение политики государства в отношении молодежи.

Завершая вторую главу диссертационного исследования, важно предложить следующие выводы.

Во-первых, для российской молодежи в пространственно-временном континууме всегда было свойственно несколько состояний по отношению к обществу и государству, от спокойного и конструктивного состояния до радикально-революционного. Однако для типичного состояния современной российской молодежи, несмотря на наличие серьезных социальных проблем (в первом параграфе главы дан их обстоятельный срез), в большей мере соответствуют следующие характеристики: «отвергнутое» поколение периода 90-х годов XX века; «потерянное» поколение «нулевых» годов; «пробуждающееся» поколение 2010-х годов. Молодежь РФ постоянно находилась и находится в перманентном процессе брожения, новые поколения всегда выражают неудовольствие по поводу ряда состояний общества и государства. Однако положение новых поколений не представляет ориентаций на принципиальное отчуждение системы, а в большей мере выражает стремление молодежи учиться, приобретать навыки, принимать на себя ответственность, готовность работать внутри системы и не быть в принципиальной оппозиции к ней.

Во-вторых, государственная молодежная политика в РФ базируется на четких политико-правовых механизмах, деятельности государственных и негосударственных субъектов молодежной политики. Государственная молодежная политика РФ не отличалась выверенной и последовательно восходящей интенсивностью в строительстве новых институтов в молодежной среде. Существующие же проблемы молодежи, такие как социальное неравенство, отсутствие социальных лифтов для продвижения наиболее одаренных молодых людей в обществе, необходимость политического участия, требуют от органов власти и управления при

реализации отраслевых политик большей эффективности. Соответственно, в рамках выделенных трех периодов, государственная молодежная политика в РФ была: в 1992-2004 – неэффективной, с 2005 по 2017 гг. – частично эффективной. И лишь начиная с 2018 года, молодежная политика обретает контуры системной эффективности.

В-третьих, органы управления, реализующие государственную молодежную политику на федеральном, региональном и на муниципальном уровнях, пока еще не наделены едиными принципами построения, не систематизированы на институциональном уровне. Раздробление компетенции в сфере решения молодежных проблем между несколькими федеральными министерствами – Министерством просвещения, Министерством науки и высшего образования, Российским федеральным агентством по делам молодежи, Министерством спорта, Министерством социального развития, Управлением общественных проектов Администрации Президента Российской Федерации, отсутствие унификации в структуре и компетенции региональных органов по делам молодежи, незавершенность структурной организации представительных институтов всех уровней в отношении молодежной проблематики, определяют недостаточную эффективность институционально-управленческой подсистемы молодежной политики государства.

3 Государственно-управленческие цели молодежной политики в контексте политического развития современной России

Среди ряда зарубежных и российских исследователей проблематика политического развития рассматривается как образование организаций, политического участия и формирования идентичности (гражданской, государственной и этнической). С этой точки зрения, в разрезе нашего диссертационного исследования государственной молодежной политики РФ мы можем выделить такой алгоритм действий («набор команд, необходимых для решения той или иной задачи»¹⁷²) государственных институций.

Государство участвует в процессе создания молодежных организаций и структур, поддерживает их финансово и политически, в рамках которых осуществляется процесс гражданского и патриотического воспитания, через которые молодежные массы осуществляют свое политическое представительство в широкой системе власти, тем самым обеспечивается воспроизводство политического развития. Поэтому, на наш взгляд, кроме узкого понимания государственной молодежной политики (отраслевой, межотраслевой), стоит вести речь и о молодежной политике государства в широком смысле этого слова, как компоненте процесса государственного строительства и политического развития.

3.1. Основные политические задачи реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации

Уточним, алгоритм политического развития предусматривал, во-первых, участие молодежи в демократизации (акцент на демократию согласия) и в нациеобразовании, во-вторых, работа государственных органов,

¹⁷² Стивенс Р. Алгоритмы. Теория и практическое применение / Род Стивес. – М.: Издательство «Э», 2017. – С. 24.

направленная на модернизацию инфраструктуры в работе с молодежью. Кроме того, политическое руководство страны, реализуя в широком понимании государственную молодежную политику, понимало необходимость сочетания процессов структурной дифференциации общества с актуальностью выравнивания различных видов неравенства в обществе, в том числе и в отношении молодежи. Тем более, если в сфере экономики есть «выход», а в сфере политики – «голос» (концепт А. Хиршман), важно было видеть «выход» молодых граждан в экономике и слышать этот «голос» в политике, которым могут оперировать новые генерации. Таковы политические цели государства, стремящегося к развитию.

Итак, в постсоветской России государственная молодежная политика (ГМП) формировалась как система государственных приоритетов и мер, обеспечивающих эффективную социализацию и продуктивную реализацию молодежи в качестве субъекта общественно-политических отношений. Ее конкретные вариации, типология и модели зависели от комплекса условий и факторов, которыми определяется набор механизмов и инструментария компетенции государства в отношении реализации социально-политического потенциала молодых граждан. Как отмечают исследователи, любое юное поколение, приходящее на смену уже живущим, получает на будущее «достигнутый уровень развития общества и сложившийся стиль жизни»¹⁷³. Задача ГМП – содействовать приращению общего (публичного) блага.

Было ли это эффективным? По нашему мнению, нет. При этом, В. Лисовский отмечает следующую тенденцию: в стране всегда ощущался «надлом в преемственности поколений, вызванный переходом из одного состояния (советского периода) в другое (современное) и социально-экономическим кризисом»¹⁷⁴. В этой связи, перед государственной молодежной политикой ставится цель социализации молодежи в условиях

¹⁷³ Ивушкина В.О. Социализация молодежи в условиях информационного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – №2 (12). – С. 165.

¹⁷⁴ Лисовский В.Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях // Социологические исследования. – 2002. – №5. – С. 113.

трансформации общества. Поскольку молодежь – самая активная группа населения, которая активно встраивается в экономику страны, органам власти и управления необходимо выстроить такую систему государственной молодежной политики, которая бы могла остановить процессы десоциализации молодых людей.

Российские политологи отмечают и дихотомическую природу современной молодежи в стране. С одной стороны, многие начинают активно заниматься политической деятельностью, предпринимательством и наукой. С другой стороны, молодежь оказалась одной из самых незащищенных социальных групп (в 90-е годы XX века значительно ухудшилось ее материальное положение). Существенно замедлилось социальное продвижение, наблюдается «глубокое социальное противоречие»¹⁷⁵. При сохранении негативных тенденций в молодежной среде серьезно повышается риск развития асоциального поведения, общего уровня неудовлетворенности социально-экономической и политической ситуацией в стране и, как следствие, усиление центробежных тенденций, в том числе эмиграция части молодежи за рубеж.

В этой связи, вопрос о «гражданской социализации» молодежи, в том числе через активизацию патриотического воспитания, приобретает все большую актуальность (это одним из направлений политического развития). Отметим, что под гражданской социализацией в данном контексте понимается процесс усвоения каждым индивидом определенной системы знаний, норм, ценностей и традиций в трудовой, политической и правовой сферах деятельности. Это позволяет «индивиду функционировать в качестве полноправного члена общества»¹⁷⁶. Выделяется три основных компонента гражданской социализации: профессиональная, правовая, политическая. Все они оказывают влияние на формирование личности, поэтому социализация

¹⁷⁵ Топилина Е.С. Особенности социализации молодого поколения в современной России // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2006. – №3. – С. 140.

¹⁷⁶ Там же. – С 141.

должна носить опережающий характер, который бы учитывал возможные изменения политической системы страны.

Важным аспектом понимания социализации молодежи является ее самоорганизация. По мнению М. Караева, социализация осуществляется как чередование двух исключаяющих друг друга процессов. С одной стороны, это иерархизация (последовательное объединение элементарных структур в структуры более высокого порядка). С другой стороны, это деиерархизация, представляющая собой последовательный распад сложных структур на более простые элементы¹⁷⁷. Поскольку это чередование неизбежно отражается на состоянии политической системы, то государственная молодежная политика РФ должна учитывать это естественное противоречие и адекватно отвечать на данные вызовы, а также использовать все необходимые инструменты для воспитания подрастающего поколения.

Следует заключить, что характер самоорганизации молодежи в качестве субъекта политики и социальной жизни определяется объективными противоречиями и проблемами ее становления как специфической социальной группы. На ее самоорганизацию, как отмечает Е.П. Савруцкая, влияет несколько факторов (семья, институты образования, интернет и СМИ, друзья), оказывающих в настоящее время наибольшее влияние на трансформацию ценностных ориентаций молодежи.¹⁷⁸ Продуктивность и социальная значимость молодежной самоорганизации во многом остаются детерминированы наличием и качеством механизмов государственной политики, которые общество и государство могут использовать для работы в молодежной среде.

Обращаясь к оценке практики реализации механизмов государственной молодежной политики в современной России, необходимо

¹⁷⁷ Караев А.М. Социализация молодежи: методологические аспекты исследования // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2005. – №1 (18). – С. 130.

¹⁷⁸ Савруцкая Е.П. Динамика ориентаций молодежи в ее отношении к политическим институтам / Е.П. Савруцкая, С.В. Устинкин // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. Ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2017. – 568 с. – С. 325-341.

учитывать наличие точек соприкосновения усилий государства и гражданского общества по организации их эффективной деятельности. Представляется обоснованным рассмотрение взаимовлияния официального правительственного курса в отношении молодежи и объективного фактора самореализации молодежи при помощи политических методов. При включении в политический процесс различные категории молодежи предпринимают попытки изменения позиции политической системы в собственных корпоративных интересах. Ввиду того что на практике отсутствует возможность разработать и внедрить некую идеальную модель государственной молодежной политики, способной полностью обеспечить решение проблем развития молодого поколения, по нашему мнению, требуется совершенствовать процесс научного поиска в области выявления тенденций, характерных для состояния молодежной среды в современной Российской Федерации.

Ключевой социально-политической характеристикой молодежи признается ее потенциал в усвоении, качественном воспроизводстве и ретрансляции системы сложившихся социальных отношений последующим поколениям. Отмеченное социальное качество молодежи превращает ее активность в предметное поле государственной стратегии, нацеленной на развитие и саморазвитие молодых граждан, их социально-политическую интеграцию в политическую систему страны. С другой стороны, это и политическая линия государства, которая является элементом политического руководства, организацией «всех звеньев субъекта управления»¹⁷⁹.

На этом пути в реализации потенциала в интересах общего блага есть и проблемы, которые ранее мы выделили контурно. Они есть преимущественно в демографической сфере. Это сопровождается сокращением численности и социальной значимости молодых семей, что приводит к уменьшению социально активного населения, сокращению

¹⁷⁹ Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. Изд. Стереотип / В.Г. Афанасьев. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. – С. 356.

количества экономически продуктивных работников, росту пенсионной нагрузки на них, запустению стратегически значимых территорий и изменению этноконфессионального состава их населения. По нашему мнению, перечисленные тенденции негативно сказываются на настроениях молодых поколений, инициируя социально-политический пессимизм и экстремистские проявления в молодежной среде.

В социокультурной сфере современной России наблюдается столкновение ценностей и идеалов традиционного, индустриального и постиндустриального типов общественного развития. Со стороны политических и интеллектуальных элит прослеживается их искусственное противопоставление исходя из социальной и коммерческой конъюнктуры. Отмеченное обстоятельство приводит к мировоззренческому и идейно-политическому размежеванию российской молодежи, стимулируя противоречивый и конфликтный характер усвоения молодыми людьми традиционных для России ценностей, деформацию моральных и этических норм.

Заметим, что на фоне событий Русской весны и воссоединения России с Крымом и Севастополем социологические замеры среди студентов ряда российских вузов показали следующее. Около 57% опрошенных считают себя патриотами, 42% затруднились выразить свое отношение к патриотизму, 3% открыто отказались считать себя патриотами своей страны¹⁸⁰. Согласно опросу ВЦИОМ, проведенному 20-21 июня 2017 г., 52% российских граждан в возрасте не старше 25 лет назвали себя патриотами. Три года ранее аналогичное мнение разделяли 45% молодых людей¹⁸¹. Таким образом, был зафиксирован рост патриотических настроений в молодежной среде.

¹⁸⁰ Литвинова Е.В., Шведов Д.А., Дробчак В.Г. Место патриотизма в жизни современной молодежи // Молодой ученый. – 2016. – №26. – С. 542-545. URL <https://moluch.ru/archive/130/35991/> (дата обращения: 24.04.2018).

¹⁸¹ ВЦИОМ объявил о росте патриотизма среди молодежи. URL <https://www.pnp.ru/social/vciom-obyavil-o-roste-patriotizma-sredi-molodyozhi.html> (дата обращения: 25.04.2018).

Согласно результатам социологического опроса ВЦИОМ, проведенного в июне 2018 г., 31% респондентов в возрасте от 18 до 24 лет хотели бы переехать в другую страну для постоянного проживания в ней. При этом количество молодых людей, заявивших о своем желании покинуть Российскую Федерацию, достигло максимума за пять лет, вернувшись к показателям 2013 г. В 2014–2017 годах этот показатель варьировался в коридоре от 21 до 26%, имея тенденцию к возрастанию на 6% по сравнению с 2017 г.¹⁸².

С другой стороны, данные всероссийского социологического опроса июня 2017 г., проведенного Государственным институтом управления, показывают наличие устойчивой молодежной группы в 20% от опрошенных в возрасте от 16 до 24 лет, деструктивно настроенных по отношению к патриотическим идеалам. При этом 27% респондентов выразили беспокойство за ситуацию в стране¹⁸³. Снижение уровня патриотических настроений в молодежной среде сочетается с тенденцией преобладания индивидуальных ценностей над коллективизмом. Согласно опросу населения Петербурга, проведенному в 2013 г., к индивидуалистам причисляли себя 52% респондентов, тогда как коллективистами представляли себя 43% опрошенных в возрасте 18-24 лет¹⁸⁴.

Представляется очевидной взаимосвязь между ростом потребительских настроений в молодежной среде и развитием абсентеизма и политической индифферентности в ее рядах. Например, не более 2,7% молодых граждан регулярно участвуют в работе общественных объединений. И не более 7% из числа опрошенных могут быть названы активными гражданами. Компенсатором устремлений молодежи выступает и электронная виртуальная реальность в форме социальных сетей. В интернет-сообществах

¹⁸² Королева Е. Дело молодое: каждый третий мечтает уехать [Электронный ресурс] URL <https://www.gazeta.ru/social/2018/07/02/11823055.shtml> (дата обращения: 25.07.2018).

¹⁸³ Опрос: почти 20% молодежи не считают себя патриотами и готовы уехать из Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL <https://ria.ru/society/20170607/1496013215.html> дата обращения: 25.04.2018).

¹⁸⁴ Семенов В.Е. Указ соч. – С. 68.

на настоящее время зарегистрированы 82% молодых людей, пользующихся Интернетом. Наибольшее количество активных пользователей представляет возрастная группа 18-24 лет – 96%, чьи представители проживают в Москве и Санкт-Петербурге – 94%. Позитивным фактором следует признать превышение популярности в молодежной среде социальных сетей Рунета отечественного происхождения над зарубежными аналогами «Фейсбук» и «Твиттер»¹⁸⁵.

Многие из проблем молодежи, относящихся к категории политического развития, могут найти объяснение исходя из сравнительных характеристик по количеству молодых граждан, а также по степени их включенности в региональные программы и проекты государственной политики. Именно к исполнению данных программ и проектов привлекаются молодежные и детские общественные объединения на федеральном уровне, в субъектах РФ и в федеральных округах. В данном разрезе следует отметить, что данные социологических опросов свидетельствуют в пользу достаточной популярности среди молодых людей мероприятий, организуемых государственными учреждениями в сфере молодежной политики.

И это является важным направлением государственной молодежной политики в становлении гражданской идентичности как приоритета политического развития. Например, согласно опросу, проведенному в 2017 г. комиссией Общественной палаты РФ по делам молодежи, развитию добровольчества и патриотическому воспитанию, хотя бы один раз за последние три месяца в различных молодежных форумах, акциях волонтерского движения приняли участие 53% респондентов. При этом только 12% указали, что такое участие не являлось полностью добровольным¹⁸⁶. Наибольший охват молодых людей такими мероприятиями

¹⁸⁵ Россияне «в сети»: рейтинг популярности социальных медиа. Пресс-выпуск. №1951. 13.02.2012. [Электронный ресурс] URL: [http:// www.wciom.ru](http://www.wciom.ru) (Дата обращения 04.01.2020).

¹⁸⁶ Исследование: российская молодежь предпочитает соцсети и просмотр кино дома. РИА Новости [Электронный ресурс] URL <https://ria.ru/society/20171220/1511300915.html>. (дата обращения: 24.04.2018).

отмечен в Белгородской области (71,6%), Нижегородской области (67,6%), республике Татарстан (79,2%), Ульяновской области (76%), республике Чувашия (68,9%).

Например, в самом населенном в стране Центральном федеральном округе (ЦФО) программы развития молодежи охватывают не более 31% (1 млн. 700 тыс. человек) от общего количества молодых людей, проживающих в расположенных здесь субъектах Федерации. В регионах Северо-Запада данный показатель в 2016 году выглядел крайне неубедительно, равняясь 4,65% или 126 725 чел. из 2 млн. 724 тысяч молодых граждан. Немного выше данный показатель в субъектах Дальневосточного федерального округа, где общественные молодежные объединения привлекли в реализуемые проекты 137 435 чел. или 11,89% от общего количества из 1 155 903 своих сверстников. В Сибирском федеральном округе таковых оказалось 336 340 чел. или 17,64% из 1 906 033 молодых сибиряков. В Уральском федеральном округе вовлечение молодежи в программы поддержки со стороны общественных объединений составило 780 116 чел. То есть 27,15% из 2 873 153 проживающих здесь молодых людей.

В Приволжском федеральном округе гражданские институты задействовали в своих программах и проектах немногим более 525 700 чел. или 16,57% от общего количества молодежи регионов, где проживает 3 172 348 чел. молодых людей. Аналогичные показатели для субъектов Федерации Южного федерального округа составили около 260 400 человек, или 14,84% от общего количества молодежи числом в 755 132 чел., для Северо-Кавказского федерального округа – 289 120 чел., или 17,53% от общего количества молодежи в 1 миллион 650 тыс. человек¹⁸⁷.

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют, что проблемные регионы Российской Федерации (Дальний Восток, Северный Кавказ, Юг России), сталкивающиеся с негативными тенденциями развития молодежной

¹⁸⁷ Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. – М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2016. – С. 61-62.

среды, такие как социальная напряженность, этноконфессиональные конфликты, политический экстремизм, испытывают существенный дефицит внимания со стороны государственных учреждений регионального уровня. А также негосударственных гражданских институтов, способных реализовать ключевые положения государственной молодежной политики.

В данном разрезе для такой политики не должно быть исключений в аспектах формирования в молодежной среде этнической, региональной, локальной идентичности, совместимых с гражданской идентичностью. Как полагает отечественный исследователь Е.М. Арутюнова, этническая и гражданская идентичность на сходном уровне вполне совмещаются. Государственно-гражданская идентичность молодежи скорее имеет характер государственной идентичности, ощущение принадлежности с согражданами роднит, прежде всего, общее российское государство. В целом у этнической идентичности круг идентификаторов гораздо шире – «язык, культура, родная земля, обычаи и обряды»¹⁸⁸.

Как отмечают отечественные политологи, гражданско-патриотическое воспитание во многом определяется сложившейся экономической, политической, социальной ситуацией в обществе и семье. Если в указанных сферах будут превалировать негативные тенденции, это неизбежно отразится и на отношении молодежи к ответственности перед обществом, что в дальнейшем сформирует психологию безответственности. При этом, по оценкам политолога Д.В. Ольшанского «доминирование неосознанных представлений в сознании – следствие процесса массовизации, связанного с функционированием в современном обществе различных видов информации»¹⁸⁹.

Проблема патриотического воспитания молодежи неразрывно связана с понятием исторической памяти. Под исторической памятью в данном случае

¹⁸⁸ Арутюнова Е.М. Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная спецификация / Е.М. Арутюнова // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. Ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2017. – С. 259-273.

¹⁸⁹ Ольшанский Д.В. Психология масс. – СПб.: Питер, 2002. – С. 48.

понимается «часть исторического сознания, которая подпитывается как систематизированной (через образование), так и неупорядоченной, случайной»¹⁹⁰. Она самостоятельно выбирает информацию, которая по тем или иным причинам является наиболее актуальной и соответствующей веяниям времени. Историческая память носит коллективный характер, а также может пониматься как социальная память, а также как совокупность обобщенных представителей одной нации об общем прошлом. Как полагают российские исследователи И. Положенцева и Т. Кащенко, главный предмет исторической памяти – отпечаток события в сознании, образ, который сначала передается непосредственными участниками события, а позже «реконструируется по определенным законам последующими поколениями»¹⁹¹.

Таким образом, в ценностной и символической основе государственная молодежная политика должна иметь историческую память (ряд политологов, к примеру, А. Ассман, называют это мемориальной культурой¹⁹²). А кроме того, и политическую мифологию – как идеологически маркированное повествование о прошлом, настоящем и будущем – и выражающем «пространственное и временное самоощущение того или иного социума»¹⁹³. Ведь память представляет собой социально обусловленное явление, при котором общество само устанавливает некие рамки для воспоминаний и оценки определенных исторических событий. Отдельно отметим тот факт, что у каждой молодежной группы или когорты может быть своя история и своя историческая память, которая имеет свои отличительные особенности.

При этом время связано с надеждами, чаяниями и целями целого субъекта, что и обуславливает отношение «человека к настоящему,

¹⁹⁰ Положенцева И.В., Кащенко Т.Л. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // Власть. – 2014. – №12. – С. 42.

¹⁹¹ Там же. – С. 42.

¹⁹² Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / Алейда Ассман; Пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.

¹⁹³ Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование / К. Флад / Пер. с англ. А. Гергиева. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 33.

прошлому и будущему»¹⁹⁴. Важно понимать, что для развития исторической памяти одним из основополагающих факторов является возраст. По мнению П. Матюшина, именно количество прожитых лет представляет наибольший интерес для политической антропологии при изучении истории человечества и его сознания. Отдельно стоит указать, что возраст в данном случае понимается не только как возраст нации в целом и отдельных его представителей в частности (количество лет, прожитых носителем социальной памяти и исторического сознания), но и как связь между поколениями, описываемая как проблема «отцов» и детей.

Здесь же возникает вопрос о том, когда человек становится гражданином. Существует точка зрения, согласно которой гражданином признается тот, кто не только хорошо знает общую историю страны, но и своего края. А также считается гражданином тот, кто обладает развитой личной исторической памятью, причем на фоне «общей исторической памяти»¹⁹⁵. При этом, коллективная историческая память также играет важную роль в становлении личности. Ведь благодаря ей происходит воспитание молодого гражданина, понимание им ответственности за свою страну, как перед прошлыми, так и перед будущими поколениями людей.

Отечественные политологи отмечают, что после событий конца 80-х – начала 90-х годов XX века система патриотического воспитания молодежи была полностью разрушена. Раньше, в советский период, на каждом из этапов образования молодежи (низовом – школы, ссузы, на уровне высших учебных заведений, на уровне колхозов и совхозов) была разработана система воспитания в духе уважения к истории страны, желания защищать Родину не по принуждению, а по зову сердца. В переходный же период развития страны все эти традиции и методики оказались не востребованы и забыты.

¹⁹⁴ Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической технологии. – М.: «РОССПЭН», 2000. – С. 59.

¹⁹⁵ Положенцева И.В., Кащенко Т.Л. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // Власть. – 2014. – №12. – С. 44.

Поэтому в настоящее время система гражданско-патриотического воспитания молодежи, как считает большинство представителей экспертного и научного сообщества, должна быть актуализирована. И качественные, системные изменения стали происходить как на институциональном уровне ГМП, так и на ее управленческо-технологическом уровне. С 2010-х годов на федеральном уровне уделяется особое внимание формированию исторической памяти и, как следствие, развитию гражданско-патриотического воспитания молодежи со школьной скамьи и до окончания высшего или средне-специального учебного заведения. При этом, патриотизм стал неотъемлемой частью государственных концепций и иных документов, регулирующих государственную молодежную политику России.

Однако, во-первых, такая система должна носить плановый характер, а проводимые мероприятия не должны сводиться к декларативному характеру. У молодежи на каждом из этапов обучения должно быть четкое понимание для чего он становится, например, участником акций почтения памяти погибших воинов в годы Великой отечественной войны. Во-вторых, патриотическое воспитание должно носить системный характер (от школы к вузу и трудовому коллективу). Кроме того, при отсутствии системного гражданско-патриотического воспитания представитель новых поколений не сможет пройти процесс формирования гражданской идентичности и, соответственно, стать патриотом, а ведь именно воспроизводство такого человека – одна из целей государственной молодежной политики.

Кстати, данный аспект заложен не только в законодательные и нормативные документы ГМП, но и в «Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». Там отмечается важность культурно-духовной составляющей безопасности. И, соответственно, гражданско-патриотического воспитания молодежи в традициях национальной культуры, степень погруженности в которую в

значительной мере «определяет деятельность человека»¹⁹⁶. При этом, достижение этой задачи возможно только в том случае, если усилия органов власти и управления и общества будут консолидированы.

В настоящее время перед гражданско-патриотическим воспитанием молодежи в системе государственной молодежной политики стоит ряд задач. Во-первых, развитие чувства любви к Родине, ответственности за ее настоящее и будущее, а также поддержка ее национальных интересов. Во-вторых, работа над развитием личностных качеств молодого человека, который должен вырасти патриотом своей страны, который готов реализовывать созидательные проекты, направленные на развитие социально-экономического потенциала страны. В-третьих, работа над подготовкой молодых людей к осознанной службе в армии, к защите Родины от внешних угроз.

Как отмечает Т. Нигматуллина, соединение военного и патриотического образования служит основой молодежной политики в стране. Оно включает в себя как просветительскую работу, так и отработку практических навыков на специальных уроках. Система военно-патриотического воспитания базируется на программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 гг.»¹⁹⁷. Основными исполнителями значатся Министерство образования РФ, Министерство обороны, Министерство культуры и Федеральное агентство по делам молодежи.

В настоящее время в 78 субъектах страны созданы центры военно-патриотического воспитания молодежи, цель которых заключается в том числе в подготовке к несению военной службы. Они занимаются организацией и проведением мероприятий, направленных на укрепление

¹⁹⁶ Бабурин С.Н. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты / С.Н. Бабурин, М.И. Дзлиев, А.Д. Урсул. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. – С. 451.

¹⁹⁷ Правительство Российской Федерации. Постановление от 30 декабря 2015 г. №1493 [Электронный ресурс] – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102425098&backlink=1&&nd=102388353> (Дата обращения: 05.01.2020)

исторической памяти. Они не только касаются событий Великой отечественной войны, но и посвящены событиям на Куликовом поле, Стоянию на Угре, Ледовому побоищу и другим важным фактам истории страны.

В 2019 году отметился рост интереса молодежи к получению военного образования в суворовских, нахимовских и кадетских образовательных учреждениях. Отметим, что всего в стране насчитывается около 500 подобных образовательных учреждений. При этом, конкурс на поступление в военные училища России составляет в среднем 9,2 человека на одно место¹⁹⁸. Так, конкурс в Кемеровском президентском кадетском училище в 2019 году составил 5,8 человека на место, в Тульском суворовском военном училище – 5,2 человека на место, кадетском корпусе в Воронеже – 5,4 человека на место (несмотря на многочисленные скандалы в информационном пространстве региона). Около 94% выпускников этих образовательных учреждений продолжают свое обучение в высших военных учебных заведениях. К тому же, абитуриентами этих вузов становятся и юноши, и девушки.

Еще один способ вовлечения молодежи в систему гражданско-патриотического воспитания – участие школьников и студентов в деятельности поисковых движений. Данные организации занимаются поиском пропавших без вести солдат и их последующим перезахоронением. Основанием для этого служит нахождение смертных именных медальонов и иных документов, которые могут помочь в опознании останков. Еще в 2000-м году Правительством РФ было издано постановление «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях», в котором давалось определение подобных структур.

Так, военно-патриотическое объединение подразумевает под собой добровольную совокупность граждан, которые нацелены на проведение

¹⁹⁸ В Минобороны отметили рекордные показатели набора на учебу в военные вузы [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2019/08/29/konkurs-v-voennye-vuzy-v-2019-godu-v-srednem-sostavil-bolee-9-chelovek-na-mesto.html> (Дата обращения: 05.01.2020)

мероприятий для молодежи с целью воспитания в них патриотических чувств и любви к родине. У таких объединений есть устав, в котором прописываются цели, задачи, принципы работы организации. Участие в работе принимают как простые граждане, так и представители местного самоуправления, общественных организаций. Таким организациям оказывается финансовая, информационная и консультационная помощь со стороны органов власти.

В 2013 году было создано Общероссийское общественное движение по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России». В настоящий момент это самая крупная организация, которая занимается поисковой работой в стране. Она объединяет более 42 тысяч поисковиков, которые являются членами 1428 поисковых отрядов¹⁹⁹. По итогам 2018 года было проведено более 1500 экспедиций, участие в которых приняли практически 40 тысяч человек. В результате были найдены останки 14 тысяч погибших в ходе Великой отечественной войны солдат. Отметим, что представители поисковых отрядов и движений ведут активную просветительскую работу в школах и высших образовательных учреждениях, проводят конференции и круглые столы по указанной проблематике, повышая, таким образом, интерес к истории страны и родного края.

В системе гражданско-патриотического воспитания молодежи особое место уделяется деятельности общественных организаций. Наиболее многочисленной по составу и давно зарекомендовавшей себя является ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России). Деятельность объединения началась еще в советское время, однако свое нынешнее название получило в 2009 году. Основным направлением деятельности организации является обучение всех желающих (и имеющих

¹⁹⁹ Общероссийское общественное движение по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» [Электронный ресурс]. – URL: <http://rf-poisk.ru/page/230/> (Дата обращения: 05.01.2020)

материальные возможности) авиационному спорту, управлению транспортными средствами, стрельбе как из огнестрельного, так и пневматического оружия. Членство в организации свободное. Отделения общественной организации есть практически во всех субъектах страны, причем не только в крупных городах, но и менее крупных муниципальных образованиях.

В 2016 году ДОСААФ стал соучредителем всероссийского детско-юношеского военно-патриотического общественного движения «Юнармия»²⁰⁰. Перед движением стоят задачи участия в реализации государственной молодежной политики в стране, личностного развития подрастающего поколения, повышение авторитета и престижа военной службы в обществе, сохранение традиций, а также привлечение молодежи к службе в армии. Региональные отделения движения есть во всех 85 субъектах страны.

Поскольку «Юнармия» – детско-юношеское объединение, его членами могут стать дети от 8 лет и старше, а также юридические лица, разделяющие цели и задачи движения. Члены движения в свободное от учебы время занимаются волонтерской деятельностью, принимают участие в различных мероприятиях патриотической направленности, получают навыки оказания первой помощи. До 2020 года на территории страны должно открыться более 100 центров военно-патриотического воспитания под эгидой «Юнармии». В мае 2018 года численность движения превысила 230 тысяч человек.

Таким образом, система гражданско-патриотического воспитания молодежи в современной России имеет достаточно инструментов по привлечению молодежи. Учитывая, что на программы патриотического воспитания молодежи выделяются серьезные средства из бюджетов разных уровней, можно сделать вывод, что у руководства страны есть понимание

²⁰⁰ Юнармия. Всероссийское детско-юношеское движение [Электронный ресурс]. – URL: <https://yunarmy.ru/> (Дата обращения: 05.01.2020)

важности развития патриотических чувств и действий в молодежной среде. И государство заинтересовано в постоянном их воспроизводстве. Однако без должной информационной поддержки в СМИ и новых медиа, массовой просветительской работы государственных и негосударственных акторов такие усилия не могут дать эффект в полной мере.

Таким образом, при успешной реализации государственной молодежной политики будет решаться целый комплекс задач. Во-первых, политическая социализация молодежи. В том случае если данная задача будет выполнена, лица будут понимать законы политической системы, агрегировать и артикулировать определенные требования, активно участвовать в выборах и принимать соответствующие решения. Во-вторых, формирование гражданской идентичности. Поскольку в настоящее время государство пытается построить гражданскую идентичность (несмотря на сложность выбранной стратегии и неготовность к ней со стороны представителей национальных республик), грамотная и выверенная молодежная политика позволит облегчить данную задачу для государства. В-третьих, сохранение исторической и социальной памяти. Учитывая, что в настоящее время со стороны ряда акторов предпринимаются попытки к переосмыслению истории, предложению новых подходов к итогам Великой отечественной войны, а также к роли страны на мировой арене, органы власти, отвечающие за реализацию молодежной политики, должны уделять данному направлению особое внимание. И, наконец, в-четвертых, гражданско-патриотическое воспитание, на котором должен строиться образовательный процесс как в общеобразовательных школах, так и в системе среднего специального и высшего образования.

3.2. Политическое участие и особенности политического представительства российской молодежи как стратегический вектор государственной молодежной политики

Еще в конце 70-х годов XX века политологи из США Лестер У. Милбрайт и М.Л. Джэл разработали концепт политического участия граждан. В американском обществе они выделили три большие категории. Первая категория – это апатичные люди, лица которые вышли из политического процесса (около одной трети взрослого населения). Вторая категория – это «зрители», люди, которые минимально вовлечены в политику (около 60% взрослого населения США). И третья категория – это «гладиаторы», лица, которые являются активными комбатанами (от 5 до 7 %)²⁰¹. Если переложить этот концепт на российскую молодежь, как социально-возрастную группу, то по расчетам автора, основанных на данных Росстата и социологических опросах, соотношение будет следующим.

Апатичные молодые люди – 75 процентов, «зрители» – 22-23 процента, комбатанты – 3-2 процента. Вместе с тем, государственная молодежная политика РФ ориентирована на все представленные категории молодежи. Поскольку проблема интеграции молодежи в политическую жизнь России вновь никогда не снималась с повестки дня и по-прежнему имеет свою актуальность. Это объясняется тем, что существовавшая в советский период система воспитания молодежи себя исчерпала, а новая еще не окончательно институционализировалась.

В этой связи необходимо было найти эффективные инструменты вовлечения молодежи в политические практики, а также формирование новой политической элиты страны. Естественно, что для вовлечения подрастающего поколения в политическую систему, молодые люди должны

²⁰¹ Milbrath Lester W., Goel M. L.. Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics? / Lester W. Milbrath, M. L. Goel. - Chicago: Rand McNally College Publishing Company, 1977. 223 p. P. 11.

иметь серьезные мотивы. Российский исследователь В. Мясоедова разделяет все аспекты на несколько основных групп²⁰²: социально-экономические (развитие института молодежных политических лидеров), политические, когнитивные.

Основным направлением в этот временной промежуток стало открытие молодежных отделений политических партий (реальные комбатанты). Таким образом, лидеры политических организаций получили возможность привлекать в свои ряды новых сторонников, симпатизантов, которые только начали реализовывать себя в практиках политического участия. Нам представляется необходимым разделить все молодежные политические организации на пять групп. В первую группу входят молодежные отделения политических партий. К ним относятся следующие организации: «Соколы Жириновского» (ЛДПР), Ленинский коммунистический союз молодежи РФ (КПРФ), Молодая гвардия Единой России («Единая Россия»), Молодежное 5 декабря («Партия 5 декабря»), Молодежное яблоко (партия «Яблоко»), Молодые социалисты России (партия «Справедливая Россия»).

В рамках данных организаций ведется активная работа по привлечению молодежи в свои ряды различными способами: агитация, проведение красочных массовых акций, активная работа в социальных сетях. У каждой из указанных организаций существуют свои региональные отделения, которые также занимаются привлечением сторонников и вовлечением их в партийную проблематику (участие в федеральных акциях и иных выездных мероприятиях, проводимых в Москве и Санкт-Петербурге).

Отметим, что все эти организации имеют устойчивый процент узнаваемости у населения. Так, в 2011 году «Левада-центром» был проведен массовый опрос населения, результаты которого показали, что о

²⁰² Мясоедова В.А. Формирование института молодежных политических элит в контексте политических преобразований в Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия Политология. – 2016. – №4. – С. 22.

деятельности «Соколов Жириновского» известно 8% населения²⁰³. При этом, наибольшую узнаваемость получали не молодежные отделение политических партий, а массовые политические движения («Наши», Россия молодая и др.).

Популярность молодежных отделений политических партий объясняется, в первую очередь, отсутствием ярких лидеров, за которыми было бы готово пойти подрастающее поколение. Безусловно, акции сторонников А. Навального, участниками которых становятся подростки и студенты, могла бы сделать его одним из лидеров общественного мнения в молодежной среде, однако предлагаемая им радикальная повестка по демонтажу политического режима носит сугубо деструктивный характер, поскольку не предлагает взамен позитивной программы решения социальных проблем общества.

Вторая группа – молодежные отделения политических организаций. В данном контексте нам представляется необходимым выделить данный инструмент политического участия молодежи, поскольку он включает в себя так называемые дискуссионные политические клубы, в которых юноши и девушки готовы обсуждать наиболее актуальные проблемы политического развития страны и ее внутренней и внешней активности. Так, в 2005 году был открыт «Евразийский союз молодежи»²⁰⁴. Основная идеология движения – неоевразийство (термин разработан идеологом движения А. Дугиным), которое включает в себя элементы традиционализма, консерватизма и ряда иных идеологий правого (консервативного) спектра. Члены движения выступают за особый, «четвертый путь» развития России, а также за усиление геополитического влияния страны на мировой арене.

Третья группа – внепартийные молодежные движения и организации, членами которых выступают представители демократических и левых

²⁰³ Узнаваемость политических организаций России [Электронный ресурс]: URL: <http://www.levada.ru/press/2011021002.html> (Дата обращения 04.01.2020)

²⁰⁴ Евразийский союз молодежи [Электронный ресурс]: URL: [Электронный ресурс]: URL: <http://www.levada.ru/press/2011021002.html> (Дата обращения 04.01.2020)

организаций. К ним относятся: Всероссийское движение «Ура!», Российский социал-демократический союз молодежи, «Оборона», Российский коммунистический союз молодежи, «Авангард красной молодежи», Революционный коммунистический союз молодежи. Все указанные организации являются недостаточно многочисленными, а период их наибольшей активности пришелся на период с конца 90-х годов, а также захватил начало нулевых годов. Их отличает активная оппозиция к политике действующей власти и политического режима, проведение немногочисленных акций протеста, а господствующая идеология роднит их с партиями левого идеологического спектра.

Четвертая группа – проправительственные молодежные движения и организации. Исходя из названия, это те общественные объединения, которые готовы оказать максимальную поддержку действующей власти, поддерживают политику федеральных и региональных властей. В данную группу входят такие движения, как «Наши», «Россия молодая», «Местные», «Новый рубеж». Заметим, что в этом ряду движение «Наши» получило наибольшую поддержку со стороны населения, было наиболее многочисленным на территории всей страны, а также стало своеобразным трамплином или социальным лифтом для многих действующих и сформировавшихся политических акторов, которые работают как в регионах, так и на федеральном уровне.

Отдельно отметим, что движение «Наши» стало преемником другого молодежного объединения – «Идущие вместе», которое было создано в 2000 г. Г.В. Якеменко (в 2008 – 2012 – руководитель Росмолодежи). 7 мая 2001 года прошла первая масштабная акция движения – «Все путем», которая была приурочена к годовщине инаугурации президента В. Путина²⁰⁵. Тогда лидерам движения удалось собрать по разным подсчетам от 10 до 15 тысяч человек, что стало первой масштабной акцией в истории современной

²⁰⁵ Чем прославились «Идущие вместе»? // Коммерсант. – 2005. – №30. – С. 3.

России. В январе 2002 года участниками движения была проведена акция по возвращению «плохих книг» их авторам (Владимиру Сорокину, Виктору Пелевину и другим). В июне 2007 года «Идущие вместе» провели свою последнюю самостоятельную акцию, окончательно став частью политического движения «Наши».

Пятая группа – молодежные организации и движения, признанные экстремистскими по решению суда. Несмотря на то что основная цель создаваемых политических организаций – вовлечение молодежи в политическое управление, воспитание подрастающего поколения в традиционных ценностях, в уважении к власти и росте уровня политической культуры, некоторые политические акторы перешли в разряд деструктивных, поскольку не видели реального решения проблем по отдельным направлениям деятельности.

К данной группе относятся такие запрещенные на территории РФ организации, как Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ), Славянский союз, Этнополитическое объединение «Русские» и другие. Самой массовой акцией данных политических акторов с 2005 по 2014 гг. был Русский марш, проводимый 4 ноября в День народного единства. Активисты указанных молодежных движений высказывали крайне критические замечания по поводу иммиграционной политики в стране, нерешенном национальном вопросе в интересах государствообразующего народа, а также требовали пересмотра действующего законодательства в отношении ношения оружия.

Важным направлением институционализации молодежной активности и инициативы, закреплённым в практике нормативно-правового механизма, следует признать форумы молодежи различных административно-территориальных уровней. Согласно мнению коллектива парламентариев, разрабатывающих последний по времени законопроект по делам российской молодежи, на общенациональном уровне предусматривается проведение

таких мероприятий, как «Всероссийский Форум молодежи»; национальные молодежные образовательные форумы; федеральные молодежные профессиональные форумы; иные молодежные форумы, организованные органами государственной власти федерального подчинения.

Полагаем необходимым рассмотреть дискуссионный вопрос о закреплении в законодательстве устоявшихся в практике молодежно-государственного взаимодействия терминов, применяемых для идентификации форумов молодежи различного типа. Так, на протяжении многих лет проводятся «Всероссийские форумы рабочей молодежи», тогда как Всероссийские образовательные форумы также обладают собственными наименованиями в зависимости от ставших традиционными мест их проведения в российских регионах: «Территория смыслов на Клязьме», «Таврида», «Арктика» и т.д.

Подобные площадки («Территория смыслов на Клязьме», Таврида) имеют несколько потоков, каждый из которых посвящен отдельному направлению общественно-политической и культурной жизни. Так, участники форумов на одних сменах обсуждают проблемы развития киноиндустрии, на других – направления социально-экономического развития страны. Особенность подобных мероприятий также заключается в том, что участники каждой из смен готовят свои уникальные проекты в одной из номинаций. После отсеивания слабых работ конкурсная комиссия приглашает авторов наиболее интересных проектов на очную защиту. Если члены жюри выставляют проектам высокие оценки, участники становятся победителями и получают различные призы и награды, в том числе стажировки в органах власти.

Еще одна форма вовлечения молодежи в политику в современной России – создание молодежных парламентов и молодежных правительств в субъектах страны. Как отмечает политолог В. Мясоедова, формирование

института молодежных политических элит требует системного подхода в «становлении молодого человека и его политической социализации»²⁰⁶.

Основными направлениями работы молодежных парламентских структур могут быть признаны: 1) представление интересов молодежи перед органами государственной и муниципальной власти; 2) участие в законодательном обеспечении государственной молодежной политики; 3) выдвижение резерва кадров для государственной власти и муниципального управления; 4) просветительно-пропагандистская деятельность в молодежной среде.

По сведениям на 2018 год, в Российской Федерации созданы молодежные парламенты в 81 ее субъекте²⁰⁷. Однако только в 11 из них они наделены правом законодательной инициативы, среди которых: Еврейская автономная область, Республика Дагестан, Ставропольский край и области: Волгоградская, Калужская, Курганская, Магаданская, Оренбургская, Самарская, Томская, Тамбовская. Кроме того, статистика свидетельствует о наличии более 3 тысяч молодежных парламентов в муниципальных образованиях. Примерная численность членов органов молодежного общественно-политического представительства в Российской Федерации оценивается в 40 тысяч активистов²⁰⁸.

В качестве примера приведем состав и механизм формирования молодежных парламентов ряда регионов Центральной России. Например, в 2017 г. из 50 членов Молодежного парламента Орловской области 20 человек являлись работниками исполнительно распорядительных органов местного самоуправления, 2 человека представляли региональное общественное движение «Патриоты Орловщины», по 1 человеку – региональное отделение

²⁰⁶ Мясоедова В.А. Формирование института молодежных политических элит в контексте политических преобразований в Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия Политология. – 2016. – №4. – С. 20.

²⁰⁷ Михайловская М. Молодежный парламент научит писать законы // Парламентская газета. – 2018. – №21. – 1-7 июня. – С. 20.

²⁰⁸ Программа Молодежного парламента при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации на 2016—2021 годы (проект) [Электронный ресурс] URL <https://docviewer.yandex.ru/view/148876571/?>. (Дата обращения 23.08.2017 г.)

общественного движения «Молодая Гвардия Единой России» и организацию «Российские Студенческие отряды», 8 человек представляли фракции 4 федеральных политических партий в областном Совете народных депутатов, 1 человек был делегирован представительным муниципальным институтом – Орловским городским советом народных депутатов, 10 человек – четырьмя высшими учебными заведениями региона, 5 – Ассоциацией общественных объединений «Общественная палата Орловской области».

Таким образом, общественный сектор молодежной политики области в лице делегатов молодежных общественных объединений представляют 4 члена молодежного парламента, имеют опыт законотворчества 9 молодых парламентариев. 40% молодых парламентариев – 20 человек из 52 членов, – на самом деле представляли муниципальную исполнительную власть²⁰⁹.

В состав Молодежного парламента Липецкой области третьего созыва (2015-2021 гг.) входит 40 человек. Его формируют по одному депутату от каждого муниципального района или городского округа, по одному делегату от политических партий, которые представлены в областном Совете народных депутатов, а также кандидат от Детской Ассамблеи. Остальные депутаты избраны по конкурсу в порядке самовыдвижения.

Молодежный парламент при Брянской областной Думе формируется сроком на 2,5 года, состоит из сорока пяти членов. Тридцать пять членов делегируются в состав Молодежного парламента от каждой административно-территориальной единицы Брянской области по согласованному представлению представительных и исполнительных муниципальных органов. Десять членов Молодежного парламента избираются на конкурсной основе от региональных отделений политических партий, имеющих фракции в Брянской областной Думе, от региональных отделений всероссийских и межрегиональных молодежных общественных

²⁰⁹ Состав Общественного молодежного парламента Орловской области. [Электронный ресурс] URL [//oreloblsovet.ru/structure/organy-pri-oblastnom-sovete/molodejnyiy-parlament/sostav-obschestvennogo-molodejnogo-parlamenta.html](http://oreloblsovet.ru/structure/organy-pri-oblastnom-sovete/molodejnyiy-parlament/sostav-obschestvennogo-molodejnogo-parlamenta.html) (Дата обращения 21.11.2017 г.)

объединений; от учебных заведений высшего и среднего профессионального образования, от трудовых коллективов предприятий, в деятельности которых принимает участие молодежь – более 200 человек, – от инициативной группы молодежи в составе не менее 500 человек, от региональных общественных объединений (землячеств, общин и т.п.).

В состав молодежного парламента Тульской области созыва 2014 г. вошли 55 членов. В данном регионе очевидно доминирование принципа партийного представительства, в связи с чем более половины членов молодежного парламента достаются отделениям парламентских и непарламентских партий. Оставшиеся 13 мест получают депутаты представительных органов местного самоуправления и молодежные активисты.

Иная ситуация наблюдается при формировании Молодежной общественной палаты Курской области. В рамках данной структуры из 50-ти депутатов только 9 человек представляют фракции 3-х федеральных партий в региональном парламенте, почти половина – 24 человека – высшие и средние учебные заведения, а остальные – 15 человек – были выдвинуты общественными объединениями федерального и регионального уровней, 2 человека представляли муниципальные молодежные парламенты.

В итоге, принципы формирования и сфера компетенции региональных молодежных парламентов определяется позицией властей субъектов Федерации, что создает широкую возможность внедрения альтернативных вариантов деятельности указанных акторов молодежной политики под патронажем региональных политических элит. Как правило, большая часть молодежных парламентов регионального звена в значительной степени выражает интересы не столько молодежных сообществ, сколько различных сегментов «политического класса» субъектов Федерации и муниципий.

Свидетельством тому можно назвать преобладание в большинстве молодежных парламентов не общественных молодежных объединений, а

представителей фракций или первичных организаций политических партий (Тульская область), тесно аффилированных с региональной властью Общественных палат (Орловская область), а наличие возможности кадрового отбора кандидатур в молодежные парламенты со стороны управленческой бюрократии муниципальных образований (Орловская, Брянская, Липецкая области). Особое место занимает модель молодежного парламентаризма Курской области, где большую часть состава Молодежной общественной палаты формируют органы студенческого и ученического самоуправления, а также региональные отделения общественных объединений.

На федеральном уровне наиболее известен Молодежный парламент при Государственной Думе. Основной целью создания указанного потенциального элемента институционального механизма молодежной политики стали изучение проблем российской молодежи, обеспечение оперативной реакции на них органов исполнительной и законодательной власти, вовлечение представителей молодежи в процесс решения актуальных проблем посредством формирования законодательных инициатив и возможности привлечения молодых граждан к решению вопросов государственного значения.

В соответствии с официальными документами, Молодежный парламент при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации должен выступать совещательным и консультативным органом и реализовывать свои задачи на общественных началах. Молодежный парламент при нижней палате Федерального Собрания наделен полномочиями по принятию и направлению рекомендаций для их рассмотрения в профильных комитетах Государственной Думы, принятию обращений к органам государственной власти, а также принятию решений по организационным вопросам²¹⁰.

²¹⁰ «Об Общественной молодежной палате (Молодежном парламенте) при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 41. – Ст. 5143.

Принцип комплектования молодежного парламента при Государственной думе следует признать недостаточно гласным и репрезентабельным относительно представительства молодежных интересов в верховном законодательном органе страны. Его состав комплектуется делегатами, которых избирают на заседаниях молодежных парламентов субъектов Российской Федерации. Таким образом, данный субъект молодежной политики формируется представителями таких же молодежных квазипарламентов регионального уровня, то есть совещательных институций, члены которых не обладают практическим опытом законотворческой деятельности.

О факультативном характере деятельности Молодежного парламента при Государственной Думе может свидетельствовать отсутствие сведений о включении данного органа молодежного парламентаризма в структуру нижней палаты Федерального Собрания. Например, сведения о Палате молодых парламентариев при Совете Федерации – ее организации, кадровом составе, ежегодных отчетах о проделанной работе – своевременно публикуются на портале верхней палаты Федерального Собрания, тогда как данные о функционировании Молодежного парламента продолжают оставаться прерогативой для внутреннего пользования рассматриваемого органа молодежной политики. В свою очередь, несмотря на провозглашенную задачу создания законопроекта федерального закона «О молодежи», членам Молодежного парламента по состоянию на 2019 год не удалось выполнить это поручение, и указанный документ не был представлен общественности и депутатскому корпусу для дальнейшего обсуждения.

В свою очередь, при верхней палате российского Федерального Собрания созданы два субъекта молодежного парламентаризма – Молодежная парламентская ассамблея и Палата молодых законодателей. Задачи первого из них состоят в организации взаимодействия Совета Федерации с молодежными парламентами регионального звена,

молодежными общественными объединениями и движениями по вопросам государственной молодежной политики. Молодежная парламентская ассамблея является совещательным институтом, работающим при Совете Федерации на постоянной основе. По сути, ее пытались создать в качестве аналога представительства субъектов Федерации, спроецированных на интересы молодежных сообществ регионов при верхней палате парламента страны. Членство в МПА организуется на принципах ротации, которая осуществляется один раз в два года.

Согласно авторскому мнению, по своим целям и задачам данный субъект весьма близок молодежному парламенту при Государственной Думе. Именно ассамблея, по замыслу своих создателей, должна координировать деятельность молодежных парламентских структур в регионах и муниципалитетах. Она наделена правом мониторинга федерального и регионального законодательства в сфере политики в отношении молодежи, участия в парламентских слушаниях, «круглых столах» по вопросам развития и поддержки молодежи. Наиболее значимой из задач рассматриваемого субъекта признаем обеспечение региональных и муниципальных молодежных консультативно-совещательных институтов и молодежных объединений объективной информацией о состоянии, проблемах и приоритетах реализации государственной молодежной политики. С другой стороны, Молодежная парламентская ассамблея обязана доносить до Совета Федерации сведения о реальном состоянии молодежной политики в форме информационно-аналитических докладов и записок.

Помимо Молодежной парламентской ассамблеи при Совете Федерации создана и действует Палата молодых законодателей, включающая депутатов представительных органов субъектов Федерации и муниципальных образований. Однако ее полномочия как совещательного органа, а также многообразие вопросов и инициатив, рассматриваемых парламентариями, входящими в ее состав, не позволяют признать Палату полноправным и

эффективным субъектом молодежной политики. Например, согласно отчету за 1-е полугодие 2016 г, представители Палаты молодых законодателей участвовали в 10 мероприятиях Комитетов Совета Федерации, из которых к сфере молодежной политики относился «круглый стол» на тему «Молодежная дипломатия как неотъемлемая часть международного сотрудничества»²¹¹.

В 1-м полугодии 2015 г. депутаты-члены Палаты проводили мониторинг законодательства субъектов Федерации, регулирующего вопросы патриотического воспитания граждан. То есть в определенной мере проведенная работа затрагивала тематику молодежной политики, однако среди 12 внесенных за это время законотворческих инициатив не были отражены проблемы поддержки молодежи в российском законодательстве²¹². С другой стороны, за рассматриваемый временной период члены Палаты принимали участие в 6 молодежных форумах. Конкретно, в Ленинградской области, Калининградской области, Ставропольском крае, в Молодежном форуме «Итуруп-2015», Всероссийских молодежных образовательных форумах «Таврида» и «Территория смыслов на Клязьме».

Основной формой работы молодых парламентариев с молодежными активистами стало проведение мастер-классов по нормотворческой деятельности и дискуссии по проблемам законодательного обеспечения молодежной политики, патриотического воспитания. Рассматриваемый тип объединения в сфере молодежной политики имеет тенденцию к наращиванию своих возможностей на региональном уровне, где на 2015 г. были созданы Советы молодых депутатов в 25 субъектах федерации, и еще в 27 субъектах они пребывали в стадии формирования.

²¹¹ Отчет о работе Палаты молодых законодателей при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации за 2016 год. [Электронный ресурс] URL <http://council.gov.ru/media/files/41d586eee0a4f20f7883.pdf/>. (Дата обращения 21.12.2017 г.).

²¹² Отчет о работе Палаты молодых законодателей при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации за 1-е полугодие 2015 г. [Электронный ресурс] URL <http://council.gov.ru/media/files/41d586eee0a4f20f7883.pdf/>. (Дата обращения 21.12.2017 г.).

Оценивая вклад Палаты в решение задач молодежной политики, следует указать, что при несомненной активности молодых парламентариев, указанный орган к настоящему времени еще не проявил себя в качестве эффективного элемента механизмов политики государства в отношении молодежи. Необходимым условием для включения Палаты в институциональную подсистему механизма молодежной политики следует признать ее регулярную работу по нормативно-правовому обеспечению интересов и потребностей молодежи на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Из 176 членов данного органа 59 являются депутатами региональных представительных собраний, тогда как 117 представляют муниципальные представительные институты²¹³. В то же время кадровый состав Палаты по способу комплектования и кадровому составу выглядит более предпочтительным в качестве субъекта молодежной политики по сравнению с Молодежным парламентом и Молодежной парламентской ассамблеей. Палату формируют депутаты, имеющие опыт практической деятельности в представительных структурах. Тогда как аналогичные организации – Молодежный парламент и Молодежная парламентская ассамблея заметно уступают в кадровом составе, а значит – и в уровне компетенции в сфере молодежной проблематики, а также в уровне легитимности в молодежной среде.

Реформирование институционального механизма молодежной политики требует увеличения роли и значения его общественного сектора, особенно представленного молодежными объединениями, движениями, организациями, ассоциациями. Приоритетным направлением в данной области должно стать развитие института молодежного парламентаризма, который необходимо преобразовать в связующий элемент между государственным, муниципальным и общественным секторами

²¹³ Палата молодых законодателей. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL. <http://chamber-of-yl.ru/o-palate/chleny-palaty/>. (Дата обращения 21.12.2017 г.).

институционального механизма поддержки и развития российской молодежи.

Ключевыми мерами по преобразованию молодежных парламентов регионального и муниципального уровней могут быть избраны отказ от представительства в их составе влиятельных акторов субнационального политического процесса – первичных партийных организаций и управленческой бюрократии административно-территориальных образований субъектов Федерации. Оптимальным видится комплектование кадрового корпуса молодежных парламентов субъектов Федерации и представительных органов власти муниципалитетов молодыми депутатами, избранными в региональные и местные представительные органы как от партий, так и в порядке самовыдвижения, а также делегатами от молодежных общественных объединений и студенческого и ученического самоуправления.

Молодежные парламенты регионального и муниципального звеньев, доказавшие высокий уровень своей общественно-политической активности, могут наделяться правом законодательной и нормотворческой инициативы. Критерии готовности молодежных парламентов к роли инициатора нормотворчества должны быть прописаны в федеральном и региональном законодательстве.

В рамках данного пункта диссертационного исследования нам представляется необходимым рассмотреть формы поддержки молодежных организаций со стороны государства, поскольку без этого осуществление их деятельности было бы невозможно. Российские исследователи В. Комов и А. Матросова под государственной поддержкой понимают методы и практики органов государственной власти в стране, которые принимаются в области молодежной политики. Это делается для формирования всех условий для развития и поддержки молодежной активности и ее социализации.

В настоящий момент формы и меры государственной поддержки молодежных и детских общественных объединений регулируются Федеральным законом от 28 июня 1995 г. №98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» и рядом изменений к нему. Как отмечают российские исследователи А. Докшина и З. Фардзинова, помощь молодежным и детским общественным объединениям осуществляется в нескольких наиболее важных направлениях. Это «финансовая поддержка, информационная и научно-методическая поддержка, кадровая поддержка»²¹⁴. Без активной помощи со стороны государства деятельность подобных организаций была бы невозможна, а, учитывая ее важную социальную миссию, руководством страны должно уделяться серьезное внимание данному направлению политического участия.

Упомянутые нами ранее В. Комов и А. Матросова разделяют государственную и муниципальную поддержку молодежных общественных организаций. В рамках первого направления происходит процедура регистрации объединений; информирование их руководителей о проведении профильных мероприятий (обучающие семинары, объявление о грантах и конкурсах); финансирование мероприятий, проводимых молодежными организациями; подготовка профессиональных кадров для работы в подобных учреждениях. Под муниципальной поддержкой общественных организаций понимается следующее: «...Обеспечение прав молодого населения, гарантий в сфере труда и занятости, поддержка предпринимательской деятельности»²¹⁵ и др. Кроме того, муниципальные органы власти должны осуществлять грамотную политику в области поддержки молодых семей, талантливой молодежи, интеграцию в активную

²¹⁴ Докшина А.Ю., Фардзинова З.А. Анализ государственных программ поддержки молодежных и детских общественных объединений в Дальневосточном федеральном округе // Интерактивная наука. – 2016. – №4. – С. 55.

²¹⁵ Комов В.Э., Матросова А.О. Направления муниципальной поддержки молодежных и детских общественных организаций // Демидовские чтения: экономика и образование. – 2017. – №1. – С. 150.

социальную жизнь молодых людей, попавших в сложную жизненную ситуацию.

Отдельное внимание следует уделить развитию детских общественных организаций. Как отмечает российский исследователь Г. Хохлявина, под детскими объединениями понимается «формирование, в котором самостоятельно или вместе с взрослыми добровольно объединяются несовершеннолетние граждане для совместной деятельности, удовлетворяющей их социальные потребности и интересы»²¹⁶. В российской политической практике сложилась строгая система воспитания дошкольников и младших школьников в рамках движения октябрят и пионеров. Кроме того, имеется серьезное теоретическое наследие в педагогике, основанное на трудах А. Макаренко, В. Сухомлинского и других авторов. Наибольшую распространенность в настоящее время получили движения скаутов, а также ведется активная работа в летних лагерях разной тематической направленности.

Таким образом, в современной России система встраивания молодежи в политическую систему находится на стадии становления. При этом каждое из звеньев молодежи (дошкольники, младшие и старшие школьники, студенты) тем или иным образом привлекается к участию в политической жизни страны. Если совсем юных россиян в политическую повестку вовлекают в игровой форме, то работа со школьниками и студентами ведется в рамках предложения им участия в подготовке проектов по трансформации социально-политической ситуации в стране. Кроме того, в последние годы большую информационную поддержку получили молодежные форумы, которые стали центром притяжения наиболее креативных и активных членов общества.

²¹⁶ Хохлявина Г.А. Детские и молодежные общественные объединения как компонент воспитательной системы // Актуальные проблемы развития современной науки и образования. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 апреля 2015 г. – Часть V. – М: «АР-Консалт», 2015 г. – С.41.

Далее, отдельное место занимают молодежные парламенты и правительства в субъектах страны. Данный инструмент вовлечения молодежи в политическую деятельность начал складываться в середине 2000-х годов. Однозначно оценить его эффективность в настоящее время представляется достаточно сложным, поскольку зачастую деятельность молодежных парламентов и правительств носит закрытый характер, поскольку не до конца разработана система информационно-коммуникационного сопровождения их активности в субъектах страны.

Кстати, исследуя проблематику политического представительства российской молодежи, стоит полагать, что активная ее часть использует все пять идеально-типических форм представительства Б. Джессопа. Это клиентелизм (обмен политической поддержки на распределение ресурсов), корпоративизм (соотнесение с интересами определенных групп), парламентаризм, плюрализм институционализированных каналов доступа к государственным аппаратам для политических сил и *raison d'etat*. В пятом случае речь идет о нелегитимных попытках вмешательства посредством угроз безопасности государства, общества. *Raison d'etat* – это неформальные каналы представительства: параллельные сети власти, распространяющиеся за пределы «формальных границ государства и устанавливающие всеобщие сети и комплексы власти»²¹⁷.

3.3. Государственно-управленческое регулирование в сфере молодежных субкультур и контркультур как фактор обеспечения стабильности политического развития России

Специфической тенденцией развития российской молодежи, следует признать формирование особых молодежных субкультур, некоторые из

²¹⁷ Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее. / Боб Джессоп; пер. с англ. С. Моисеева; под науч. Ред. Д. Карасева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – С. 135-138.

которых способны проявлять себя и в сфере политических отношений. Ряд исследователей прямо связывают возникновение и распространение субкультур и контркультур молодежи со становлением постиндустриального (информационного) общества. В отмеченный период отмечается умножение индивидов и групп, вытесняемых из социума и испытывающих трудности в приспособлении к доминирующей системе моральных норм и социальных ценностей. Необходимо принять во внимание мнение, согласно которому формирование молодежных субкультур может трансформироваться в такую их разновидность как «контркультуры», стихийно или организованно протестующие против устоев жизнедеятельности и существования того социума, в котором они проживают. Это относится и к современной России.

В процессе становления личности любой человек проходит ряд стадий, которые серьезно влияют на его социализацию, умение взаимодействовать с другими членами общества, выстраивая, таким образом, гармоничные отношения. Вместе с тем, представители молодого поколения зачастую не находят отражения своих интересов, поддержки, платформы для реализации определенных задач и идей среди официальных институтов (школа, среднее специальное, высшее учебное заведение). В подобном случае молодые люди стремятся найти недостающие им способы приобщения к некой социальной группе, которая бы стала идеальным, или, как минимум, приемлемым способом самовыражения. Зачастую представители молодого поколения становятся частью субкультур, определенных неформальных объединений, которые в ряде случаев имеют деструктивный характер.

Начнем с того, что образование молодежных групп является одним из способов выражения конкретных общественных отношений. При этом, у подобной группы должны быть определенные признаки, отличающие ее членов от «остальных». Социолог Т. Парсонс при изучении поведения групп молодежи использует понятие *peer group* – неформальное объединение молодежи, гомогенное по своей структуре, основными характеристиками

которого являются освобождение от контроля представителей старшего поколения, получение собственной независимости, раскрытие потенциала²¹⁸. Подобные группы имеют свойство складываться за пределами общеобразовательных учреждений. Они формируются между первым социальным объединением в жизни человека – семьей и вторым – школой. Иными словами, *peergroup* (или неформальные объединения молодежи) появляются как группы «свободного времени».

Естественно, члены таких групп должны обладать общим набором черт, способов социального поведения, а также находиться в одной возрастной группе для лучшего понимания лексикона, принятия общих героев. Кроме того, члены подобных объединений должны быть территориально близки друг к другу для осуществления общих акций и более частого времяпровождения.

Американские политологи Дж. Хилл и Дж. Шелтон отмечают, что появление *peergroup* в большинстве случаев происходит по похожему сценарию, поэтому не зависит от социокультурной среды. Так, «вначале складывается статусная иерархия с явно выраженными функциональными позициями, стабилизируется высшее и низшее положение в группе»²¹⁹. В том случае если у группы появляются новые устремления, то главный в таком объединении также может поменяться.

Многие исследователи признают, что основной этап социализации молодежи происходит именно в гомогенизированных социальных группах, которым свойственно наличие общей культуры, ценностей и характеристик. При этом, под культурой понимается не только наличие общих предпочтений в сфере развлечений (музыка, кинофильмы, хобби), но и внешний вид – прически, одежда, аксессуары, показывающие принадлежность к

²¹⁸ Gose M.D. The challenge of greatness. The legacy of great teachers. – Rowman & Littlefield education. A division of Rowman & Littlefield Publishers, Inc. Lanham. – New York, Toronto, Plymouth, UK. – 2012. – 158 p. – P.121

²¹⁹ Hill J.P. and Shelton J. Readings in Adolescent. Development and behavior. – Englewood Cliffs, New Jersey. – 1971. – 430 p. – P. 216.

определенной группе. Таким образом, происходит формирование субкультурных объединений, основная цель которых – стать площадкой для социализации подрастающего поколения, которая помогала бы им в самовыражении и сепарации от старших родственников.

Политолог Д. Бааке рассматривает субкультуру как «собирательное понятие для обозначения различных феноменов, представленных в виде шкалы»²²⁰. Заметим, что ее точкой отсчета считается именно reergroup (гомогенизированная группа молодежи), с которой начинается создание неформальных объединений. Второй этап – естественное конструирование молодежных групп, которые отрицают или считают чуждыми устоявшиеся общественные нормы. Третий этап форсирования субкультуры – молодежь, которая максимально решительным образом отвергает любой порядок, любые предлагаемые ей ценности. Подобные группы имеют наиболее высокий протестный потенциал, который носит деструктивный характер, вплоть до экстремистских проявлений.

Основная черта любой молодежной субкультуры – отрицание всевозможных проявлений культуры «взрослых». Таким образом, члены подобных объединений стремятся к проявлению самостоятельности суждений практически по любой существующей проблеме, формированию собственного статуса, получению престижа среди сверстников, который недополучается в обществе взрослых. Естественное, в таких условиях членами субкультуры могут стать личности, которые, по мнению социолога Т. Парсонса, можно причислить к маргинальным.

Маргинал, или, по определению Т. Парсонса, «маргинальный человек»²²¹, обладает специфическими признаками, которые свойственны только ему. Во-первых, это наличие психической нестабильности, которую на начальном этапе взаимодействия определить не так просто, особенно

²²⁰ Baacke D. Jugend und subkultur. JuventaVerlag, 1972. – 205 p. – P. 27.

²²¹ Цит. По: Стоунквист Э. Маргинальный человек: исследование личности и культурного конфликта // Личность. Культура. Общество. – 2006. – Т. VII, Вып. 1. – С. 10.

неподготовленным членам группы. Во-вторых, это постоянное чувство беспокойства и собственной неловкости. Такие люди не имеют достаточного опыта социального взаимодействия, закрыты в себе и не способны к формированию здоровых отношений, как дружеских, так и более личных.

Естественно, у молодого человека, только вышедшего из-под опеки родителей, присутствует чувство социальной неуверенности, непонимание своего места в мире, нехватка опыта при принятии важных решений. Это результат так называемого вынужденного, если не сказать принудительного, перехода от статуса ребенка к статусу подростка. Вовлечение еще неокрепших с психологической точки зрения людей, не имеющих достаточного опыта социального взаимодействия, в том числе в части противодействия негативному влиянию, возникающему через общение, приводит к формированию сильных протестных субкультур.

По мнению Т. Парсонса, субкультура – понятие сугубо негативное, поскольку происходит открытое противостояние между культурой молодых и традиционной культурой родителей. При этом, члены субкультурных объединений не имеют никаких позитивных проявлений деятельности, которые могли бы способствовать профессиональному и личностному росту молодого человека. Как отмечает Т. Парсонс, молодежная субкультура – это «общественно инвариантное явление, которое выражается, прежде всего, в существовании и деятельности *peergroup*»²²².

Однако не все авторы оценивают субкультуры с негативной точки зрения. Так, социолог Р. Бэлл²²³ утверждает, что это всего лишь одна из фаз социализации личности, которая обязательно должна быть пройдена каждым молодым человеком для собственного роста и наработки определенных техник взаимодействия. По мнению автора, в этот период происходит поиск социального статуса, который не может быть получен ни в семье (поскольку

²²² Parsons T. The system of modern societies Englewood Cliffs (N J) Prentice-Hall, 1971. – 320 p. – P. 71.

²²³ Bell R.R. Die tell kultur der Jugendlichen, n: Friedeburg L. (Hrsg.). Jugend in der modernen Gesellschaft. – Koln/Berlin, 1965. – 400 p.

здесь сформированы устойчивые вертикальные связи в системе «родитель-ребенок»), ни в школе (слишком крепким является проявление взаимодействий «учитель – ученик»). В этой связи формирование социального статуса происходит в неформальных молодежных группах, среди сверстников, которые равны между собой.

Кроме того, ряд авторов полагает, что приобщение человека к субкультуре – естественный процесс, а со временем она утрачивает свою социальную и смысловую значимость в жизни человека, поскольку стремление к протесту и противостоянию с культурой взрослых больше не является актуальной задачей для уже подросткового и сформировавшегося человека. В связи с чем, по мнению Р. Швендтера, субкультура решает самые элементарные конфликты: какую одежду носить, какая длина волос и цвет являются приемлемыми, как поздно можно возвращаться с прогулки и т.д. Как итог, членство в субкультуре не несет за собой никаких отрицательных последствий ни для самого человека, ни для членов его семьи, ни для общества в целом.

Отметим, что еще одной чертой субкультуры, помимо отрицания существующих норм и принципов, является единообразие: в стиле одежды, в образе поведения. Взамен молодой человек получает право войти в группу, стать ее полноправным членом, получить дополнительные способы взаимодействия с представителями своего поколения.

Но не все авторы позитивно оценивают роль субкультур в адаптации личности и процессе ее становления. Некоторые теоретики видят в субкультуре негативный вариант общей культуры общества. При этом, негативные проявления исходят, в первую очередь, от среды, в которой жил индивид до прихода в субкультуру. То есть вероятность деструктивных проявлений в субкультуре выше в полукриминальных и криминальных районах населенных пунктов. Заметим также, что лица, проживающие в подобных условиях, не придерживаются откровенной социальной анархии:

наоборот, им свойственны строгая дисциплина, беспрекословное подчинение старшим. Однако подобное «послушание» в большинстве случаев приводит к совершению противоправных действий: грабежи, разбои, убийства, наркоторговля и т.д.

Для данного явления политолог А. Коэн предлагает определение «мужская субкультура»²²⁴. По мнению автора, криминальная субкультура представляет собой частный случай общей субкультуры. Носителями такой субкультуры являются представители низших слоев населения, среди которых большинство – рабочие, пролетариат или люди со средним специальным образованием. Еще одна черта подобной субкультуры – абсолютное большинство ее представителей мужчины, а женщины либо не представлены вовсе, либо их процент примерно равен статистической погрешности.

В России интерес к изучению проблематики формирования субкультур и вовлечения в них молодежи обусловлен рядом причин. В первую очередь, это связано с возрастанием роли молодых людей в политической жизни страны. Неслучайно именно молодые люди являлись движущей силой протестных акций в ряде стран постсоветского пространства (в т.н. «цветных революциях»), а также в ходе массовых выступлений в Москве летом 2019 года. Именно поэтому подготовка серьезной теоретической базы для изучения особенностей формирования и поведения молодежи в субкультурных объединениях – одно из наиболее актуальных направлений работы.

Возникновение сильных субкультур на территории постсоветского пространства обуславливается рядом причин. Как отмечают политологи С. Бородина и Е. Ковальчук, «социентальный кризис, коснувшийся части постсоветской молодежи, вынудил ее к поиску новых форм идентичностей, утверждающих ее социальный статус и обеспечивающих реальную или

²²⁴ Cohen A.K. Kriminelle Jugend, Reinbek del Hamburg, 1961. – 154 p.

иллюзорную коллективную защищенность, возможности для творческой, интеллектуальной, профессиональной, общественной самореализации»²²⁵. Таким образом, в странах постсоветского пространства, к которым относится и Российская Федерация, сформировался ряд факторов, влияющих на развитие той или иной субкультуры. К ним следует отнести: политическую, экономическую и социальную нестабильность; всеобъемлющие изменения в структуре и методах социальной мобильности населения; разрушение устоявшихся норм и ценностей, которые до этого отвечали за формирование социальной солидарности и идентичности.

Отечественный политолог И. Ковшова выделяет следующие виды субкультур на территории России. Во-первых, делинквентная культура, которая представляет собой набор «негативно интерпретированных норм и ценностей традиционной культуры, функционирующих в качестве культуры преступного слоя общества»²²⁶. Во-вторых, «особая форма организации людей – автономное целостное образование внутри господствующей культуры, определяющее стиль жизни и мышления ее носителей, отличающееся своими обычаями, нормами, комплексами ценностей»²²⁷. В-третьих, «трансформированная система ценностей традиционной культуры»²²⁸, которая имеет особую идеологическую составляющую.

В политическом процессе современной России можно выделить ряд субкультур, которые несут серьезную опасность социальной стабильности России, в том числе для молодежи. Так, в 2016 году в стране стало широко известно о так называемых «группах смерти»²²⁹. В социальной сети «ВКонтакте» были созданы группы («Синий кит», «Разбуди меня в 4:20», «Красная сова», «Море китов» и др.), члены которых – молодые люди в

²²⁵ Бородина С.Н., Ковальчук Е.О. Роль субкультур в социальной мобильности молодежи в постсоветском пространстве // Теория и практика общественного развития. – 2012. – №4. – С. 226.

²²⁶ Ковшова И.В. Соотношение феноменов субкультуры, контркультуры и антикультуры // Основание и парадигмы современного общественного развития: сб. науч. ст. – Саратов. – 2005. – С. 220.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Мурсалиева Г. Группы смерти (18+) [Электронный ресурс]: URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18> (Дата обращения: 03.01.2020)

возрасте от 12 до 20 лет – должны были выполнять определенные задания, последнее из которых – самоубийство любым доступным способом. По подсчетам экспертов, за период с ноября 2015 года по апрель 2016 года 130 детей убили себя тем или иным способом, получая определенные наставления из групп в соцсетях.

Пользователи социальных сетей, по версии следствия, принимали участие в некой «игре», которая начиналась с публикации в социальных сетях постов с определенных набором хэштегов. После этого молодых людей находили, им выдавались задания. При этом основным условием участия в игре должны были стать анонимность наставника и абсолютная скрытность при исполнении заданий от взрослых.

Наибольшую популярность «игра» получила в 2017 году, когда более 800 человек выставили необходимые хэштеги, а через несколько дней две девушки из Иркутской области покончили жизнь самоубийством в результате выполнения «заданий»²³⁰. При этом, ряд экспертов утверждают, что никакого «Синего кита» не существовало, поскольку рост популярности таких сообществ был связан только с излишним привлечением внимания к проблеме самоубийств в подростковой среде, а также с появлением у подростков кумиров, которые также покончили жизнь самоубийством.

Вместе с тем, полученный общественный резонанс еще раз показал, что в России в настоящее время не только отсутствуют институты, которые занимались бы активным вовлечением подростков и молодежи во взрослую жизнь, но и отсутствие морально-нравственных ориентиров внутри семей, которые бы реализовывали наставническую и воспитательную функцию в семье. Вполне обоснованная паника родителей связана с тем, что, по данным экспертов, до 58% пользователей социальных сетей в возрасте от 8 до 16 лет

²³⁰ Чичигина А. Сибирячка после самоубийства 12-летней дочери спасает от «синих китов» чужих детей [Электронный ресурс]: URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/26651/3672264/> (Дата обращения: 04.01.2020)

сохраняют в тайне следы своего присутствия в Интернете²³¹, а также не делятся с родителями тем, в каких сообществах состоят.

В США, Великобритании и ряде других европейских стран проблема т.н. «мужских субкультур» неразрывно связана с темой нелегальной миграции, появления гетто, в которых компактно проживают представители других национальностей, которые не стремятся интегрироваться в иное культурное пространство или ассимилироваться с ним. Проживающие в данных районах люди совершают противоправные действия (грабежи, разбой, преступления на сексуальной почве), а возраст преступников колеблется от 13 до 40 лет.

При этом, в России в начале 2000-х годов начинала формироваться особая культура – А.У.Е. Представителями данной субкультуры выступают подростки, юноши, которые пропагандируют воровские и тюремные принципы поведения, а также воспевают криминальный мир и наиболее ярких его представителей. Подобным объединениям подростков свойственны соблюдение «воровского кодекса чести», формирование общего финансового фонда, который впоследствии распределяется между членами социальной группы на основании их статуса в коллективе, а также поддержка и защита еще не приобщившихся к ячейке А.У.Е. членов.

Развитие движения А.У.Е. в России вступило в активную фазу в 2011 году, когда банда подростков от 15 до 22 лет напала на один из киосков в Забайкальском крае. По сообщениям СМИ, налетчики нападали на торговые помещения, а также вели активную пропагандистскую деятельность по вовлечению школьников младших классов в свои ряды. Все средства, полученные в ходе противоправных действий, отсылались арестантам из

²³¹ Дети в социальных сетях. Лаборатория Касперского [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kaspersky.ru/about/news/virus/2016/actions-of-children-on-the-web> (Дата обращения: 04.01.2020)

ближайших мест заключения. Таким образом, члены молодежных формирований помогали «своим старшим товарищам»²³².

В феврале 2013 года учащиеся одного из ПТУ г. Читы, находясь в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, устроили массовые беспорядки²³³. Они перекрыли входы и выходы, выкидывали мебель из окон, скандировали наиболее известные слоганы движения А.У.Е. Общий ущерб, нанесенный молодыми людьми, составил около 340 тысяч рублей, а для их усмирения понадобилось привлечение сил СОБР и ОМОН.

Через год в Чите сотрудник правоохранительных органов попытался задержать вора в салоне мобильной связи, однако последний начал выкрикивать слоганы А.У.Е., после чего к нему на помощь подошли еще восемь человек. После ареста всей группы оказалось, что ее членами были молодые люди 1991-1993 г.р.²³⁴. В этом же году в Казани банда подростков 16 лет и их предводитель, которому на момент совершения правонарушений уже исполнилось 18, шантажировали школьника. После того как ребенок пришел на встречу с отцом, подростки из субкультуры А.У.Е. убили и ребенка, и отца, и мать, забрав денежные средства и машину убитых²³⁵.

В настоящее время число преступлений и правонарушений, совершаемых членами А.У.Е., не снижается, а в некоторых регионах (наиболее депрессивных с социально-экономической точки зрения) даже возрастает. Особую озабоченность у представителей профессионального и медиасообществ вызывает тот факт, что данная субкультура развивается в кадетских корпусах, в которых, наоборот, должны тщательно следить за морально-нравственным воспитанием учащихся. Кроме того, факты

²³² Петелин Г. «Уркаганы» взяли школы под контроль [Электронный ресурс]: URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/02/02/8053655.shtml> (Дата обращения: 04.01.2019)

²³³ Подросткам, устроившим массовые беспорядки в Чите, грозит до 10 лет лишения свободы [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/sibir-news/974158shtml> (Дата обращения: 04.01.2019).

²³⁴ Молодежь с КСК, так называемые «АУЕ», совершают преступления на Арахлее [Электронный ресурс]: URL: https://zab.ru/news/69146_molodezh_s_ksk_tak_nazyvaemye_aue_sovershayut_prestupleniya_na_arahlee (Дата обращения: 04.01.2019)

²³⁵ Тарасов А. Страна из трех букв [Электронный ресурс]: URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/06/16/72816-strana-iz-treh-bukv> (Дата обращения: 04.01.2019)

деятельности группировок А.У.Е. получают широкое распространение благодаря публикации видео в социальных сетях. У членов А.У.Е. есть свои лидеры мнений, блогеры, которые буквально своим примером показывают, как надо себя вести с остальными людьми. Естественно, подобная ролевая модель далека от идеальной.

Еще одна опасность, с которой приходится сталкиваться при рассмотрении феномена субкультур в современной России – экстремистские проявления. Поскольку после распада СССР роль организаций, занимающихся идеологическим и нравственным воспитанием молодежи, заметно снизилась, а за практически 30 лет в стране не было создано аналогов подобным юношеским и молодежным объединениям, сложно говорить об успешной социализации молодежи, нахождении ею своего места в жизни государства, наличии перспектив для личностного роста. Результатом этого является существенное увеличение девиаций в поведении молодежи, таких как экстремизм, наркотическая зависимость, самоубийства.

Естественно, экстремистские настроения и их проявления в виде акций неповиновения, противоправных действий разной степени тяжести, возникают не на пустом месте. Это связано с рядом факторов. Мы хотели бы выделить наиболее важные в рамках данного исследования. Во-первых, массовая безработица среди активных слоев населения. Поскольку у молодых людей ощущается острый дефицит средств к существованию, некоторые из них начинают прибегать к незаконному обогащению через совершение противоправных действий. С другой стороны, некоторые политические акторы, заигрывая с темой противодействия коррупции, с помощью видеороликов формируют у подрастающего поколения ощущения социальной безысходности, при которой сколько бы они ни работали, результата в виде наличия всех необходимых материальных благ, они бы не получали.

Во-вторых, отсутствие открытой политической борьбы в стране, консервация и уход в тень политических процессов. Поскольку молодые люди стремятся изменить мир вокруг себя, в том числе и в политической сфере, им необходимы определенные площадки для выражения собственных идей и концептов. Да, такие площадки есть в каждом субъекте страны (молодежные парламенты, молодежные правительства), но они закрыты для широкой общественности, и зачастую об их деятельности известно лишь весьма ограниченному кругу лиц.

В-третьих, увеличение массива текстов в СМИ, которые посвящены насилию, транслируют жестокие преступления против личности, а также акцентируют внимание на силовых способах решения конфликтов. Причем, данный фактор относится не только к официальным медиа: газеты, журналы, радио- и телепередачи, но и к фактам социальной действительности, публикуемым в социальных сетях. Следует обратить внимание, что сейчас у любого более-менее крупного города есть своя группа с множеством подписчиков (их число может достигать более 1 млн человек для городов федерального значения), где основной публикуемый контент – драки, ДТП и силовые методы решения возникших проблем, пожары, воровство. Все это оказывает свое негативное влияние на подрастающее поколение, благодаря чему у них формируется мнение о невозможности иного развития ситуации. Это ведет к последующей радикализации сообществ, а также увлечению экстремистскими течениями и организациями, деятельность которых запрещена на территории страны.

В-четвертых, в настоящее время в Российской Федерации отсутствует грамотная, всесторонняя программа по противодействию экстремизму в молодежной среде. Да, в школах и высших учебных заведениях проходят классные часы на тему толерантности и мирному сосуществованию всех членов общества, однако подобное насильственное насаждение норм морали вызывает у молодежи отторжение. Кроме того, высокий уровень

конфликтогенности в сфере межнациональных отношений, увеличение числа преступлений, совершаемых приезжими и нелегальными мигрантами, формирует у подрастающего поколения диаметрально противоположный взгляд на концепцию толерантности.

Проблему создания экстремистских сообществ на территории страны следует рассматривать с двух точек зрения. Во-первых, объединения, созданные представителями коренного населения с целью противодействия приезжим. Так, в декабре 2010 года состоялось самое крупное выступление представителей русских националистических организаций, которые получили название «выступление на Манежной площади». Основным требованием протестующих было проведение честного расследования по делу убитого приезжим из Закавказья футбольного фаната Егора Свиридова. В начале 2010-х годов большой популярностью пользовались организации, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации после признания их экстремистскими: ДПНИ (Движение против нелегальной иммиграции, лидер Александр Белов), Славянский Союз (лидер Дмитрий Дёмушкин), РНЕ (Русское национальное единство, лидер Александр Баркашов), а также группировки автономных национал-социалистов.

Основной контингент данных организаций – молодые люди в возрасте 13-25 лет, со средним специальным и высшим образованием, которые придерживаются правых или ультраправых взглядов. Однако после событий на Украине в 2014 году активность подобных организаций резко снизилась, что не было связано с решением проблем в этноконфессиональной сфере.

Во-вторых, объединения, созданные приезжими из стран бывшего СССР, основная цель которых – показать коренному населению свой вес, получить определенные политические, экономические и социальные преференции. Так, в ноябре 2019 года большой резонанс получило дело, связанное с деятельностью организации ВБОН («Во благо общего народа»).

Ее члены – молодые азербайджанцы старше 13 и моложе 33 лет. Они нападали на представителей коренного населения и на камеру требовали от них извинений за «неправильный образ жизни», не следование нормам ислама и т.д. В результате представители коренного населения, недовольные деятельностью приезжих, обратились в правоохранительные органы с целью признания организации экстремистской²³⁶.

Таким образом, логично предложить ряд заключений по третьему параграфу. В частности, появление субкультур и контркультур молодежи, так же, как и трансформация ценностных ориентаций молодых поколений постсоветской России, стало возможным из-за влияния условий общего кризиса общественного сознания переходного периода. На переломе эпох произошел отказ молодых людей от идеалов социалистического коллективизма, который не сопровождался глубоким усвоением ценностных установок либеральной демократии. Для значительной части российской молодежи характерно упрочение прагматического подхода, выраженного в ориентации на материальное благополучие и престижный и высокооплачиваемый род занятий. При этом среди молодых людей распространены потребительские настроения и социальное иждивенчество, криминализация ценностных ориентиров.

Вместе с тем, контроль за деятельностью неформальных объединений и молодежных субкультур осуществляется в большинстве случаев представителями органов правопорядка, прокуратурой и иными надзорными ведомствами. Основные мероприятия по профилактике правонарушений в молодежной сфере заключаются в проведении круглых столов, открытых семинаров и других мероприятий с участием школьников, студентов ссузов и вузов. Однако эффективность подобных мероприятий, исходя из того что интерес молодежи к деструктивным субкультурам год от года только увеличивается, данные инструменты являются низкоэффективными.

²³⁶ Избиения и экстремизм ходят рядом? [Электронный ресурс]: URL: <https://360tv.ru/news/tekst/izbienija-i-ekstremizm/> (Дата обращения: 04.01.2020)

И, наконец, нам представляется необходимым отметить, что контроль неформальных объединений и профилактика правонарушений в молодежной среде может быть эффективна при соблюдении условия трансформирования всей системы государственной молодежной политики. До тех пор пока с детского возраста подрастающее поколение не будут готовить ко взрослой жизни, в том числе через передачу правильных духовно-нравственных ценностей, говорить об успешной государственной молодежной политике не приходится. Наоборот, усиление центробежных тенденций в обществе, усиление социального расслоения, нерешенные вопросы в сфере межэтнических взаимоотношений через определенный промежуток времени могут стать факторами дестабилизации политической системы государства.

Подводя итоги по третьей главе диссертационного исследования, стоит выделить три важных вывода.

Во-первых, характер самоорганизации российской молодежи в качестве субъекта политики и социальной жизни определялись объективными условиями и проблемами ее становления как специфической социальной группы в пространственно-временном континууме трех десятилетий. Временем радикальных политических трансформаций 1990-х и политических изменений 2000-х годов. Однако продуктивность и социальная значимость молодежной самоорганизации РФ оставались невысокими и во многом были детерминированы качественно не отлаженным институциональными механизмами, которые общество и государство могли использовать для работы в молодежной среде. Для государственной молодежной политики РФ на всех временных отрезках была характерна своя актуальность, приоритеты, характеристики и эффективность. При этом, молодежная политика в РФ доказала свою необходимость и важность с точки зрения агрегирования и артикулирования интересов молодежи, ее политической социализации и политического участия.

Во-вторых, институционализированная инфраструктура в работе с молодежью как в лице ведомственных государственных институций, так и посредством участия негосударственных структур, помогая социальному развитию молодежи, содействовала нацieveобразованию, усиливая институциональное строительство и развитие гражданства. Этот процесс проходил сложно и противоречиво. Но он имел позитивный эффект для оформления институционального дизайна и политического развития. В итоге, в постсоветской России сложилась система гражданского и патриотического воспитания, представляющая собой основу формирования российской идентичности, как гражданской (государственной), так и этнической.

В-третьих, государственная молодежная политика РФ в разрезе политического развития опиралась на лояльные политическому режиму молодежные организации (неполитические объединения, молодежные крылья парламентских политических партий), на институционализированные гибридные молодежные структуры (молодежные парламенты и правительства). Это позволяло решать задачи политической репрезентации (представительства молодежи в широкой системе властных отношений) и политическом участии в подготовке и принятии решений. Кроме того, посредством социального контроля государственные институции снижали масштаб и влияние молодежной деструкции на подростково-молодежную среду и на устойчивость и стабильность политической системы, которые исходили от молодежной контркультуры, неформальных объединений молодежи, субкультур молодежной протестной активности.

Заключение

Диссертационное исследование проблематики государственной молодежной политики РФ как фактора институциональных изменений и политического развития позволило автору в рамках имеющихся научных подходов и теорий предложить следующее политологическое определение. Под молодежью стоит понимать символическую общность, для которой характерны следующие критерии. Во-первых, это идеал-типическое оценочное понятие, которое логично рассматривать в виде юности, чувственности и романтизма. Во-вторых, это стадийный формат в биографии индивида, сопряженный с особенностями политического времени. В-третьих, это энергетическая когорта, которая характеризуется определенным поведением в широком диапазоне от «бунта», «протеста» и «мятежа» к политическому конформизму, с наличием срединного положения в виде апатии, депрессии и ухода в себя. В-четвертых, это переходный возрастной статус с профессиональными и социально-политическими притязаниями.

В диссертационном исследовании не только обоснована позиция о том, что возрастные границы молодежи охватывают население страны в возрасте от 14 до 30 лет (в некоторых случаях, до 35 лет), но и, на основе разнообразных данных государственной статистики, приведены цифровые показатели российской молодежи в 1990-е и 2000-е годы. Так, например, в 1997 году доля молодежи (взяты когорты: 15-19 лет, 20-24 лет, 25-29 лет) составляла 31 млн 42 тыс. молодых людей, в 2000-м – 32 млн 718 тыс., в 2009-м – 33 млн 706 тыс., а уже в 2013 – 30 млн 557 тыс., в 2016 – 27 млн 588 тыс., в 2019-м – 24 млн 283 тыс. молодых людей.

При этом, автор доказал, что сокращение численности новых поколений, молодежная безработица, наркомания, алкоголизм, подростковые суициды, наравне с отсутствием системных лифтов для продвижения молодежи в профессии, сложностью политического представительства в

системе власти являются главными социальными и политическими проблемами общества. Кроме того, проблематика молодежной апатии, абсентеизма, политического участия молодежи затрудняет процесс демографического воспроизводства, увеличения инновационного ресурса, который сконцентрирован именно в молодежи. Следствием этого становится острая необходимость более масштабного социального развития, институциональных изменений, политического развития, задачи, которые может решить эффективная государственная молодежная политика в России.

Исследуя состояние и проблемы постсоветской молодежи с 1992 по 2020 гг., соискатель обосновывает гипотезу о том, что молодежный период в постсоветской России фактически прошли три новых генерации. Для данных генераций автор сформулировал следующие политологические оценки. Это «отвергнутое» поколение периода 90-х годов XX века. В этот период российское общество находилось на грани выживания, государство было слабым, государственные структуры, переживающие перманентный процесс трансформации, в лучшем случае были настроены на помощь ветеранам и пожилым людям, отвергая молодежь. Понимая, что в силу возраста она сама может побеспокоиться о себе.

Второе поколение постсоветской России – это «потерянное» поколение «нулевых» годов. Для политической власти этого десятилетия были иные приоритеты во внешней и внутренней политике. И молодежь как социально-возрастная группа «потерялась» на фоне глобальных проблем страны. Третье поколение – это «пробуждающееся» поколение 2010-х годов, которое в условиях социально-экономической и политической стабильности ощущает свои интересы, стремясь выразить их часть через призму «старых» и новых институтов в общественно-политической деятельности.

Данная характеристика трех поколений молодежи в постсоветской России позволила автору предложить свою периодизацию государственной молодежной политики в России (1992 – 2020 гг.). Первый период ГМП

можно очертить временными рамками с 1992 по 2004 годы; и его логично сформулировать как стрессовую политику становления равенства шансов для молодежи в контуре других социальных слоев и групп. Эта молодежная политика государства, даже при наличии специализированных подразделений по делам молодежи в составе правительства РФ, была политикой отката от тех социальных завоеваний, которые имели новые поколения в советский период.

Второй период государственной молодежной политики логично очертить периодом с 2005 по 2017 годы, обозначив ее как политику исправления ошибок и возвращения утраченного. Начало этого периода совпало со стартом административной реформы в РФ, которая произвела переход к модели нового государственного управления (государство выступает как институт, обеспечивающий «производство и предоставление государственных услуг») и завершилась началом подготовки к реализации 12 национальных проектов, в которых особое место отведено решению разноплановых проблем молодежи. Третий период государственной молодежной политики логично отсчитывать с 2018 года, когда был дан старт реализации 12 национальным проектам для «выполнения девяти целей национального развития». Данный (третий) период, который продлится, на наш взгляд, до 2024 года, целесообразно назвать инновационным периодом ГМП, поскольку такая политика предполагает внедрение инноваций в социальное развитие российской молодежи, формируя ее в качестве конкурентного преимущества страны.

Государственная молодежная политика РФ, проходившая период институционализации на первом этапе, изначально была отраслевой государственной политикой, охватывающей отдельную возрастную группу. Эту политику реализовывало специальное ведомство в системе исполнительной власти – комитет РФ по делам молодежи. С течением времени, в силу сложности и масштаба решаемых задач, отраслевая

государственная молодежная политика (ГМП) оформлялась как часть государственной социальной политики (в период 2000-х ведомства по делам молодежи находились в структуре крупным министерств). А с началом осуществления 12 национальных проектов, в рамках которых реализуются задачи социального развития молодежи и воспроизводства молодежного ресурса, государственная молодежная политика (ГМП) фактически становится межотраслевой политикой.

Существующие же проблемы молодежи требуют от органов власти и управления при реализации отраслевых политик большей эффективности (Паретто-эффективности). Это когда общественное благосостояние максимально при таком состоянии экономики и общества, когда никто не может улучшить свое положение, не ухудшая положения другого. Соответственно, в рамках выделенных трех периодов, государственная молодежная политика в РФ была: в 1992-2004 – неэффективной, с 2005 по 2017 – частично эффективной. И лишь начиная с 2018 года, молодежная политика государства обретает контуры системной эффективности. Основой для эффективности такой политики является реализация 12 нацпроектов как фактор продуктивных институциональных изменений и национального развития страны, социально-экономического и политического.

В рамках современного политического процесса характерно наличие двух противоречивых тенденций в отношении институциональных изменений в постсоветской России. Государственная молодежная политика РФ в 1990-е и 2000-е годы не отличалась особой интенсивностью в строительстве новых институтов в молодежной среде. К примеру, в стране так и не сформировались массовые молодежные организации, ориентированные на производство и воспроизводство гражданственности и патриотизма. Более того, политическое поведение государственных институций не предполагало активной роли в социальном контроле деструктивных институтов в молодежной среде: молодежных субкультур,

неформальных объединений. Вместе с тем, становление ряда новых институтов и модернизация «старых» способствовали позитивным и продуктивным институциональным изменениям. Это, в свою очередь, предопределило тренд на социальное развитие новых генераций, которые последовательно становятся значимым ресурсом общества в социально-экономическом и политическом развитии страны.

Государственная молодежная политика в РФ в разрезе политического развития, безусловно, учитывала и учитывает участие молодежи в оформлении политической нации (гражданская, государственная идентичность) и демократизацию многих сфер политической жизни. Вместе с тем, для этой политики характерна пока еще слабая ценностная и символическая основа, наличие институциональных дефицитов (увеличивающееся социальное неравенство, таргетирование со стороны негосударственных акторов ряда старых и новых институтов). Кроме того, для участия молодежи в политическом развитии стоит последовательно разрешать ряд кризисных явлений. Во-первых, кризисные явления в управлении молодежной средой (слабость государственных органов по делам молодежи) и отсутствие доверия молодежи к формальным молодежным организациям. Во-вторых, кризисные явления молодежного политического участия (власть, парламентские политические партии не задействуют потенциал политически активных представителей молодежи в подготовке и принятии политических решений).

Библиографический список

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. О государственной молодежной политике [Электронный ресурс]: Модельный закон: [Принят в г. Санкт-Петербурге 23.11.2012 Постановлением 38-10 на 38-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ] // СПС «Консультант плюс».

3. О воспитании детей и молодежи [Электронный ресурс]: Модельный закон: [Принят в г. Санкт-Петербурге 14.05.2009 Постановлением 32-5 на 32-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // СПС «Консультант плюс».

4. Об обществах с ограниченной ответственностью [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 08.02.1998 г. №14-ФЗ : [принят Гос. Думой 14 января 1998 г. : Одобр. Советом Федерации 28 января 1998 г.] // СПС «Консультант плюс».

5. Об общественных объединениях [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 19.05.1995 г. №82-ФЗ : [принят Гос. Думой 14 апреля 1995г.] // СПС «Консультант плюс».

6. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 24.07.1998 г. №124-ФЗ [принят Гос. Думой 03 июля 1998 г. : одобр. Советом Федерации 09 июля 1998 г.] // СПС «Консультант плюс».

7. О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений [Электронный ресурс]: Федеральный закон от

28.06.1995 г. №98-ФЗ [принят Гос. Думой 06 мая 1995 г.] // СПС «Консультант плюс».

8. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 06.10.2003 г. №131-ФЗ [принят Гос. Думой 16 сентября 2003 г.: одобр. Советом Федерации 24 сентября 2003 г.] // СПС «Консультант плюс».

9. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ [принят Гос. Думой 21 декабря 2010 г. : одобр. Советом Федерации 24 декабря 2010 г.] // СПС «Консультант плюс».

10. О мерах государственной поддержки талантливой молодежи [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 06.04.2006 г. № 325 // СПС «Консультант плюс».

11. О структуре федеральных органов исполнительной власти [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 15.05.2018 г. №215 // СПС «Консультант плюс».

12. Стратегия государственной молодежной политики Российской Федерации [Электронный ресурс]: Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 18.12.2006 г. №1760-р // СПС «Консультант плюс».

13. О федеральном агентстве по делам молодежи [Электронный ресурс]: Утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 29.05.2008 г. №409 // СПС «Консультант плюс».

14. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 г. №2403-р // СПС «Консультант плюс».

Диссертации и авторефераты диссертационных работ

15. Донцова М.М. Механизм реализации молодежной политики в политической системе современной России : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Донцова Мария Михайловна. – М., 2013. – 198 с.

16. Зеленин А.А. Государственная молодежная политика Российской Федерации: концептуальные основы, стратегические приоритеты, эффективность региональных моделей : автореферат дис. ... доктора политических наук : 23.00.02 / Зеленин Алексей Анатольевич. – Нижний Новгород, 2009. – 52 с.

17. Рудаков А.В. Механизм формирования и технологии реализации государственной молодежной политики РФ : Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 – Н. Новгород, 2006. – 235 с.

18. Хомутова А.Е. Информационно-коммуникативные детерминанты политического поведения молодежи. Автореферат дисс. ... канд. полит. наук. – М: РАНХ и ГС, 2010. – 27с.

19. Щербина О.С. Механизм государственной молодежной политики в Российской Федерации: современное состояние и тенденции развития : Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. – Черкесск, 2006 – 181с.

Монографии

20. Бауман З. Текущая современность / З. Бауман / Пер. с англ. Под ред. Ю.С. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

21. Бек У. Что такое глобализация? /У. Бек / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Сидельника: Общая ред. и послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.

22. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования /Д. Белл /Пер. с англ., под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

23. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
24. Боряз В.Н. Молодёжь: методологические проблемы исследования. – Ленинград: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1973. – 155 с.
25. Волков Б.С. Психология юности и молодости. – М.: Академический проект: Трикста, 2006. – 256 с.
26. Веснин Е.Ю. Детские и молодежные общественные организации: правовое регулирование деятельности / Е.Ю. Веснин. – Санкт-Петербург: ИП Веснин Евгений Юрьевич, 2017. – 48 с.
27. Винер Г. Кибернетика и общества / Норберт Винер: пер. с англ. В. Желнинова. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 288 с.
28. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: Институт социологии РАН, 2010. – 592 с.
29. Государственная молодёжная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений / под общ. ред. В.А. Лукова. – Москва : Издательство Московского гуманитарного университета, 2013. – 718 с.
30. Государственная молодежная политика в России: социально-психологические основания и технологии реализации /Под общ.ред. С.Ю. Поповой. – М.: Аквилон, 2019. – 448 с.
31. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. – М.: Московская школа политических исследований, 2011. – 96 с.
32. Гусев Б.Б. Стратегия государственной молодежной политики : (с комментариями) / Б.Б. Гусев, А. М. Лопухин. – Москва: Издательство РГСУ, 2007. – 141 с.
33. Данилин П. Новая молодежная политика, 2003–2005 / П. Данилин. – Москва : Европа, 2006. – 291 с.

34. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 288 с.
35. Деточенко Л.С., Пупыкин Р.А. Национальные модели молодежной политики: зарубежный опыт. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2016. – 174 с.
36. Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее. / Боб Джессоп; пер. с англ. С. Моисеева; под науч. Ред. Д. Карасева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 504 с.
37. Долфсма В. Провалы государства. Общество, рынки и правила / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. Кадочникова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – 256 с.
38. Елишев С.О. Конфессиональная общественная молодёжная политика. – М.: МАКС Пресс, 2013. – 148 с.
39. Зубок Ю.А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества. – М.: Социум, 1998. – 142 с.
40. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. – М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 288 с.
41. Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. – М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2016. – 166 с.
42. Иконникова С.Н. Молодежь: социологический и социально-психологический анализ. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. – 166 с.
43. Ильинский И.М. Между Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего. – М.: Изд-во Моск. Гуманит. Ун-та, 2006. – 664 с.
44. Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория / И. М. Ильинский. – М.: Голос, 2011. – 696 с.

45. Каменец А.В. Технологии социального взаимодействия в решении актуальных проблем молодежи : учебное пособие / А. В. Каменец, И. А. Урмина. – Москва : Издательство РГСУ, 2011. – 117 с.
46. Кастельс М. Власть коммуникаций / М. Кастельс; пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
47. Клир Дж. Системология. Автоматизация решения системных задач / Дж. Клир; Пер. с англ. М.А. Зуева; под ред. А.И. Горлина. – М.: «Радио и связь», 1990. – 544 с.
48. Ковальчук М.А. Проблемы современной молодежи / М.А. Ковальчук. – Ярославль : ЯГСХА, 2011. – 138 с.
49. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. – М.: ЦСПиМ, 2014. – 548 с.
50. Коэн А.К. Отклоняющееся поведение и контроль над ним / Альберт К. Коэн // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М.: Прогресс, 1972. – С. 282-296.
51. Купряшин Г.Л. Модернизация государственного управления: институты и интересы / Г.Л. Купряшин. – М.: Издательство Московского университета, 2012. – 312 с.
52. Левин К. Теория поля в социальных науках / К. Левин / Пер. с нем. Е.А. Сурпиной. – М.: Академический проект, 2018. – 313 с.
53. Липсет М. Политический человек: социальные основания политики / М. Липсет: пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. – М.: Мысль, 2016. – 612 с.
54. Луков В.А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ. – М.: Изд-во "Канон+", 2012. – 335 с.

55. Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени / Карл Манхейм; пер. с нем. и англ. – М. Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. – 744 с.
56. Маркузе Г. Одномерный человек / Г. Маркузе ; пер. с англ. – Москва : АСТ, 2002. – 331 с.
57. Мелешкина Е. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. – М.: Инфра-М; Весь мир, 2001. – 304 с.
58. Меркулов П.А. Исторический опыт разработки и реализации государственной молодежной политики в России (вторая половина XIX в. – начало XXI в.) / П.А. Меркулов. – Орел: Издательство ОФ РАНХиГС, 2014. – 488 с.
59. Мид Дж. Г. Философия настоящего / Дж. Г. Мид /под ред. А.И. Мерфи; Предисл., введ. А.И. Мерфи; вступит. Слово Дж. Дьюи; пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузминова. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. – 272 с.
60. Нисбет Р. Прогресс: история идеи / Р. Нисбет; пер с англ. Под ред. Ю Кузнецова и Гр. Сапова. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 557 с.
61. Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. – М.: Институт социологии РАН, 2000. – 261 с.
62. Ортега-и-Гассет Хосе Восстание масс / Хоссе Ортега-и-Гассет; [пер. с исп. А. Гелескула]. – Москва: Издательство АСТ, 2018. – 256 с.
63. Павловский В.В. Ювентология: проект интегративной науки о молодежи. – М.: Академический Проект, 2001. – 304 с.
64. Паретто В. Трансформация демократии / В. Парето; пер. с итал. М. Юсима. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 208 с.
65. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М.: Академический проспект, 2002. – 832 с.

66. Перегудов С.П. Политическая система России в мировом контексте: институты и механизмы взаимодействия / С.П. Перегудов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 431 с.
67. Петрова Т.Э. Организация работы с молодежью : учебное пособие / Т. Э. Петрова, И. Э. Петрова. – М.: Инфра-М, 2015. – 208 с.
68. Политическая социализация российских граждан в период трансформации / Под ред. Е.Б. Шестопа. – М.: Некоммерческое партнерство «Новый хронограф», 2008. – 551 с.
69. Пространство открытых возможностей: к 25-летию современной государственной молодежной политики и национального совета молодежных и детских общественных объединений России. – М.: Национальный Совет молодежных и детских объединений России, 2017. – 296 с.
70. Российская молодежь: проблемы и решения. – М.: Центр социального прогнозирования, 2005. – 645 с.
71. Смакотина Н.Л. Молодежь и культурные нормы в современном обществе / Молодежь в современной России: Альтернативы выбора духовных и нравственных убеждений. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – 294 с.
72. Смелзер Н. Социология / Нейл Смелзер / Пер. с англ. З.П. Вольской; науч. ред. В.А. Ядов. – М.: Феникс, 1998. – 688 с.
73. Стиглер Дж. Дж. Гражданин и государство. Эссе о регулировании / пер. с англ. Н.В. Автономовой; науч. ред. перевода В.С. Автономов, Е.В. Худько (гл. 6, 10, 11). – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – 336 с.
74. Тойнби А. Дж. Постыжение истории: сборник / А.Дж. Тойнби / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. 2-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 640 с.
75. Ювенология и ювенальная политика в XXI веке: опыт комплексного междисциплинарного исследования / Под ред. Е.Г. Слуцкого. – СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2004. – 734 с.
76. Ханиган П. Молодежь, испытывающая трудности / П. Ханиган. – М.: Новый мир, 2003. – 213 с.

77. Шмитт К. Понятие политического / К. Шмитт / пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. – СПб.: «Наука», 2016. – 568 с.

78. Штомпка П. Доверие – основа общества / Петр Штомпка: пер с польского Н.В. Морозовой. – М.: Логос, 2016. – 440 с.

79. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт; пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.

80. Эшби У. Росс Введение в кибернетику: /У. Росс Эшби: пер. с англ. / Под ред. В.А. Успенского; Предисл. А.Н. Колмогорова. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017. – 430 с.

Статьи из научных изданий

81. Актуальные проблемы молодежи в условиях изменяющейся России: материалы Всероссийской (заочной) научно-практической конференции, г. Балашов, 20–21 сентября 2010 г. – Балашов: Николаев, 2010. – 137 с.

82. Байков Н.М. Государственная молодежная политика: социологический аспект / Н.М. Байков, Ю.В. Березутский // Вопросы социологии. – 2004. – № 4. – С. 8–11.

83. Бейлз Р. Теория и исследование малых групп / Р. Бейлз // Социология сегодня: Проблемы и перспективы. – М.: Прогресс, 1965. – С. 323-343.

84. Бертенова Т. О. Проблема молодежи в эпоху глобализации / Т.О. Бертенова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. – 2005. – Вып. 1. – С. 46–52.

85. Бессонова А.А. Молодежь как социальная общность постиндустриальной информационной реальности / А.А. Бессонова // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2012. – № 6 (110).

86. Бидуэлл Ч. Молодежь в современном обществе / Ч. Бидуэлл // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М.: Прогресс, 1972. – С. 297-314.
87. Бляхер Л.Е. Негражданское общество // В поисках гражданского общества. – Великий Новгород: НовГУ, 2008. – 400 с.
88. Бобков В.Н. Экономическая активность российской молодежи и проблемные зоны ее реализации / В.Н. Бобков, Н.В. Бобков // Уровень жизни населения регионов России. – 2016. – № 2 (200). – С. 8–29.
89. Бородина С.Н. Роль субкультур в социальной мобильности молодежи в постсоветских обществах / С.Н. Бородина, Е.О. Васильчук // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 4. – С. 225–228.
90. Брянцева М.В. Социальные проблемы молодежи / М.В. Брянцева // Вестник Учебно-методического объединения вузов России по образованию в области социальной работы. – 2011. – № 4. – С. 178–184.
91. Бурлуцкая В.А. Особенности реализации государственной молодежной политики в сфере досуга молодежи в современной России / В.С. Тимощенко // Colloquium-journal. – 2019. – № 1-8 (25). – С. 8–13.
92. Вишневский Ю.Р. Социология молодежи – о молодежи, для молодежи / Ю.Р. Вишневский, В.Т. Шапко // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 28 февраля 2014 г. – Екатеринбург : УрФУ, 2014. – Т. 1. – С. 5–9.
93. Власенко Л.В. Роль молодежи в процессах преобразования общества / Л.В. Власенко // Научный диалог. – 2014. – № 5 (29): История. Социология. – С. 126–140.
94. Головоненко Д.В. Нормативно-правовые аспекты государственной молодежной политики / Д.В. Головоненко // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2013. – № 4 (14). – С. 48–52.

95. Горяева Т.Н. Социализация молодежи / Т.Н. Горяева // Аспирант и соискатель. – 2006. – № 2. – С. 164–169.

96. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности / Грановеттер М. // Классика новой экономической социологии / сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин; пер. с англ. и с фр; под науч. ред. В.В. Радаева, Г.Б. Юдина; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 345–7379.

97. Грязнова Ю.Г. Конфликтогенность межпоколенного взаимодействия в культуре современного российского общества / Ю.Г. Грязнова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 2. – С. 42–47.

98. Гукова И.Н. Взаимодействие государства с молодежными общественными объединениями: политико-правовой аспект / И.Н. Гукова // Вопросы. Гипотезы. Ответы: наука XXI века. – Краснодар, 2013. – С. 92–121.

99. Гурин Д.Д. Специфика современного состояния государственной молодежной политики / Д.Д. Гурин // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения-2019 : сборник научных трудов по материалам 6-й Международной научно-практической конференции. – Гатчина, 2019. – С. 568–571.

100. Гусева Н.А. Условия взаимодействия детского общественного объединения с социальными партнерами / Н.А. Гусева // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т. 2, № 3. – С. 214–217.

101. Данилова Е.А. Молодежь в региональном социуме: теоретический аспект / Е.А. Данилова, Е.В. Щанина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 1 (13). – С. 62–69.

102. Демидов А.А. Особенности реализации региональных молодежных программ в Удмуртской республике / А.А. Демидов,

С.В. Королев // Актуальные проблемы развития государственной молодежной политики : материалы Всероссийской научно-практической конференции). – Ижевск, 2018. – С. 162–166.

103. Докшина А.Ю. Анализ государственных программ поддержки молодежных и детских общественных объединений в Дальневосточном федеральном округе / А.Ю. Докшина, З.А. Фардзинова // Интерактивная наука. – 2016. – № 4. – С. 54–56.

104. Жаданов А.Ю. Социальное развитие молодежи в современной России / А.Ю. Жаданов // Общество и право. – 2013. – № 2 (44). – С. 269–273.

105. Жарова Л.А. Ежегодный доклад комитета по молодежной политике / Л.А. Жарова // Социологические исследования. – 2008. – № 12. – С. 32–35.

106. Задонская И.А. Особенности формирования гражданской культуры молодежи в современном российском обществе / И.А. Задонская // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2012. – № 11 (115). – С. 294–299.

107. Золотухина-Аболина Е.В. Экзистенциально-психологические и культурно-мировоззренческие аспекты отношений между поколениями / Е.В. Золотухина-Аболина // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 6 (1). – С. 31–37.

108. Ивушкина В.О. Социализация молодежи в условиях информационного общества / В.О. Ивушкина // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 2 (12). – С. 164–168.

109. Караев А.М. Социализация молодежи: Методологические аспекты исследования / А.М. Караев // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2005. – № 3. – С. 124–128.

110. Карпухин О.И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения / О.И. Карпухин // СОЦИС. – 2000. – № 3. – С. 12–18.

111. Колбенева О. Государственная молодежная политика в современной России: особенности организации и реализации / О. Колбенева // Ученые записки Тамбовского отделения РОСМУ. – 2014. – № 2. – С. 75–80.
112. Комов В.Э. Направления муниципальной поддержки молодежных и детских общественных организаций / В.Э. Комов, А.О. Матросова // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. – 2017. – № 1. – С. 150–152.
113. Кондыков А.С. Формирование гуманистических ценностей молодежи в социокультурной сфере в контексте социологического подхода / А.С. Кондыков // Мир науки, культуры, образования. – 2007. – № 1 (4). – С. 26–30.
114. Кон И. Психология молодежной аудитории / И. Кон // Наука убеждать. – М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1969. – С. 284–313.
115. Коршунов А.В. Адаптационные стратегии российской молодежи на рынке труда / А.В. Коршунов // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 7 (1). – С. 86–89.
116. Куприянов Б. Детские общественные организации: инвариант и вариативность / Б. Куприянов // Народное образование. – 2007. – № 7. – С. 207–214.
117. Купряшин Г.Л. Публичное управление / Г.Л. Купряшин // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии: Научное издание / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М. Издательство «Аспект Пресс», 2015. – С. 193-216.
118. Лисовский В. Воспитание убежденности / В. Лисовский // Наука убеждать. – М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1969. – С. 318–347.
119. Литвак Р.А. Деятельность современных детских и молодежных общественных объединений / Р.А. Литвак // Вестник Института культуры детства. – 2012. – № 13. – С. 79–81.

120. Лобынцева С.В. Обзор научных исследований, посвященных деятельности детских и молодежных общественных объединений России (2016–2018 гг.) / С.В. Лобынцева // Научные основы развития воспитания в системе образования, социализации современных подростков и детского движения. – Москва, 2019. – С. 229–239.
121. Луков В.А. Молодежная политика: концепция И.М. Ильинского / В.А. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 2. – С. 13–24.
122. Макаева А.Р. Основные приоритетные направления государственной молодежной политики в России / А.Р. Макаева // Вопросы науки и образования. – 2018. – № 26 (38). – С. 102–104.
123. Мартынова В.Ф. Ценностные ориентиры детского общественного движения / В.Ф. Мартынова // Образование из будущего: обучение, воспитание, развитие : сборник статей научно-практической конференции, посвященной 40-летию кафедры педагогики и кафедры психологии Омского государственного педагогического университета. – Омск, 2018. – С. 161–168.
124. Марчук Ю.Н. Проблемы социализации молодежи в современном социуме / Ю.Н. Марчук // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки. – URL: [http://sibac.info/archive/social/9\(35\).pdf](http://sibac.info/archive/social/9(35).pdf) (дата обращения: 12.11.2019).
125. Масалов А.Г. Теоретические подходы к определению сущности молодежи / А.Г. Масалов // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2012. – № 2. – С. 102–110.
126. Матюшин П.Н. Молодежная политика в России как элемент формирования общественного исторического сознания / П.Н. Матюшин // PolitBook. – 2014. – № 3. – С. 55–67.
127. Меркулов П.А. Региональная государственная молодежная политика: проблемы и перспективы / П.А. Меркулов, А.Л. Елисеев //

Государственное управление. Электронный вестник. – 2015. – № 52. – С. 87–100.

128. Моздокова Ю.С. Детские и молодежные общественные объединения как инструмент реализации современных социально-культурных технологий / Ю.С. Моздокова // Актуальные проблемы информационного общества в науковедении, культуре, образовании, экономике : сборник научных докладов 15-й Международной научно-практической конференции. – Москва, 2018. – С. 386–390.

129. Молодежь и политика. Современные очертания и история проблемы, роль государства и гражданского общества, ожидания и прогнозы : материалы Семинара. – Москва : Фонд Фридриха Науманна : АИРО-XXI, 2006. – 255 с.

130. Молодежь, политика, право : межвузовский круглый стол 28 февраля 2007 г. : сборник научных трудов. – Курск : Издательство КГСХА, 2007. – Вып. 1. – 205 с.

131. Мясоедова В.А. Формирование института молодежных политических элит в контексте политических преобразований в Российской Федерации / В.А. Мясоедова // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. – 2016. – № 4. – С. 19–28.

132. Назаров З.И. Проблемы образовательного и профессионально-трудового самоопределения российской молодежи в социальном контексте современности / З.И. Назаров // Инновационная наука. – 2015. – № 6. – С. 257–261.

133. Орлова Л.Н. Организационная культура детских общественных объединений как условие функционирования социально-педагогической системы / Л.Н. Орлова // Образование и общество. – 2018. – № 6 (113). – С. 103–107.

134. Пай Л. Незападный политический процесс / Л. Пай // Политическая наука. – 2003. – №2. – С. 66–85.

135. Парк Р. Организация сообщества и романтический характер / Роберт Парк // Социологическая теория: История, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». – СПб. «Владимир Даль», 2008. – С. 44–53.

136. Подогов Г.А. Исследование межпоколенческих отношений современными гуманитарными науками / Г.А. Подогов // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2010. – № 3. – С. 81–85.

137. Полутин С.В. Социология молодежи: история становления и перспективы развития / С.В. Полутин, О.Н. Тюлякова // Интеграция образования. – 2010. – № 1. – С. 108–111.

138. Проблемы молодежи постсоветского пространства : материалы Всероссийской научной школы, 22–26 августа 2011 г. : в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. – Кемерово : Кемеровский технологический институт пищевой промышленности, 2011. – 218 с.

139. Прутченков А.С. Типичные ошибки и заблуждения при организации и поддержке детской (молодежной) общественной организации и органов ученического самоуправления / А.С. Прутченков // Непрерывное педагогическое образование.ru. – 2012. – № 1. – С. 31.

140. Пучков А.С. Новые формы реализации государственной молодежной политики: на примере Северо-Кавказского федерального округа / А.С. Пучков // Государственная политика: методология, практика, направления совершенствования: материалы Международной научно-практической конференции. – Орел, 2016. – С. 308–311.

141. Региональная практика детского и молодежного движения как область прикладных научных исследований социально-педагогической направленности / Е.В. Сухушина, Л.Г. Смышляева, Г.Ю. Титова, А.В. Середа // Научно-педагогическое обозрение. – 2017. – № 4 (18). – С. 198–207.

142. Романова Е.Г. К вопросу об учете мировоззренческих и духовных ценностных предпочтений современной молодежи в рамках государственной молодежной политики / Е.Г. Романова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 1. – С. 256–263.
143. Ростецкий Р.В. Особенности развития молодежной политики в России / Р.В. Ростецкий // Молодой ученый. – 2018. – № 26. – С. 142–147.
144. Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России / Б.А. Ручкин // Социс. – 2004. – № 5. – С. 90–95
145. Ручкин Б.А. Молодежь как стратегический ресурс развития российского общества / Б.А. Ручкин, В.Л. Родионов, А.В. Пыжиков // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 1. – С. 146–165.
146. Сайганова Е.В. Трансформация роли молодежи в современном обществе / Е.В. Сайганова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Социология. Политология. – 2015. – Т. 15. – Вып. 1. – С. 19–22.
147. Самохвалов Н.А. Цели, задачи и приоритеты государственной молодежной политики Российской Федерации на среднесрочную и долгосрочную перспективы / Н.А. Самохвалов // Вестник Забайкальского государственного университета. – Чита, 2017. – Т. 23. – № 4. – С. 68–75.
148. Самуэльсон П.Э. Общественные кривые безразличия // Пол. Э. Самуэльсон // Вехи экономической мысли. Том 4. Экономика благосостояния и общественный выбор / Под общ.ред. А.П. Заостровцева. – СПб: Экономическая школа, 2004. – С. 135–164.
149. Сиваков А.А. Развитие социального партнерства между государственными структурами и молодежными и детскими общественными объединениями в Курганской области / А.А. Сиваков // Инновационные подходы к работе с молодёжью: сборник материалов 2-го Профессионального форума «Инновационные подходы к работе с молодёжью». – Курган, 2015. – С. 141–147.

150. Слободнюк В.Ю. Современные проблемы молодежной политики в Российской Федерации / В.Ю. Слободнюк // StudentResearch : сборник статей Международного научно-практического конкурса : в 2 ч. – Пенза, 2018. – Ч. 1. – С. 264–266.

151. Современные проблемы молодежи или проблемы завтрашнего дня и пути их решения / Г.А. Бердешева, Г.У. Койшыгулова, Р.Ш. Тулеуова, Б.Б. Сраж // Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований : материалы 7-й Международной научно-практической конференции. – NorthCharleston: CreateSpace, 2015. – С. 36–40.

152. Солтус О.Е. Воспитательный потенциал детских общественных объединений / О.Е. Солтус, И.В. Груздова // Образование, наука и инновации : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции : в 2 ч. – Шелехов, 2017. – Ч. 1. – С. 130–132.

153. Струкова А.С. Процесс реализации молодежной политики общественных объединений российской молодежи на примере Хостинг Московской области / А.С. Струкова, А.А. Минина // Особенности государственной политики России в условиях санкций : 7-я Межвузовская научно-практическая конференция. – Химки, 2019. – С. 282–286.

154. Тимощенко В.С. Особенности реализации государственной молодежной политики в современной России / В.С. Тимощенко // Реализация государственной молодежной политики на региональном уровне : сборник материалов «круглого стола» студентов Смоленского филиала РАНХиГС при Президенте РФ и СмолГУ. – Смоленск, 2015. – С. 29–31.

155. Топилина Е.С. Особенности социализации молодого поколения в современной России / Е.С. Топилина // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2006. – № 3. – С. 140–144.

156. Усынина Н.И. Определение сущности понятия «молодежь» / Н.И. Усынина // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2013. – № 1. – С. 26–28.

157. Фатхтдинова Э. Специфика становления современной государственной молодежной политики России / Э. Фатхтдинова // Юриспруденция в теории и на практике: вопросы совершенствования правовой грамотности : сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2018. – С. 92–93.

158. Фофонова Н.А. Современные подходы к деятельности детских и молодежных общественных объединений / Н.А. Фофонова // Педагогика и современность. – 2013. – № 1 (3). – С. 24–27.

159. Харисова З.Г. Молодежная политика в современной России / З.Г. Харисова // Вестник науки и образования. – 2018. – Т. 1. – № 5 (41). – С. 39–41.

160. Хохлявина Г.А. Детские и молодежные общественные объединения как компонент воспитательной системы / Г.А. Хохлявина // Актуальные проблемы развития современной науки и образования : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции : в 5 ч. – Люберцы, 2015. – Ч. 5. – С. 41–44.

161. Чальцева И.С. Молодежная политика за рубежом: попытка анализа / И.С. Чальцева // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 2. – С. 296–304.

162. Чижевич Т.А. Межнациональные конфликты в молодежной среде / Т.А. Чижевич // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 7. – С. 30–32.

163. Чирун С.Н. Государственная молодёжная политика Российской Федерации: проблемы реализации и противоречия методологии / С.Н. Чирун // Политика и общество. – 2017. – № 1 (145). – С. 16–32.

164. Шмелев А.А. Молодежные культурные и социальные движения в России / А.А. Шмелев // Социологические исследования. – 2011. – № 1. – С. 13–18.

165. Щелак В.А. Добровольчество. Детские и молодежные общественные организации / В.А. Щелак, А.Н. Матусевич // Передовые научно-технические и социально-гуманитарные проекты в современной науке : сборник статей 2-й Международной научно-практической конференции. – Москва, 2018. – С. 184–185.

166. Экономические, социальные и правовые проблемы современной молодежи : сборник научных трудов. – Москва : Спутник+, 2010. – 310 с.

Научные работы на английском и немецком языках

167. Easton D. The analysis of political structure / by David Easton / D. Easton. – New York, London: Routledge, Chapman and Hall, Inc. 1990. – 336 p.

168. Eisenstadt S.N. From Generation to generation. Age groups and social structure /S.N. Eisenstadt. – Glencoe, Illinois: The free press, 1956. – 360 p.

169. Jaide W. Das Verhältnis der Jugend zur Politik / Empirische Untersuchungen zur politishen Anteilnahme und Meinungsbildung junger Menschen der Geburtsjargange 1940 – 1946. / W. Jaide. – Berlin-Spandau: Hermann Luchterhand Verlag GmbH, 1963. – 180 p.

170. Kahl J. Positivismus als Konservatismus. Eine philosophische Studie zu Struktur und Funktion der positivistischen Denkweise am Beispiel Ernst Topitisch / J. Kahl. – Koln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1976. – 302 p.

171. March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life / The American Political Science Review, Vol. 78, No 3 (Sep., 1984), 734-749.

172. Mead M. Der Konflikt der Generationen. JugendohneVorbild / Margaret Mead, Ubersetzt von Thomas M. Hopfner. – Frankfurt am Main: Verlag Dietmar Klotz GmbH, 2000. – 140 p.

173. Milbrath Lester W., Goel M. L. Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics? / Lester W. Milbrath, M. L. Goel. - Chicago: Rand McNally College Publishing Company, 1977. 223 p.

174. Shefers B. Soziologie des Jugendalters: Eine Einfurung / 4 uberarb. und aktualisierte Auflage / B. Shefers. – Opladen: Leske und Budrich, 1989. – 216 p.

175. Shelsky H. Die skeptische Generation. Eine Soziologie der deutschen Jugend / Helmut Shelsky. – Dusseldorf-Koln: Eugen Diederichs Verlag, 1958. – 520 p.

176. Smith T. Alexander. The comparative policy process / T. Alexander Smith. - Santa Barbara, California: American Bibliographical Center – Clio Press, Inc, 1975. – 184 p. P. 34.

177. Wilson James Q. Bureaucracy: What government Agencies Do and Why They Do It. / Wilson James Q. – United States of America. Basic Books, Inc. 1989. – 433 p.

Статьи в периодических изданиях, интернет-ресурсы

178. Взаимодействие государства и молодежных организаций в реализации молодежной политики. – URL: <http://sdamzavas.net/3-16228.html> (дата обращения: 13.11.2019).

179. Воронова А.В. Неформальные социальные практики самореализации молодежи в системе социокультурных образований / А.В. Воронова // Современные исследования социальных проблем : электронный научный журнал. – 2012. – № 7 (15). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/neformalnye-sotsialnye-praktiki-samorealizatsii-molodezhi-v-sisteme-sotsiokulturnyh-obrazovaniy> (дата обращения: 11.11.2019).

180. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. – URL: <https://docviewer.yandex.ru/> (дата обращения: 13.11.2019).

181. Поддержка молодежных и детских общественных объединений государством. – URL:

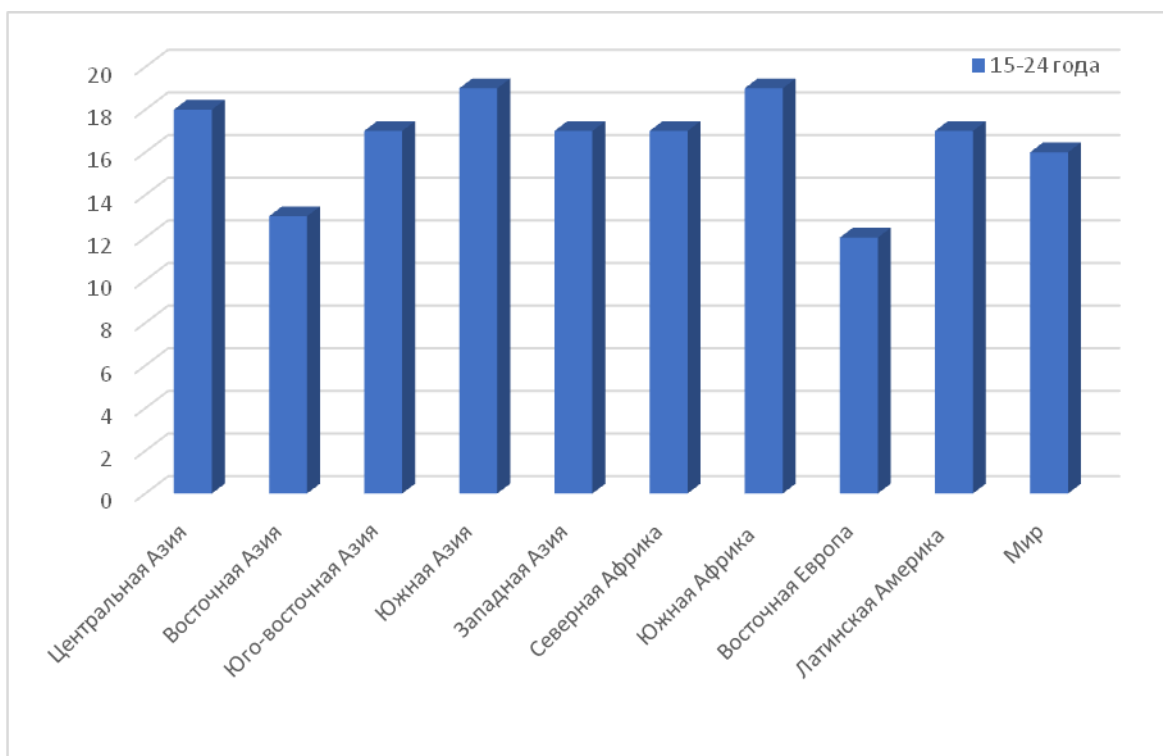
https://vuzlit.ru/1250815/podderzhka_molodezhnyh_detskih_obschestvennyh_obedineniy_gosudarstvom (дата обращения: 13.11.2019).

182. Поддержка молодежных и детских общественных объединений, консультативно-совещательных структур молодежи, органов молодежного самоуправления. – URL: <https://docviewer.yandex.ru/> (дата обращения: 13.11.2019).

183. Региональная практика детского и молодежного движения как область прикладных научных исследований социально-педагогической направленности / Е. В. Сухушина, Л. Г. Смышляева, Г. Ю. Титова, А.В. Середа // Научно-педагогическое обозрение. – 2017. – № 4 (18). – С. 198–207.

184. Чем российская молодежь отличается от своих западных сверстников // 812'OnLine. – URL: <https://online812.ru/2014/02/10/007/> (дата обращения: 12.11.2019).

Процентное соотношение молодежи к общей численности населения планеты (данные ООН на 2015 год)²³⁷

²³⁷ WorldYouthReport. [Electronic resource] // United Nations: [website]. — Режим доступа: <https://www.un.org/development/desa/youth/wp-content/uploads/sites/21/2018/12/WorldYouthReport-2030Agenda.pdf> (Датаобращения: 05.01.2020 г.)

Типы объяснительных переменных в политической системе и их взаимосвязи по Д. Истону²³⁸

Численность молодежи Российской Федерации в 1990-е и 2000-е годы по данным органов государственной статистики²³⁹

²³⁸ Easton D. The analysis of political structure / Easton D. – Great Britain. Routledge. 1990. 336p. p.36

²³⁹ Цит. по: Российский статистический ежегодник: Стат. Сб. – М.: Госкомстат России, 2000. – 642 с.; Российский статистический ежегодник. 2010: Стат.сб./Росстат. – М.: Росстат, 2010. – 813 с.; Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gks.ru/compendium/document/13284> (Дата обращения 04.01.2020)

Возраст (лет)	1997 год	2000 год	2009 год	2013 год	2016 год	2019 год
1	2	3	4	5	6	7
10-14	12191	11930	6891	6689	7254	7825
15-19	10956	11769	9650	7152	6731	6947
20-24	10476	10739	12389	10849	8445	7114
25-29	9610	10210	11667	12556	12412	10222
30-34	10742	9494	10696	11346	12219	12718

**Органы исполнительной власти в Правительстве РФ,
реализующие государственную молодежную политику**

1. Полномочный представитель Правительства РФ по делам молодежи, Комитет по делам молодежи при Правительстве РФ, Комитет РФ по делам молодежи, Государственный комитет РФ по делам молодежи, физической культуре и туризму, Государственный комитет РФ по делам молодёжи (1992–1998 гг.)
2. Департамент по делам молодежи Министерства труда и социального развития (июнь 1998 – сентябрь 1998 гг.)
3. Государственный комитет РФ по делам молодежи (сентябрь 1998 – март 1999 гг.)
4. Государственный комитет РФ по молодежной политике (март 1999 – 2007 гг.)
5. Государственный комитет Российской Федерации по делам молодежи (2007 – 2008 гг.)
6. Федеральное агентство по делам молодежи с 2008 года – по настоящее время.

Основные молодежные, подростковые и детские общественные организации РФ

Ассоциация общественных объединений «Национальный совет молодежных и детских объединений России»

Всероссийская Молодежная Организация ЛДПР

Всероссийская общественная молодежная организация «Всероссийский студенческий корпус спасателей»

Всероссийская общественно-политическая молодежная организация партии «Единая Россия» «Молодая Гвардия Единой России»

Всероссийские общественные неполитические объединения молодежи

Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия»

Всероссийское проправительственное молодежное общественное движение «Россия Молодая»

Всероссийское общественное объединение «Ассоциация Молодежных правительств»

Движение ДА! (Демократическая Альтернатива)

Комитет по делам молодежи «Российского конгресса народов Кавказа»

Ленинский коммунистический союз молодежи Российской Федерации

Молодежное движение СПС «Молодые правые»

Молодежная Женская Ассоциация «ПАТРИОТКИ.РФ»

Молодёжная общероссийская общественная организация «Российские Студенческие Отряды»

Молодежное общероссийское движение за свободу и социальную справедливость «Победа»

Молодежный блок «Российского Общепартийного Союза»

Молодежный парламент при Государственной Думе ФС РФ

Международная детско-юношеская организация Русской Православной Церкви «Братство православных следопытов»

Международное молодежное общественное объединение «Лига Справедливости»

Межрегиональное молодежное общественное движение «Ассоциация АВАРД»

Молодежное внутрипартийное объединение политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко» «Молодежное Яблоко – молодые демократы»

Молодежное Общественное Движение Экологов Подмосковья «Местные»

Молодежное православное движение г. Москвы «Молодая Русь»

Молодежное отделение политической партии «Российская экологическая партия «Зеленые» – «Молодые зеленые»

Молодежное общественное политическое движение «НАШИ»
Национальная организация добровольцев – НОРД «РУСЬ»
Общественная организация Ассоциация «Покров»
Общественно-государственная детско-юношеская организация
«Российское движение школьников»
Общероссийская молодежная общественная организация
«Революционный коммунистический союз молодежи» – РКСМ(б).
Общероссийская общественная организация «Детские и молодежные
социальные инициативы» – ДИМСИ
Общероссийская молодежная общественная организация «Российский
коммунистический Союз Молодежи»
Общероссийская общественная организация «Российский Союз
молодежи»
Общероссийская молодежная общественная организация «Российский
Спортивный Союз Молодежи»
Общероссийская общественная организация «Общее дело»
Общероссийское общественное движение «Ассоциация учащейся
молодежи Российского Союза Молодежи «Содружество»
Общественная экологическая организация «Друзья Балтики» (Санкт-
Петербург)
Профсоюзная организация «Российская ассоциация студенческих
профсоюзных организаций высших учебных заведений»
Региональная общественная организация социальной поддержки
молодежи «Студенческая община»
Российское общественно-политическое движение «Народно-
демократический союз молодежи» (НДСМ)
Студенческие молодежные объединения «Ассоциация Профсоюзных
Организаций Студентов Вузов г. Москвы» (АПОС)

Нормативно-правовая база государственной молодежной политики в Российской Федерации

Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»

Федеральный закон от 28.06.1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» от 5 апреля 2013 г.

Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» от 05.10.2015

Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 23.11.2015 г.

Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» от 28.11.2015

Указ Президента Российской Федерации от 16.05.1996 г. № 727 «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи»

Указ Президента Российской Федерации от 06.04.2006 г. № 325 «О мерах государственной поддержки талантливой молодежи»

Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»

Указ Президента Российской Федерации от 30.07.2008 г. № 1144 «О премии Президента Российской Федерации в области науки и инноваций для молодых ученых»

Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2015 г. № 312 «Об утверждении Положения о премии Президента Российской Федерации в области науки и инноваций для молодых ученых»

Указ Президента Российской Федерации от 09.02.2009 г. № 146 «О мерах по усилению государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов и докторов наук»

Концепция общенациональной системы выявления и развития молодых талантов, утвержденная Президентом Российской Федерации 3.04.2012 г. №827 Пр-827 и Комплекс мер по ее реализации, утвержденный заместителем Председателя Правительства Российской Федерации О.Ю. Голодец от 26.05.2012 №2405п-П8

Указ Президента Российской Федерации от 01.06.2012 г. №761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.»

Указ Президента Российской Федерации от 21.02.2015 г. №86 «О Дне российских студенческих отрядов»

Распоряжение Президента Российской Федерации от 24.06.1993 г. №459-рп «О праздновании Дня молодежи»

Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 03.06.1993 г. №5090-1 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации»

Постановление Правительства Российской Федерации от 03.04.1996 г. № 387 «О дополнительных мерах поддержки молодежи в Российской Федерации»

Постановление Правительства Российской Федерации от 24.07.2000 г. № 551 «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях»

Постановление Правительства Российской Федерации от 29.10.2014 г. № 1111 «О стипендиях Правительства Российской Федерации для молодых деятелей культуры и искусства»

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.04.2012 г. № 506-р «Об утверждении Концепции государственной молодежной политики в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, до 2025 года»

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года»

Распоряжение Правительства РФ от 09.04.2015 г. № 607-р «Об утверждении плана мероприятий на 2015 – 2018 годы по реализации первого этапа Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года»

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года»

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.12.2015 г. № 2570-р «О плане мероприятий по реализации Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года»

Постановление Правительства Российской Федерации от 17.12.2010 г. № 1050 «О федеральной целевой программе «Жилище» на 2015 – 2020 годы»

Образцы и примеры нормативно-правовой базы реализации государственной молодежной политики в субъектах РФ (на примере Воронежской области)²⁴⁰

1. «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Воронежской области» от 28 декабря 2007 года №163-ОЗ
2. «О государственной молодежной политике в Воронежской области» от 12 мая 2009 года № 32-ОЗ
3. «О государственной (областной) поддержке молодежных и детских общественных объединений в Воронежской области» от 6 июля 2009 года №66-ОЗ
4. «О профилактике алкоголизма, наркомании и токсикомании на территории Воронежской области» от 6 мая 2010 года №34-ОЗ
5. «О патриотическом воспитании в Воронежской области» от 6 октября 2010 года №103-ОЗ
6. «О поддержке деятельности студенческих отрядов в Воронежской области» от 29 ноября 2011 года №178-ОЗ
7. «О добровольческой деятельности (волонтерстве)» от 11 марта 2013 года №2-ОЗ
8. «О молодом специалисте в Воронежской области» от 6 марта 2014 года №10-ОЗ

²⁴⁰ Реализация государственной молодежной политики на территории Воронежской области. – Воронеж: государственное бюджетное учреждение «Областной молодежный центр», 2014. 80 с. С.2-3.